

Декабря 18 (31)

Священномученик
Фаддей (Успенский),
архиепископ Тверской

«От юности Христа возлюбил еси...»

Священномученик Фаддей родился 12 ноября 1872 года в селе Наруксово Лукояновского уезда Нижегородской губернии в семье священника Василия Федоровича Успенского и его супруги Лидии Андреевны и в крещении был наречен Иоанном в честь преподобного Иоанна Дамаскина. Прадед священномученика, священник Иоанн Яковлев, служил в Успенском храме в селе Чиресь Лукояновского уезда. Его сын, Федор Иванович, после окончания в 1846 году Нижегородской духовной семинарии был рукоположен во священника к этому же Успенскому храму, где прослужил около полувека и первый получил фамилию Успенский по имени храма, в котором служил сначала его отец, а затем и он сам. Все домашние почитали его как сугубого молитвенника, человека, имевшего глубокую веру и любящее, кроткое и снисходительное к человеческим немощам сердце. Из всех внуков дедушка больше других любил Ивана, которого он называл архиереем.

Окончив Нижегородскую духовную семинарию, Василий Федорович 10 сентября 1870 года был назначен учителем в село Наруксово и 21 сентября обвенчался с девицей Лидией, дочерью священника Андрея Ивановича Цветаева, служившего ранее в Троицкой церкви в этом селе. 11 октября Василий Федорович был рукоположен во священника к Троицкой церкви. В 1873 году, когда Ивану было несколько месяцев, отец Василий был переведен служить в Нижний Новгород, где и прошли детство и юность Ивана. В 1873-м и 1874-м годах отец Василий исполнял должность помощника инспектора Нижегородской духовной семинарии. В 1875 году он был назначен священником и законоучителем в Мариинский институт благородных девиц – учебное заведение, созданное для получения образования дочерей потомственных дворян и военных не ниже штаб-офицерского чина, а также дочерей купцов 1-й и 2-й гильдии. Здесь преподавались: Закон Божий, история, география, русская словесность, арифметика, естествознание, физика, французский и немецкий языки, чистописание, рисование, музыка, пение, танцы, изящные и хозяйственные рукоделия. В 1899 году отец Василий, возведенный к этому времени в сан протоиерея, был назначен настоятелем Покровского собора в городе Васильсурске. У протоиерея Василия и его супруги Лидии Андреевны было восемь сыновей и две дочери. Сын Александр стал впоследствии преподавателем Орловской духовной семинарии, Владимир – преподавателем в Санкт-Петербургском епархиальном женском училище, Василий – доцентом Санкт-Петербургской духовной академии, Николай – служащим, Борис окончил Нижегородскую духовную семинарию, но впоследствии избрал профессию врача, Михаил окончил Нижегородскую духовную семинарию, Федор стал служащим, дочери Нина и Лидия вышли замуж, муж одной был профессором Казанского университета, у другой – священником.

Из всех детей отца Василия более всех любил храм и церковное богослужение Иван: ребенком он выстаивал по нескольку служб подряд – утреню, раннюю и позднюю литургии. Богослужение стало его родной стихией и дома, и в духовном училище, и в семинарии, где был храм преподобного Иоанна Дамаскина и престольный праздник всегда совпадал с днем его тезоименитства. Впоследствии именно богослужение он считал главным средством христианского воспитания человека, придавая большое значение благоговейному, неспешному и уставному его совершению, четкости и внятности чтения канонов. В 1892 году Иван окончил Нижегородскую духовную семинарию и поступил на казенный счет в Московскую духовную академию.

Учился Иван в академии в то время, когда ее ректором был архимандрит Антоний¹, ставший его духовным отцом, с ним он впоследствии сблизился и подружился. Как ректор, архимандрит Антоний старался воздействовать на студентов не столько административной строгостью, сколько положительным личным примером. Любя и почитая ученое монашество, он в себе самом являл образец ученого монаха и добросовестного христианского пастыря, причем без напускной мрачности и демонстративного аскетизма. Студенты тянулись к нему, чувствуя, что он не столько администратор, обязанный по своему положению поддерживать дисциплину, сколько отец академии, искренне помогающий разрешать разного рода возникающие вопросы, к нему без стеснения можно было обратиться не только за духовной, но и за материальной поддержкой.

Конец XIX – начало XX столетия стало временем выявления духовных тенденций, ставших результатом исторического пути России и в особенности последних двухсот лет проводимых в стране реформ. И как светская, так и духовная интеллигенция стояла тогда перед выбором – или западноевропейская культура, в основе которой в то время был атеизм, или начальная история Руси, в основе которой было в значительной степени христианское восприятие мира. Перед студентами, предполагавшими принять священный сан как профессию не по праву наследования, а по призванию, стояла ответственная задача стать людьми образованными.

Собрав как-то после ужина в столовой студентов, архимандрит Антоний стал беседовать с ними. Он рассказал им о людях 1860-х годов, которые, увлекшись известными идеями и чувствами, выражали недовольство и презрение к существующим в государстве порядкам, были горды и нетерпимы к мнениям противников, которых они называли консерваторами, хотя те были людьми более

¹ Архимандрит Антоний (Храповицкий; 1863–1936). В 1881 году окончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию, в 1885-м – Санкт-Петербургскую духовную академию, в том же году принял монашеский постриг и был рукоположен в сан иеромонаха. В 1890 году возведен в сан архимандрита и назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии, в 1891-м – ректором Московской духовной академии, в 1895-м – ректором Казанской духовной академии. В 1897 году хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. В 1900 году он был назначен епископом Уфимским и Мензелинским, в 1902-м – епископом Волынским и Житомирским. В 1906 году был возведен в сан архиепископа. В 1912 году он был назначен членом Святейшего Синода. В 1914 году назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским. На Поместном Соборе Российской Православной Церкви 1917–1918 года был избран кандидатом на Патриарший престол. В 1917 году был возведен в сан митрополита и назначен на Харьковскую кафедру, в 1918-м – митрополитом Киевским и Галицким. В 1920 году эмигрировал. До 1936 года митрополит Антоний возглавлял Русскую Православную Церковь за границей.

широких взглядов. Один из таких «консерваторов», Иван Сергеевич Аксаков, говорил, что вместо либеральных возгласий им бы нужно встать на практический путь, отправившись служить, например, в какой-нибудь уезд врачами. В ответ он был лишь осмеян. Люди 1860-х годов утверждали либерализм государственно-правовой. А славянофилы говорили, что у народа больше достоинства и свободы, и утверждали для личности либерализм, который сопровождается обычно самоограничением, имеет начало в борьбе с собой и основан на религии. Такая позиция важна для педагогов, чтобы они могли ограничивать свои стремления к расширению прав над учениками, демонстрируя при этом совершенно иное отношение к начальству.

Иван внимательно слушал наставления ректора, пригодившиеся ему, когда он впоследствии на себе испытал все трудности пути педагога-христианина.

Удивляло и радовало Ивана то, что к ректору можно было прийти по любому вопросу и едва ли не в любое время. Как христианина, собиравшегося серьезно и бесповоротно следовать христианским путем, и в особенности если этот путь станет монашеским, его волновал вопрос о духовнике – к кому можно будет обратиться в трудных случаях. И он зашел спросить об этом отца ректора.

– Я пришел поговорить о душе, – сказал он, – вроде того, чтобы исповедоваться. Во всех аскетических сочинениях говорится о необходимости совета с духовным отцом.

– Обратитесь к отцу Герману², начитанному в аскетической литературе, к нему можно дать записку, – сразу же посоветовал отец Антоний. – А без совета действительно нельзя обходиться, – уверенно сказал он, – может выработаться односторонность, – разве только тому, кто еще, как дитя, не запятнан или по укреплению в духовной жизни не нуждается в совете. Ты ведь, по всему видно, в монахи пойдешь, – заметил вдруг отец ректор и, зная, что Иван собирается стать преподавателем (и желая объединить в своем предложении монашество и священство), добавил, – да и неудобно учителю без священного сана.

– Его можно принять и после, не принимая пострига, – высоко ценя всякое сказанное слово, которое может звучать как обет, ответил Иван.

Затем он стал говорить о своем самомнении и самопревозношении.

– Ну, да разве это в вас есть? – удивился отец Антоний.

– Да, есть, особенно относительно своего значения среди товарищей, – сказал Иван.

В ответ отец Антоний стал подробно описывать виды самомнения, которые обычно проявляются очевидным образом – в самоупоении собой и осуждении других. Иногда и самоуничижение не свидетельствует о смирении. В то же время противно человеческой природе считать себя менее умным, чем явный дурак, но только не нужно упиваться своими достоинствами: нужно относиться к рассуждениям других о наших достоинствах и недостатках объективно, как бы речь шла не о нас, желая всегда добра ближним через дар Божий, подобно забывающей о себе матери при заботе о детях, упрекать себя за то, что не послужил, как бы мог.

– Но есть ведь и мнимое самомнение, – возразил Иван, – когда сравнение себя с другими возникает невольно, подобно тому как невольно может

² Схиигумен Герман (Гомзин; 1844–1923), преподобный, местночтимый святой Владимирской митрополии, устроитель Смоленской Зосимовой пустыни.

возникнуть хульный помысел на Христа, Божию Матерь, на Крест – и тем более, чем более мы будем бороться.

– А что, тебя нельзя обидеть? – спросил его отец Антоний.

– Меня никто не обижал, – ответил Иван.

Далее они повели разговор о посте. Иван сказал, что по внешности он мог бы назвать себя воздержным, но не постящимся, потому что по-настоящему поститься он мог только по воскресеньям, так как поститься во время усиленных умственных занятий ему очень трудно. Отец Антоний ответил, что и не нужно, хотя уже усвоенных привычек не следует оставлять. Затем разговор зашел об отношениях с товарищами. Отец Антоний спросил, где лучше живется – в академии или дома? Иван без колебаний ответил, что в академии, только вот близких товарищей у него здесь почти нет, потому что он разговорами о спасении души интересуется, а для других эти темы бывают скучны.

После беседы с архимандритом Антонием Иван пошел посоветоваться о духовной жизни к отцу Герману, известному в то время старцу, подвизавшемуся неподалеку от Троице-Сергиевой лавры в Гефсиманском скиту. Увидев игумена Германа, он про себя нарочито отметил его внешний вид: высокий, весьма благообразного вида старец с белым, редко улыбающимся лицом. Иван назвал себя. Выслушав его, отец Герман спросил:

– Занимаешь ли ты себя, когда, например, идешь куда-нибудь, мыслями о Боге? Это дело самое главное.

– Стараюсь вспоминать, – ответил Иван.

Затем отец Герман спросил, что именно его смущает, и, выслушав, сказал:

– Как во внешних науках существует постепенность в научении, так и в духовной жизни. Это ведь искусство из искусств. Нельзя сразу вскочить на верхнюю ступень, только не возросшие мечтают о разных подвигах, вроде долговременных постов и уединения. Не это христианину нужно, потому что при всех этих подвигах человек может остаться фарисеем; главное дело в самоукорении, постоянном напоминании себе о своей греховности. Если нет тяжких падений, то может быть тонкая брань, и она может погубить человека, если у него нет самоукорения. Нужна постоянная исповедь – открытие зла и перед собой, и перед другими – или товарищами, или духовными отцами. Особенно важно чтение творений святых отцов, которые представляют нам как бы зеркало для души. Хороши в этом отношении творения преподобных аввы Дорофея, Ефрема Сирина, а также святителей Димитрия Ростовского и Тихона Задонского, которые есть наши Иоанны Златоусты и Василии Великие. Недостатки других мы скорее видим, чем свои, поэтому прежде всего нужно увидеть свои недостатки. Нужно стараться в других видеть доброе, а причину своих несчастий и бед увидеть в своих грехах. Если придут самолюбивые помыслы, с которыми будет трудно бороться, то лучше всего в этом случае читать 69-й псалом³.

Игумен Герман спросил Ивана о его планах на будущее. И тот ответил, что пойдет или в учителя, или в священники, а к монашеству, пожалуй что, не чувствует склонности. Вообще же, как говорит отец ректор, и в чем он с ним

³ «Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися. Да постыдятся и посрамятся ищущии душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся хотящии ми злая: Да возвратятся абие стыдящееся глаголющии ми: благоже, благоже. Да возрадуются и возвеселятся о Тебе вси ищущии Тебе, Боже: и да глаголют выну, да возвеличится Господь, любящии спасение Твое. Аз же нищ есмь и убог, Боже, помози ми: помощник мой и избавитель мой еси Ты, Господи, не закосни».

совершенно согласен, нужно не произвольно в монахи идти, а ожидать указания Промысла Божия через обстоятельства.

Во всё время разговора, который длился часа полтора, отец Герман настойчиво говорил о самоукорении, возвращаясь к этой теме многократно и с разных сторон. Отвечая на вопросы отца Германа и сам задавая ему вопросы, касающиеся духовной жизни, Иван усиленно старался, чтобы тот его понял, чтобы вопросы и, соответственно, ответы на них не были абстрактными, слишком общими, а касались именно его. Самоукорения же, отметил он про себя, во всё время разговора он не чувствовал ни малейшего. Он стал искать причину. «Неужели это оттого, что я как бы бесчувственное существо? Ну что же, в бесчувствии виновен», – подумал он.

В скит к отцу Герману после этого первого визита Иван стал ходить часто. И однажды отец Герман спросил его:

– А вы не идете в монахи? Я, например, ушел двадцати четырех лет.

– Да нет, хотелось бы в учителя, а с сорока лет в священники. Священники ближе к пастве, они все-таки и в домах бывают своих духовных детей, а монахи нет, – ответил Иван, отмечая главное свое пожелание – служить людям.

– Ну, и монахи могут быть близкими, – уверенно возразил отец Герман и затем спросил: – А что, собственно, вас так устрашает в монашестве, если в монашестве, как и в священстве, одинаково нет развлечений, а только молитва и забота о пастве? Да, между прочим, и труд священнический иной раз вознаграждается весьма плохо. Поставят два штофа водки да дадут сорок копеек священнику – вот и всё вознаграждение, а ему пришлось ехать за двадцать верст. Лучше всего бы тогда идти в город, где определенное жалованье. А вообще-то, лучше идти туда, к чему есть призвание, – заметил в заключение отец Герман серьезно.

Учась в академии, Иван целеустремленно обустроивал свой внутренний мир, проявляя в этом деле редкостное упорство и терпение. Желая знать о себе всё в точности, он вел дневник. Открывая ему свою душу, он при этом сохранял удивительное целомудрие и деликатность, записывая лишь то, что действительно было для него существенно и важно, не позволяя себе в упоминании о других входить в ненужные подробности, которые хотя бы в малой степени походили бы на осуждение. Он уже тогда хорошо усвоил, что осуждать можно только себя. Его нежная душа, сохранившая детскость и простоту, устремлялась лишь к Богу, стараясь по мере возможности стяжать любовь к людям. Он зорко следил за моментами ослабления этой любви, скорбел о духовном охлаждении и душевной расслабленности и вновь, и вновь в этих случаях обращался за помощью к Христу. Дневник велся ежедневно, в нем подводился итог как внешним делам, так и внутреннему духовному деланию. Через несколько лет для него стало возможным сравнивать каждый проведенный день с тем, как он был проведен год назад, два или больше.

В период обучения в академии, видя, насколько плоть угнетающе действует на дух и что действительно, по слову Христову, дух бодр, а плоть немощна, Иван принял решение, как можно строже ограничивать себя в потреблении пищи, чтобы не дать возобладать над собой тирании плоти.

Бытовая жизнь в академии проходила тогда в соответствии с воззрениями и возрастом учащейся молодежи и часто сопровождалась развлечениями и пирушками, от которых Иван старался всячески уклоняться. Он никогда не участвовал в товарищеских трапезах, сопровождавшихся винопитием и игрой в

карты, становившейся в это время всё более модной. Он был единственным среди студентов в комнате, где жил, кто не употреблял спиртных напитков; со смирением, без доли какого-либо превозношения он отказывался, когда они предлагались: для себя он обосновал свое решение Священным Писанием. Поскольку Священное Писание советует пить вино исключительно в целях лечебных, «для пользы желудка» (1 Тим. 5: 23), а он в этом не нуждается, то и ни к чему тогда пить. В отличие от многих студентов академии, Иван выполнял все положенные молитвенные правила, заключавшиеся в утренних и вечерних молитвах, старался молиться Иисусовой молитвой во всё время бодрствования и даже беседуя с товарищами. Делал он это так, чтобы никоим образом не показать свои молитвенные занятия окружающим. Выполнение даже самых простых молитвенных правил стало в то время для многих студентов необязательным, а потому он их совершал, выходя в коридор. Но, несмотря на это, его общий молитвенный душевный настрой ощущался всеми.

Из-за особенностей своего поведения, из-за веры, которая стремилась найти свое действенное воплощение в повседневной жизни, не ожидая далекого будущего, у Ивана возникали иногда размышления, о религиозной правомощности которых он шел советоваться с отцом ректором.

– Отношения мои с товарищами по академии, а особенно по студенческому номеру, так сложились, что меня почти все любят, иные уважают и уж во всяком случае не ненавидят; и вот у меня возникает мысль, будто мой образ жизни имеет какое-то поучительное значение. Да и самому трудно избежать мыслей, происходящих от сравнения себя с другими, – сказал он как-то отцу ректору.

– Мыслей сравнительных избежать нельзя, – ответил архимандрит Антоний, – но всё, что у нас получается и делается хорошего, всё это нужно вменять не себе, а благодати Божией. Себя же во всем укорять, не самоупиваться похвалами и не превозноситься.

– Знаете ли, отец Антоний, я хотел бы посоветоваться о своем чувстве, переживаемом мной в состоянии одиночества. Я и хотел бы говорить (особенно с теми, кого люблю), но почти всё время удерживаю себя от разговоров, и получается так, что я вроде как удаляюсь от товарищей.

– Не следует удаляться от разговоров и от общения хотя бы даже и для того, чтобы не возгордиться от своего «подвига», – сказал отец ректор, – но нужно идти навстречу тем, кто нуждается в беседе с нами и прежде всего в нашем сочувствии.

Частые размышления о цели земной жизни, о бренности всего земного, о средствах достижения Царства Небесного захватывали душу и переходили иной раз в область сновидений, некоторые из которых Иван записал в дневнике: «3 апреля [1894 года]. Воскресенье. Перед пробуждением видел странный сон – будто бы я недавно умер и вот переживаю состояние души вне тела. Душа моя всё время вообще была покойна, а может быть, еще беспечна, не вошла в себя, не поняла своей участи и думает о том, что теперь за условия ее жизни? Она витает по местам, где жила, и думает: что я теперь буду делать доброго и как? Когда я была в теле, то была возможность легко совершать добро. Однако к жизни в теле не чувствовалось желаний. Плохо, когда успокаивают (хотя и не с этой целью, а не вдумываясь надлежащим образом в сущность загробного состояния) тем, что исправление возможно и по смерти, – более истины в словах преподобного Макария и говорящих, что по смерти нет раскаяния, возможно облегчение по молитвам Церкви (хотя и это не во всё верно, потому что

говорящие так также не вдумывались в сущность загробного состояния). Вот, думалось душе, как бы теперь были полезны молитвы за мою душу (хотя в чем польза, не сознавалось); плохо, что во время жизни я не просил молиться и теперь умер внезапно... почувствуют ли близкие, что с моей смертью утратили что-нибудь? На деле я мечтал о связи – что же это за общение с другими вне тела? Однако предчувствовалось, что так едва ли останется, это общение почувствуется не отвлеченно лишь, а живее. Потом я прошел на крыльцо какого-то дома, где, как предположил, происходило погребение...»

Поскольку в пище Иван себя сурово ограничивал, то зачастую переживал жестокие нападения, как он называл, от «обеденных помыслов». Он писал в дневнике: «22 апреля [1894 года]. Пятница святой Пасхи. После обедни я был борим обеденными помыслами, а за обедом поработился, по крайней мере едва бы мог понять об желчи и оцте Владыки... или „Моя пища творити волю Пославшего Меня“ [Ин. 4: 34; 19: 29]. На обед пошел спустя несколько минут после звонка и встретил отца ректора с инспектором [иеромонахом Кириллом (Лопатиным)]; последний сказал: „Должно быть, проголодались, Иван Васильевич?“ Как противоположна выраженная здесь мысль о беззаботности относительно обедов с моею заботливостью о них! Но, Господи! даждь ми восстати!.. Была всенощная... под конец она не была свободна от обедов; ...тяжело было встречать в сердце нечувствие, особенно потому, что это последняя пасхальная служба вечерняя: жаль расставаться с пасхальным богослужением – оно кажется каким-то величайшим небесным благом, хотя бы и принималось с малочувствием!»

Самоограничение и как следствие борьба с помыслами относительно пищи были иной раз весьма мучительны, и Иван как-то раз записал: «Обеды... но что с ними делать?! Сколько есть силы бороться – частью терпеть... укорять себя... не забывать главным образом о Боге и о том, что жизнь во Христе и любви... Стоял за службой... увы!.. то бросаемый в ужас оттого, что приходят обеденные мысли и я как бы не различаю, что важнее, обедать ли или (трудно, собственно, сказать) – быть со Христом, то впадал в суетливые помыслы об экзаменах или о слабостях, то в ужас оттого, что стоял за каноном пасхальным как каменный!.. Пал я и не знаю, как восстать!!! Господи! исцели меня. Ибо нет иной жизни... Нужно бы упомянуть о том, что нередко после обеда находит скорбное настроение, что-де не умею побороть страсти чрева. Но чрево берет свое, невзирая на призрачную скорбь. С одной стороны, что-де не нужно поститься для поста и есть в меру, что-де от неедения возгордишься... не в различении едения и неедения-де дело; с другой – постоянное неумение соблюсти себя во время еды и забытие в это время о хлебе ином. Так трудно соблюсти себя и так редко мера находится... Обеды являются в мыслях и в ненадлежащее время: иногда проснешься, и являются неприятные мысли о том, что до приема в себя пищи и прекращения подвига некоторого (стояния за обедней, чтения) осталось столько-то, а иногда ложишься с мыслями о продолжительности подобных времен и их распределении: не безразличными по временам кажутся дни постные и скромные и роды пищи: здоровье иногда является двигателем подобных мысленных родов... Впрочем, да не придается этому малому значению великого... да не будет оно важным для жизни, как бы в этом была жизнь... жизнь в Боге и Господе Иисусе Христе всё еще так нередко не понимается...»

В глубине души Иван принял твердое решение – не жениться, держаться монашеского образа жизни. Как-то в академии во время молебна собралось

много монашествующих; Иван присоединился к ним «в той, между прочим, мысли, – записал он в дневнике, – что мне не нужно удаляться от общества людей столь высоконастроенных, хотя бы оно носило название монашествующих: ведь это люди, живущие жизнью небесной, и если мне придется остаться в мире и выделяться от монашествующих, то как оставить их небесную жизнь? Как устроить жизнь самому – в стороне и не по воле Божией? Как... чего Боже сохрани!.. подумать о своих преимуществах и мнимом, как бы осуществившемся совмещении монашеского духа и живой жизни людей, то есть любви к ним деятельной!..»

Как-то Иван зашел к отцу ректору специально поговорить о монашестве и поделиться своими сомнениями. Он хотел быть учителем, а «учитель без священного сана, – считал он, – как бы не призван Богом для учительства пастырского, а только для сообщения знаний».

– Конечно, вы будете монахом, у вас настроение такое, – сказал ему архимандрит Антоний. – Всякий учившийся в академии призван к учительству, но непринявший монашества разве может говорить то, что я говорил на лекции по пастырскому богословию?

– От монашества меня удерживает теперь мысль о невозможности тесной связи с пасомыми, – поделился Иван своими сомнениями.

– Едва ли вы будете в такой тесной связи, как учитель связан с учениками, – ответил отец Антоний.

Подобные беседы о монашестве возникали между отцом ректором и Иваном нередко, в них отец ректор как принципиальный сторонник монашества страстно отстаивал свою точку зрения, убеждая его принять монашеский постриг.

– Вы есть настоящий, уже готовый монах, – сказал Ивану отец Антоний. – Вам не принимать монашества – это прелесть дьявольская, дело гордости, не желающей принести себя в жертву Богу, потому что вы, хотя и хотите приносить добро, но по-своему. А перед принятием монашества может быть состояние такое. На многих перед принятием монашества находит страх и смятение, но потом всегда приходит радость и помощь от Бога – обет укрепляет решение. Пастырство вполне может быть соединено с монашеством, можно ходить по домам и стать странствующим миссионером... если вы пойдете к учителю, то не спасете свою душу – непринимаящие священства или монашества из окончивших академию грешат против Церкви. Но, конечно, если у вас определенное убеждение не идти в монахи, то тогда, конечно, не нужно идти, – заключил архимандрит Антоний, как бы отступив от своей точки зрения.

– Я от пастырства не отказываюсь и не отрекаюсь, – сказал Иван, – но монашество – это особый образ жизни, а выбор образа жизни – это дело свободное, его человек должен избрать добровольно.

Иван принял твердое решение готовить себя к отрешению от всего земного и молить Господа, чтобы Он Сам показал путь, которым подобает ему идти уже не ослабевая.

Весной по сдаче экзаменов и окончании курса Иван перед тем, как ехать на каникулы домой в Нижний Новгород, зашел к отцу ректору. У того, по обыкновению, было много народа, разговоры велись разнообразными и было трудно сосредоточиться на своих вопросах. Прощаясь, отец Антоний, отметив про себя исключительную худобу пришедшего к нему попрощаться студента, шуточно заметил: «А вы поправляйтесь, будете архимандритом или епископом».

В Нижнем Новгороде многие из духовенства и знакомые Ивану студенты, глядя на его аскетическую внешность, спрашивали – не надел ли он клобук и кормят ли чем-нибудь у отца Антония или только духовной пищей?

Дома по обыкновению часто собирались гости, приходил дедушка-священник и братья отца, протоиерея Василия. Иван читал в это время только что опубликованную книгу отца Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Однажды о кронштадтском пастыре возник разговор за столом. Протоиерей Василий считал, что почитание отца Иоанна зиждется почти исключительно на суеверии простого народа. Он рассказал, что отец Иоанн был вчера в Нижнем Новгороде проездом и он видел его; ему не понравилось, что отец Иоанн обставил себя внешним декорумом: демонстративно поставил аналой, положил крест, Евангелие, – разве нельзя было молиться не столь открыто?⁴ Сын Иван на это горячо ему возразил:

– Это никакой не декорум, а нельзя ему запирается.

Позже Иван стал вспоминать разговор. По существу он был прав, но только тон его голоса при возражениях был повышенный. Конечно, подумал он, можно и таким тоном говорить, но только нельзя при этом иметь и тени раздражения, хотя бы внутри нервы дрожали.

Обучение в академии подходило к концу, и Иван решил посоветоваться с отцом относительно выбора пути. Разговор перешел на обсуждение трудностей пастырского служения и его особенностей в зависимости от места служения – в селе или в городе. Пример протоиерея Иоанна Кронштадтского навел разговор на тему о ежедневном служении. Иван спросил отца, есть ли в Нижегородской епархии неженатые священники? Выяснилось, что нет ни одного. Тогда он сказал отцу, что все вокруг говорят ему о монашестве.

– Ну что ж, – ответил тот, – монашество дело хорошее, но его нужно принимать обдуманно, зная, что принимаешь его добровольно и навсегда.

– Но в монашестве человек отделяется от людей, так как монах закрыт в стенах монастыря.

– Нет, он не отделен от людей, только он служит людям особым образом.

– Может быть, у меня нет склонности к монашеству, – сказал сын, заметив далее, что в нем нет таланта общественного служения, он ни в чем не участвует, даже в разговорах, даже находясь в семье, всё больше молчит.

– А надо бы входить даже в пустые разговоры, – заметил ему отец. – Со светской барышней, с институткой не будешь говорить о богословии, а надо найти общий предмет разговора.

Прощание с домашними перед отъездом всегда было связано с более или менее глубокими переживаниями. Иван заметил матери, что при каждом прощании он, кажется, оставляет дома больше, чем прежде. За обедом он стал

⁴ Это был первый визит отца Иоанна Кронштадтского в Нижний Новгород – 25 июня 1894 года. В местной газете так писали об этом: «Когда мы подъезжали к „Отважному“, отец Иоанн сидел на верхнем мостике парохода и читал Евангелие. Одет он был очень просто – в суконной рясе и соломенной шляпе. На вид отец Иоанн довольно бодр, но кажется утомленным. Палуба „Отважного“ имела совершенно оригинальный вид. У рубки I класса, задняя стена которой покрыта полотном, стоит аналой, на нем лежат крест и святое Евангелие. На стене рубки находятся 5–6 икон, перед которыми горит лампада. Здесь, как объяснили нам, отец Иоанн служит во время пути молебны и всенощные бдения».

беседовать с отцом, матерью и братом Александром и осторожно заговорил о значении внешних подвигов, особенно связанных с оставлением семьи, заметив, что для некоторых внешние подвиги неизбежны и есть единственный путь, посредством которого они могут настроиться на религиозные чувства. Спаситель иногда требовал от желающих следовать за Ним незамедлительного оставления дома.

В половине третьего дня Иван, выпив чай, помолился и стал прощаться. Всех поблагодарил. У отца с матерью попросил прощение за внешнее разъединение – что приходится разъезжаться в разные концы России, и за внутренние несогласия, которые для него, как человека в нравственном отношении чуткого и стремящегося к совершенству, были достаточно очевидны (он видел и судил в себе скрытое, чего не могли видеть другие).

– Какие? – спросил отец. – Никаких несогласий не было.

– Да от тебя-то? – сказала мать, зная смиренный и кроткий характер сына.

В дороге молитвенное воспоминание о близких соединилось в душе Ивана с грустью, со скорбным чувством разлуки с теми, которых он искренне и глубоко любил. Он предчувствовал, что эта разлука когда-то должна стать окончательной.

В академии его ждали учебные предметы, но главное – внутренний подвиг духовного совершенствования – молитва, неусыпная работа над своей душой. «Сходил в собор Троицкий, – записал он в дневнике, оказавшись в стенах лавры. – По временам увидишь там студентов, углубленных в молитву, и сожмется сердце за себя, что я пребываю на земле, занимаюсь обедами и делами земными!..»

Учебный процесс в академии предполагал обязательное написание проповедей. Иван писал их подолгу, стараясь быть в изложении мыслей точным, избегать как религиозной канцелярщины, так и пустого красноречия, когда целью становится достижение исключительно внешней красоты слога. При природном стремлении его к правде, проповеди у него выходили искренними, в каждой из них в той или иной степени отражался его личный опыт и собственные переживания. Его проповеди слушались окружающими с интересом, отмечалось, что они несут в себе отпечаток монашеского аскетического духа. Закончив написание проповеди, над которой он проработал двенадцать дней, Иван записал: «Вообразил и возможность... высшего балла... и должен был всячески смирать восставшие в душе мысли о хороших проповеди, ибо те же почти мысли, как и в прошлой проповеди, но выраженные как-то будто бы особо, ибо, думалось, каждое почти слово проходило некогда через сердце и почти все оживляющие сердце мысли внесены в проповедь...»

18 января 1895 года Троице-Сергиеву лавру посетил протоиерей Иоанн Кронштадтский. Иван впервые здесь увидел его. По обыкновению, бывшему на таких службах, Иван причащался со многими студентами академии, впоследствии записав об этой встрече с кронштадтским пастырем: «За благодарственной молитвою видеть пришлось выражение лица, которое со смущением только

вместил слабый ум... это было лицо ангела! Здесь одно небесное житие и нет ничего земного. Умиленное славословие и благодарение о неизреченном даре, значение которого он так ясно понимал и видел... За обедней о сие речи не было, и от прочего был храним в молитве с отцом Иоанном, которого образ не выходил из ума...» Много позже, на пороге страшных гонений, воздвигнутых на Русскую Православную Церковь в XX столетии, он писал об отце Иоанне Кронштадтском, почившем в день празднования памяти священномученика Игнатия Богоносца в 1908 году: он с такой ревностью «стремился жить во Христе в наши печальные дни и как бы нарочно устремился в мир горний в день священномученика Игнатия, являя родство души своей с душой великого святого. <...> Какой исполнен был он заботой о том, чтобы проверять, испытывать, очищать мысли и все движения души своей ежедневно, ежечасно для Христа, о чем свидетельствует дневник его, так и называемый „Моя жизнь во Христе“!»

Протоиерей Иоанн Кронштадтский стал примером для идущего по этому пути подвижника. Незадолго перед принятием священного сана, когда остатки сомнений относительно избираемой им стези еще теснились в душе Ивана, Кронштадтский пастырь, прозревая его исповеднический путь и то, каким подвигом он прославит Христа, сказал ему: «Аще любиши Мя... паси овцы Моя... егда был еси юн, поясался еси сам и ходил еси, аможе хотел еси: егда же состареешися, воздежеш руце твои, и ин тя пояшет и ведет, аможе не хочеш» (Ин. 21). Часто, особенно в трудные, исполненные многими страданиями периоды жизни, он вспоминал эти слова Христовы, сказанные ему святым. И чем сильнее свирепствовала буря гонений, тем чаще они вспоминались, становясь в минуты испытаний утешением Божиим.

В 1896 году Иван окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В августе того же года он подал прошение разрешить ему переработать кандидатское сочинение «Единство книги пророка Исаии» на соискание степени магистра богословия и до 15 августа 1897 года был оставлен при академии для последующего замещения одной из преподавательских кафедр, для чего следовало опубликовать текст диссертации, доработав его. Когда срок стал подходить к концу, Иван Васильевич 8 августа попросил продлить ему срок написания диссертации на соискание степени.

В марте 1897 года он подал прошение о монашеском постриге, в котором написал, что, «имея намерение посвятить жизнь свою Богу в монашестве», просит разрешить ему принять постриг в дни четырёхдесятницы.

«Аще любиши Мя... паси овцы Моя...»

Тринадцатого августа 1897 года ректор академии архимандрит Лаврентий (Некрасов) постриг Ивана в монашество с наречением имени Фаддей в честь апостола Фаддея. 27 августа в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры епископ Тобольский и Сибирский Агафангел (Преображенский)⁵ рукоположил его в сан иеродиакона. В августе митрополит Московский Сергей (Ляпидевский) стал ходатайствовать о назначении иеродиакона Фаддея в одну из духовных семинарий преподавателем Священного Писания Ветхого Завета, исходя, вероятно, из избранной им темы диссертации, хотя такое назначение не

⁵ Священноисповедник Агафангел (Преображенский; 1854–1928), митрополит Ярославский; память 3/16 октября.

соответствовало его собственному желанию. 21 сентября епископ Дмитровский Нестор (Метаниев) рукоположил его во иеромонаха.

12 ноября Святейший Синод назначил иеромонаха Фаддея преподавателем философских предметов в Смоленскую духовную семинарию. Ему тогда было обещано, что пребывание его в Смоленске будет недолгим.

13 марта 1898 года инспектор Московской духовной академии, при котором иеромонах Фаддей начал работать над магистерской диссертацией, архимандрит Арсений (Стадницкий)⁶, был назначен ректором академии, и иеромонах Фаддей, поздравив его со вступлением в новую должность, которую он назвал «трудовой», написал ему в день Пасхи 3 апреля: «Встретили Светлый праздник и мы, обитающие в Смоленске. Мне казалось, что, бывало, в академии у нас лучше как-то служили в этот день. Здесь окончили без четверти три и утреню, и литургию. Песни канона не только не повторяли, но даже спели не сполна (если, например, три тропаря, то один выпускали); большею же частью кадили. Вина подобной неполноты торжественнейшего из богослужений вообще в немощности смоленского народа: все говорят здесь, что нельзя здесь подолгу служить, не привыкли, как в лавре и в скиту. <...> Предметы, на которые меня назначили, вообще мне не противны, так как естественная мудрость не только прежде привлекала меня, но и теперь не стала мне чуждой. Правда немало в них и сухих вещей, особенно в формальной логике или в методике, но, должно быть, без формального развития не обойтись желающему сознательно и отчетливо мыслить или преподавать. Все-таки предо мною не машины, а живые люди: а при этом условии даже преподавание формальных отвлеченностей может заключать в себе некоторое разнообразие.

С семинаристами более или менее познакомился, с предметами своими, конечно, очень мало: множество непосредственных учебных обязанностей (например, познакомиться с содержанием урока, – не просто понять, но и рассказать, чтобы быть в состоянии; затем сочинения, не любящие отлагательства, и другое) не дает возможности. Занятия по дидактике были не просто теоретическими, но главным образом практическими – состояли в разборе даваемых воспитанниками 6-го (а в Великом посту и 5-го) класса пробных уроков; конечно, при этом сообщались или учителем школы, или изредка мною (потому что мне приличнее соблюдать молчание ради незнания и неопытности) некоторые методические указания.

⁶ Архимандрит Арсений (Стадницкий; 1862–1936). В 1880 году окончил Кишиневскую духовную семинарию, в 1885-м – Киевскую духовную академию. В 1895 году он был назначен инспектором Новгородской духовной семинарии и пострижен в монашество, в 1896 году рукоположен в сан иеромонаха и назначен ректором Новгородской духовной семинарии. В 1897 году назначен инспектором Московской духовной академии, в 1898-м – ректором академии. В 1899 году хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В 1903 году назначен на кафедру в Псков. С 1905 года состоял членом Учебного комитета при Святейшем Синоде, с 1906-го – присутствующим в Святейшем Синоде и председателем Учебного комитета. В 1907 году назначен архиепископом Новгородским и Старорусским и возведен в сан архиепископа. На Поместном Соборе Российской Православной Церкви 1917–1918 года был избран кандидатом на Патриарший престол. В 1917 году возведен в сан митрополита. В 1925–1926 годах находился в ссылке в городе Полторацке (Ашхабаде), в 1926–1936 годах – в городе Ташкенте. С 1927 года – постоянный член Временного Патриаршего Синода при заместителе Патриаршего Местоблюстителе митрополите Сергии (Страгородском). В 1933 году назначен митрополитом Ташкентским и Туркестанским.

Живу я (как, быть может, Вы уже слышали) при архиерейском доме – по близости к епископу; почти каждый праздник назначают меня служить с преосвященным Никанором [(Каменским)]. Тяготею я и к семинарской церкви, но лучше для меня избирать путь повиновения, ибо в собственных избраниях нередко приходится раскаиваться, а относительно поручений – разве жалеть как о не зависящих от собственных желаний и избраний. <...> Ничего не знаю об оставленном у Вас (в академии) своем сочинении: вероятным представляется, что о нем так же не заботятся, как и я о нем теперь. У кого оно теперь? <...> Бывает, впрочем, что человек спит, посеянное же им – как не знает он – возрастает. Такова, быть может, и судьба будет моего сочинения».

Обычно он писал архимандриту, а затем епископу Волоколамскому Арсению два раза в год – на Рождество и на Пасху, одновременно и поздравляя его с этими великими праздниками, и описывая обстоятельства своей жизни на данный момент. Однако неопределенность дальнейшей судьбы, а также предстоящая защита диссертации, время которой всё еще не было назначено, подтолкнули иеромонаха Фаддея написать ректору академии раньше. Описывая обстоятельства своей жизни и сомнения, стоит ли ему стремиться к преподавательской деятельности в академии, притом что он весьма критично оценивает свои способности относительно занятия наукой, имея, впрочем, в своем сознании тот высокий идеал, какому только и должна соответствовать научная деятельность, иеромонах Фаддей писал на Вознесение 14 мая: «Прежде всего здесь я сделался совершенно провинциальным обитателем и считаю вообще это свое положение вполне естественным, а потому мечтать о водворении в академии у меня не было поводов.

Здесьняя деятельность в семинарии настолько увлекла меня, что я ни о чем другом не думал, кроме нее. Да и как, собственно, было мечтать об академии? Ведь я так юн летами и так мало знаю даже в области той же ученой литературы о книге пророка Исаии, о которой писал! Как же после этого думать, что вот де настало время говорить с академической кафедры последние слова науки? Как стал бы я теперь писать лекции, если на одно чтение нужно столько дней, а затем на обдумывание и писание? А тем более в области истории. История требует точности, хронологических вычислений, знания множества мелких событий, к чему вовсе неспособна моя память, а затем художественного изложения, или способности к синтезу. Недаром история вообще (даже Священная в училище) всегда устрашала меня, и легче казалось заниматься предметами, не требовавшими особенных усилий памяти, но требовавшими отвлеченного мышления: языками, математикой, психологией, философией, а бывало даже и логикой, любил изучать книги Ветхого Завета, особенно пророческие. Я любил заниматься подобными предметами. И учился я по историческим предметам всегда хуже, также и писал сочинения. На экзамене по гражданской русской истории В. О. Ключевский поставил мне три с плюсом. А ведь я дня четыре, если не более, усиленно учил. Судите сами после этого, как трудно для меня изучение фактической стороны истории. Та масса событий по разным отраслям, которая содержится, например, в истории Лопухина⁷, для меня непостижима. Правда, в своем сочинении касался я истории современной, даже хронологии. Но всё же там подобные занятия были побочными, главное для меня был текст книги, и

⁷ Речь идет о «Библейской истории» профессора Санкт-Петербургской духовной академии Александра Павловича Лопухина, многотомном издании энциклопедического характера.

притом не историческая сторона самого текста (другое дело историческое объяснение смысла текста). Конечно, случается, что люди попадают как будто на предметы, совсем не подходящие к их склонности, но всё же мне казалось для себя неразрешимым, чем бы стал я заниматься на Библейской истории.

Всё это я говорю не потому, что решил уклониться (ибо это значило бы произвольно, так сказать, решать вопросы о своей судьбе, а она в руках Божиих), а потому что решил предоставить давать или не давать делу движение на Ваше рассуждение и волю Божию.

Что касается академии, то я, как и естественно, считаю себя еще весьма юным, чтобы восходить на высоты науки. Но ведь когда я жил в академии, то я старался тоже, как и другие, быть причастным ей (т. е. науке) и академии самой с ее обитателями. В семинаристах как-то мало заметна ведь склонность заниматься наукою помимо практических приложений, – есть, конечно, исключения. В академии же хотя пишут на степень, но обыкновенно в то же время заинтересовываются самими научными вопросами. Впрочем, Бог весть, лучше ли студенты академии или семинаристы. Да и не в одной науке дело. Всё это я говорю к тому, чтобы точнее разрешить вопрос, влечет ли меня именно в академию. Одно мне при этом кажется более ясным: я могу вообразить себя пребывающим несколько лет в семинарии на одном и том же предмете, но пробыть так всю жизнь кажется мне невообразимым. Но что далее, о том да будет воля Божия».

19 ноября 1898 года иеромонах Фаддей был назначен инспектором Минской духовной семинарии, 31 декабря – членом Минского епархиального училищного совета. В Минске ему часто приходилось проповедовать в Петропавловском кафедральном соборе и в других храмах. Зачастую его проповеди были не только толкованием Священного Писания, но и изложением личного духовного опыта. «С каждым из нас бывают минуты духовного просветления, когда мы начинаем сознавать и сожалеть о том, что ведем жизнь недостойную христианского звания, забыли и уклонились от заповедей Христовых, – сказал иеромонах Фаддей в слове в кафедральном соборе. – Вот в эти-то минуты, когда мы сознаем всю опасность для нашей души греха, мы и бываем более всего способны понимать и чувствовать сердцем радость спасения. Мы знаем, что и сделавшись близки к духовной гибели, мы имеем Спасителя. Поэтому после скорбных покаянных чувств душу нашу исполняет тихая радость, и в успокоенной совести снова водворяется мир. <...>

В детстве мы испытывали большую радость потому, что сама детская природа более чувствительна. Теперь же недостаток природных добрых чувств и расположений мы должны восполнить сами, собственным трудом и усилиями. Мысль наша прикована лишь к земному и неспособна долго сосредоточиться на размышлении о духовных предметах. Поэтому мы должны употребить усилия, чтобы возвращать свою мысль, чтобы она не блуждала праздно и была занята всегда чем-либо достойным размышления. Это кажется для нас трудным и даже невозможным, но иного пути нет; желающим же вступить на этот путь явится на помощь благодать Божия».

14 апреля 1899 года иеромонах Фаддей писал ректору Московской духовной академии епископу Арсению (Стадницкому): «Христос Воскресе! Ваше Преосвященство и отец ректор. Хотя вообще при теперешних обстоятельствах я не могу так же деятельно интересоваться жизнью академии, как прежде, тем не менее в этот праздник неудобным кажется предаваться лени. Побуждают к этому

разные связи (духовные, умственные, нравственные...), которые за недавностью не могли порваться. Конечно, я теперь не человек, стремящийся к высокой науке прежде всего, так как административная деятельность доселе очень мало представляет к тому благоприятных условий. А переставши быть таким, менее волнуюсь и событиями в высшем центре богословской науки. Впрочем, думается, что интересы научные сократились не по умственной лени, а потому, что более и нельзя заниматься на этой должности, чем занимаюсь. Конечно, не извиняю себя совершенно относительно лени. Здесь по необходимости приходится заниматься не ради науки самой в себе, но применяясь к силам начинающих вступать в нее.

По инспекторской должности немало труда с дежурствами, немало душевных страданий вследствие необходимости налагать разного рода наказания. Но есть и нечто отрадное все-таки: мне приходится входить в близкие отношения к воспитанникам, потому что они по здешним порядкам – и в дни дежурств, и в другие должны являться и обращаться к инспектору довольно часто. Конечно, это подчас препятствует предаваться спокойствию (к ревнителям его я, впрочем, доселе не принадлежал...) и даже приходится лишаться отдыха в надлежащей мере. Но зато есть повод и возможность расположить их к большому доверию, искренности и т. п.

В отношениях ко мне прочих из семинарской корпорации доселе неприятности какой-либо не замечалось. Приходилось по временам подвергаться выговорам со стороны отца ректора⁸, но это вообще пока не приводило к нарушению мира».

Во время празднования 7 июня дня Святого Духа в минском Свято-Духовом монастыре иеромонах Фаддей обратился к молящимся с проповедью: «Ибо как наши лучшие мысли и добрые чувства ослабевают и даже совершенно охлаждаются от невнимательности, когда мы даем новым впечатлениям вытеснить из души всё, что ранее было для нее наиболее дорого, так бывает и относительно действий благодати при нерадении к ним. Необходимо поэтому отрешаться от земных пристрастий и забот хотя на то краткое время, пока благодать действует в нашей душе. Иначе все лучшие всходы нашей духовной жизни будут безвременно погибать, а земные попечения, всё более и более овладевая душою, сделают ее наконец мертвою духовно, т. е. неспособной понимать духовную жизнь и к ней стремиться. Если же, ведя неослабно борьбу с дурными влечениями своей природы, мы будем внимать сокровенным действиям в душе Святого Духа, то Он более и более будет вселяться в нас, освящая все наши мысли, дела, расположения, пока не исполнится совершенно обетование Христово, что Он в нас пребывает и в нас будет» (Ин. 14: 17).

«Но как же, может явиться у нас вопрос, многие благочестивые люди живут и умирают в мире и неужели нельзя жить спокойно, оставаясь последователем Христа? – вопрошал и себя, и своих слушателей иеромонах Фаддей и отвечал словами апостола: – „Все хотящие благочестно жити о Христе Иисусе гоними

⁸ Имеется в виду архимандрит Тихон (Василевский; 1867–1926). В 1903 году он был хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии. В 1914 году возведен в сан архиепископа. В 1922 году он стал сотрудничать с ОГПУ и перешел в обновленчество; через год был возведен обновленцами в сан митрополита. Тот идол, которому поклонялся архимандрит Тихон, был избран им задолго до начала гонений на Церковь, и гонения лишь обнаружили это. И потому вполне понятно, почему он стал «гонителем» иеромонаха Фаддея.

будут“ (2 Тим. 3: 12). Уже совокупность понятий, правил и обычаев мирских, противных жизни по Духу Христову, составляет источник мучений для последователя Христова. <...> Так и мы должны иметь в мыслях, что претерпеваем ненависть и гонение мира „за Возлюбившаго нас“ (Рим. 8: 37). В те дни, дни гонений, вспомним, что не напрасно мы терпим эту ненависть, но по любви к пострадавшему за нас Христу. И если страдаем ради Него, то увидим и радость».

Служба в Минске стала для иеромонаха Фаддея страдательным, но всё же относительно легким игом, так как сам он старался всецело опираться на разум Христов (1 Кор. 2: 16). «Чем более мы начинаем полагаться на собственный разум, не желая со смиренною верою предать свою жизнь водительству Божию, тем на более скользкие пути мы становимся, – говорил он на проповеди. – Чем ближе мы думаем видеть пред собою счастье, тем более встречаем лишь обманчивые призраки его, ибо Бог „гордым противится“ (Иак. 6: 6), – Он через неудачи смиряет нас, дабы мы познали, что не мы, а Он лишь может устроить наше счастье, ибо может ли наш разум предвидеть всё, что случится с нами в жизни, и можем ли мы поэтому сами устроить свое счастье? Ходя над пропастью и не замечая её, мы низринутись бы в нее, если бы Бог не преграждал нам иногда пути. – Напротив, смиренный видит во всем явственную помощь Божию. Не полагаясь на собственный разум, он, однако, имеет истинное знание о том, как поступать во всех обстоятельствах жизни. Он идет по пути жизни уверенно и необманчиво, так как, отказавшись от обольщений собственного разума, приобрел разум Божий. Путь жизни его светел и радостен, ибо, вверяя всю свою жизнь воле Божией, он знает, что если Бог и посылает неудачи в жизни, то для блага и силен всегда избавить от них, послать вместо них тем большее счастье».

В Минске сбылась заветная мечта иеромонаха Фаддея – стать учителем. С 21 июня по 3 августа 1899 года он преподавал Закон Божий и церковнославянский язык на временных педагогических курсах, организованных для учителей и учительниц церковно-приходских школ. С 19 июня по 31 июля 1900 года он преподавал методiku по Закону Божию и церковнославянской грамоте и дидактике на временных педагогических курсах для учителей и учительниц церковно-приходских школ и школ грамоты Минской епархии. 19 апреля иеромонах Фаддей был награжден наперсным крестом. С 19 июня по 27 июля он исполнял должность ректора Минской духовной семинарии и председателя Минского епархиального училищного совета.

Он понимал, насколько тяжело жилось тогда преподавателям церковных школ, почти никем не поддерживаемым и имевшим большое число противников в лице преподавателей и администраций конкурирующих с ними государственных школ, проводящих линию исключительно светского, не имевшего отношения к христианству и его нравственной составляющей образования и в своей педагогической деятельности практически уже произведших отделение школы от Церкви. Иеромонах Фаддей всячески старался поддержать учителей церковных школ – подвижников на поприще христианского просвещения. «Но если даже одушевленная преданность своему делу по временам и охладевает в учителе, – говорил он им, – и в некоторые минуты его жизни неспособна поддержать его, то приходит на помощь размышление. Чувство само по себе непостоянно, подобно волнам то поднимающимся, то опускающимся, – беспристрастное размышление спокойно и делает безопасным

от непрестанных волнений. В минуты упадка духа учитель может поддержать себя размышлением о всей высоте и важности своего служения».

С принятием монашеского пострига, священного сана и назначением преподавателем семинарии иеромонах Фаддей усугубил подвиги, и в особенности поста. Что еще он мог сделать и как потрудиться, чтобы возгореться еще большей ревностью на пути нравственного совершенствования и подвига любви к своим питомцам? – на них он смотрел как на врученных ему Богом, а на преподавание – как на святое, данное ему Богом послушание. Этот его подвиг поначалу не встретил ни уважения, ни сочувствия со стороны его коллег-преподавателей. На ревностного труженика посыпались оскорбления, тем более неудержимо злобные, что сталкивались они с кротостью и даже безответностью подвижника. Ни одного слова ропота или осуждения не сошло с его уст. Он уже избрал свой идеал служения Богу – монашество, пастырство и учительство и его держался твердо, вопреки всем искушениям.

Иеромонах Фаддей писал тогда, что пастырь «должен быть готов не только с любовью встречать тех, кто охотно идет на его зов, но и иметь мужество встретить времена, когда, по слову Христову, поражен будет пастырь, и рассеются овцы стада (Мф. 26: 31), когда сердце самого пастыря будет терзаться от уныния и скорби, а овцы стада, невзирая на это и как бы не чувствуя близости своей гибели, всё более и более рассеиваются по путям гибели, с которых хочет возвратить их пастырь. Он должен быть превыше обычных немощей, свойственных людям, дабы не иметь нужды „по вся дни... прежде о своих гресех жертвы приносить, потом же о людских“ (Евр. 7: 27), дабы легка была его молитва, возносимая за грехи людские. Далеко должно быть от него всякое тщеславие и памятование обид, дабы кротостью его с большим удобством было побеждаемо упорство непослушных. Он должен иметь такую веру, чтобы, видя совершенное бессилие своего слова, возложить упование на всемогущую благодать, которая и наиболее огрубевшие души смягчает, отверзая для восприятия слова пастыря даже сердца людей, желавших „искусить беззлобство его“ (Прем. 2: 19)».

Ректору семинарии, архимандриту Тихону, не нравилась та ревность, с какой совершал иеромонах Фаддей свое служение в Минске, она невольно обличала его и некоторых других с ним солидарных, – и 27 июля 1900 года иеромонаха Фаддея с понижением в должности перевели преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Уфимскую духовную семинарию, куда его с радостью принял епископ Антоний (Храповицкий), назначенный 14 июля 1900 года правящим архиереем Уфимской епархии и, по-видимому, со своей стороны предпринявший усилия, чтобы избавить иеромонаха Фаддея от «минских» искушений.

«Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе...»

На новом месте служения в Уфе, вспоминая все те насмешки и унижения, которые ему пришлось пережить в Минске, и тот бесценный опыт, который благодаря им он приобрел, иеромонах Фаддей лишь укрепился в своей решимости при всех тесных обстоятельствах оставаться прежде всего учеником Христовым. Он писал: «Чтобы приобрести истинную любовь, человек постоянно должен быть готовым встретить неприятности и ненависть со стороны людей, которым он желает добра. И это есть для него то крещение огненное, которым он

должен креститься! Только испив сию чашу и приняв такое крещение, он приобретет истинную любовь к людям. Тогда он научится искать во всем не того, что ему самому приятно, а того, к чему побуждает его любовь к другим людям. И как каждый человек всеми силами порывается сделать что-либо доброе и приятное тому, кого он любит, так должен он стараться расположить себя и в отношении ко всем».

С 1901 года по 8 января 1903 года иеромонах Фаддей состоял членом Уфимского епархиального училищного совета; с 13 июня по 15 июля 1901 года он преподавал учительницам церковно-приходских школ общую дидактику и методику Закона Божия и церковнославянский язык на летних учительских курсах.

Открывая курсы, иеромонах Фаддей сказал: «Озирая лицо земли Русской, со скорбью мы видим, что из высших, иногда лишь по имени только, интеллигентных классов общества волна разнузданности мысли и воли всё более идет в народ и грозит опустошить любимое достояние его – веру Христову. Еще по преданию и привычке он крепко держится этой веры, но холод страстей может корень и его жизни погубить, сделав его маложизненным, как подточен он уже сомнениями в большей части так называемого интеллигентного общества. И может случиться с ним то же, что с одной из древних христианских церквей: „ты носишь имя, будто жив, но ты мертв“ (Апок. 3: 1). Не за то ли постигают его и постоянные бедствия: то голод, то засуха, то град, то землетрясения, что он оставляет веру отцов и не держится ее всем сердцем. Не оттого ли высшие классы общества озираются в недоумении, где найти исход из современного печального порядка вещей, и нигде не видят помощи человеческой, ибо бессильной оказывается эта помощь там, где необходима высшая помощь Божественная...

И вот ныне все мы, призванные быть просветителями народа, что должны положить в основание этого просвещения, как не веру Христову?.. Сохраним в себе этот свет Христова учения, глубоко внедренный в сердца наши еще при самом вступлении в мир сей, и взыщем его как драгоценное сокровище, ради которого мы готовы были бы оставить всё, лишь бы его приобрести прежде всего! И весь разнородный материал просвещения, из которого духовно создается человек, постараемся приспособить к единой высшей цели человеческого существования! Цель же сия – приготовить в душе каждого внутреннюю храмину для обитания Христа, Который бы был светом вечным и истинным, просвещающим „всякого человека грядущего в мир!“ (Ин. 1: 9)».

Основывая свое видение окружающего на Священном Писании, педагог-подвижник не мог не замечать глубокого нравственного неблагополучия в обществе, грозящего всем большими бедствиями. «Но если исполнились слова Господа об Израиле, то должны исполниться и о нас, – писал иеромонах Фаддей. – Мы один из тех народов, которому отдано Царствие Божие, вместо Израиля, дабы принести плоды в назначенное время. Уже девять веков прошло с того времени, когда русский народ призван к деланию в винограднике Царствия Христова. С тех пор он возрос в мужа силы. Обладая богатыми духовными дарованиями, он превзошел другие народы: обессилевшими и умаленными являются они пред этим народом, далеко распространившим свои пределы в Европе и Азии и занявшим шестую часть всей земли. Велико должно быть и назначение такого народа для Царствия Божия. <...> Но вот уже издавна начались и продолжают совершаться в жизни этого великого и прекрасного народа болезненные расстройства и потрясения. Они всё более сильно и глубоко

начинают колебать те основы, на которых зиждется прочное здание, им воздвигнутое. Всё более усиливается неверие во Христа, бывшего от начала истинным краеугольным Камнем этого здания. <...> Быть может, некогда и в России произойдет столь же общее отступление от Бога, какое наблюдается во многих странах Запада, и тогда настанет конец тем более ужасный, чем более вверено было нашему великому народу. Хотелось бы всем нам, любящим Россию, воскликнуть: „да не будет!“».

Видение этого ужасного конца не приводило иеромонаха Фаддея в состояние уныния. Он понимал, что таковы судьбы Божии, которых Господь не скрыл от любящих Его. Он писал: «Оставим тщетные надежды и мечты лжеименных мудрецов века сего о том, будто жизнь на земле никогда не может истощиться, но бесконечно будет обновляться, изменяться, развиваться и совершенствоваться. <...> Сохранившиеся в наше время скудные остатки веры разве немногих христиан побуждают еще жить по духу Богом внушенной любви, по которой только и могут быть отличены истинные последователи Христовы от прочих людей мира. <...> Однако в столь печальные времена, когда для Церкви Христовой как бы не будет уже места на земле по причине гонений и притеснений её со стороны неверующих во Христа „сынов противления“ (Еф. 2: 2), должно ли приходиться в смущение и уныние „малое стадо Христово“ (Лк. 12: 32)? О, нет!»

Ставшее для иеромонаха Фаддея постоянным преподавание на курсах подвигло его написать для учителей церковно-приходских школ практическое пособие: «Записки по дидактике (общей и методике Закона Божия и славянского языка)», которое он опубликовал в 1902 году, чтобы каждый преподаватель мог им воспользоваться вне курсов. Эта книга стала основой преподавания в школе – в ней было заявлено определенно, что фундаментом обучения и подлинного просвещения является христианство, что любая форма воспитания и передачи знаний вне этого фундамента может человека развратить, убить его душу и сердце.

Преподавая на педагогических курсах учителям земских школ, иеромонах Фаддей внимательно присматривался к своим ученикам, призванным разносить знания по городам и весям России. Они могли бы оказать некоторое религиозное влияние на воспитание народа, так как земские школы понемногу замещали церковно-приходские, руководясь часто неверующими чиновниками. Печалило отца Фаддея и то, что учителя земских школ, не отрицая православной веры явно, сами на практике не исповедовали ее, не посещали богослужений даже в двенадцатые праздники, относясь к этому вполне легкомысленно, не видя в отсутствии в их жизни церковного, а значит и христианского начала ничего дурного.

Прощаясь с преподавателями земских школ при закрытии курсов, иеромонах Фаддей обратился к ним с назидательным словом. «Может быть, скажут многие в ответ, что взамен того приобрели они такие сокровища умственные, ради которых следует признать извинительным и стеснение религиозных требований духа? – с некоторой укоризной сказал он им. – В подобном-то ответе и сказывается неискоренимая привычка к тому иностранному, западноевропейскому порабощению свободной русской мысли и жизни, на которое столь давно еще начали указывать наши русские писатели. Доселе русский народ не чувствует потребности освободиться от нигилистического ига Запада, которое всё сильнее и сильнее ложится на высшие

потребности духа, вытравливая в сердце его потребность веры в Бога и правды в жизни. Ибо какие приобретения ума могут заменить ту „душу живую“, которая столь необходима в деле обучения, особенно же воспитания? Пусть на уроках русского чтения дети постигнут всё совершающееся во внешней природе, строение растений, жизнь животных и так далее, – неужели к знанию этого более всего стремится их душа? Что сделается с нею, если, постигнув всё это, она останется в неизвестности относительно величайших сторон собственной жизни и ее жизнь не приобщится к жизни „Лозы истинной“ (Ин. 15: 1), к которой она привилась бы, как одна из ветвей? Что будет с детской душой, когда взор ее будет всецело устремлен вне себя и не будет совсем различать совершающегося внутри?»

С иным по содержанию словом иеромонах Фаддей обратился к учителям церковно-приходских школ: «Ныне, в день вашего разъезда, должен сказать вам, возлюбленные братья, словами апостола, что проповедь наша к вам была не тщетна и вход наш к вам был не бездейственным (1 Кор. 15: 14; 1 Фес. 2: 1). Поистине пришлось нам видеть, что „проторжеся вода в пустыни и дебрь в земли жаждущей“ (Ис. 35: 6), призыв к жаждущим идти на воды (55: 1) нашел отклик в сердцах многих, если не всех вас. С каким усердием и охотою занимались вы всем, касающимся близкого вашему сердцу дела воспитания и обучения детей! Как много и безропотно переносили вы труды и как мало при этом позволяли себе развлечений! С какою любовью и доверием относились вы к тем, кто призван был передать вам необходимые знания и наставления, хотя бы и сам он не чужд был многих недостатков! Пусть в ваших собственных занятиях с детьми не было заметно особенно какой-либо обработанности приемов преподавания и воспитания, но зато как заметна была в них душа живая! Пусть в вашем пении также было, может быть, немало недостатков, которые неприятны для изящного слуха, но зато какое одушевление слышалось в словах молитв, которые вы пели в церкви, или во время учебных занятий, или утром и вечером!»

Занятия, проведенные иеромонахом Фаддеем, оказали большое влияние на слушателей курсов; при их закрытии один из курсистов, обращаясь к нему, сказал: «Примите нашу посильную благодарность за то светлое нравственное влияние, которое Вы оказывали на всех нас во время пребывания нашего на курсах через Ваши полные христианской любви и правды поучения в храме, через Ваши чтения по общей дидактике, осветившие нам много в нашей учительской деятельности и научившие нас любить Христа и Его Святую Церковь, через Ваши образцовые уроки по славянскому языку, показавшие нам, как нужно вести преподавание последнего, чтобы оно оказывало действительно благотворное влияние на детскую душу, а не ограничивалось лишь механической стороною дела, как это ведется в некоторых школах; наконец, через Ваше сердечное, простое обращение с нами, позволявшее нам откровенно беседовать с Вами и пользоваться Вашими добрыми советами.

Спасибо Вам и за драгоценный подарок – общую дидактику, составленную Вами для учителей церковно-приходских школ, которой мы и будем руководствоваться в нашей педагогической деятельности».

В Уфе иеромонах Фаддей закончил работу над диссертацией «Единство книги пророка Исаии», за которую ему была впоследствии присвоена степень магистра богословия и дана премия. Рецензенты писали о ней как об исследовании, отличавшемся обстоятельностью и полнотой, составившем ценный вклад в русскую богословскую науку. Для того чтобы состоялась защита

диссертации, ее текст нужно было отдать в типографию для напечатания, а для этого требовалось около 500 рублей, что значительно превышало имеющиеся у иеромонаха Фаддея средства, и ему пришлось занять недостающую сумму у сослуживцев. По существовавшим на тот момент правилам, академия могла выдать готовившимся к защите денежное пособие, если они обратились за ним в период, не превышающий двух лет со дня подачи документов на соискание научной степени. Иеромонах Фаддей написал ректору академии епископу Арсению, чтобы тот походатайствовал о выдаче такого пособия. Епископ откликнулся на просьбу, и иеромонаху Фаддею были присланы из академии 347 рублей.

«Весьма благодарю Ваше Преосвященство за содействие в оказании мне этой денежной помощи. Она освободит меня от многих долгов, в которые пришлось впасть мне, благодаря печатанию сочинения, – писал он епископу Арсению. – Приехав в Уфу после магистерского коллоквиума, я по-прежнему принялся с ревностью за свое богословие. Хотя вообще мне приходится готовиться, и остается пока время для постороннего чтения, но зато присоединились трудности другого рода – нынешний год труднее заинтересовать воспитанников после того, как они в прошлом году уже испытали сладость и горечь моих речей. Шестой класс ленивее сделался, чем он был в прошлом году. Вообще же своим положением доволен и всецело занят своим здешним делом, которого весьма много».

27 августа 1901 года под председательством ректора Московской духовной академии епископа Волоколамского Арсения состоялось заседание Совета академии, посвященное защите диссертации иеромонаха Фаддея «Единство книги пророка Исаии» на соискание степени магистра богословия. Официальными оппонентами выступили экстраординарные профессора академии – по кафедре пастырского богословия и педагогики Александр Павлович Шостын и по кафедре Священного Писания Ветхого Завета Василий Никанорович Мышцын.

Профессор Шостын писал о работе иеромонаха Фаддея: «Печать серьезного и добросовестного изучения предмета лежит на всем труде отца Фаддея. Очень внимательно и всесторонне исследована самая книга Исаии, что особенно ценно; почти также тщательно изучена и обширная немецкая литература (не говорим о русской) по избранному вопросу. Язык отличается точностью и ясностью. Даже и в полемических частях он дышит тоном спокойствия и ученого беспристрастия». Совет академии единогласно признал эту работу заслуживающей присвоения ученой степени. 19 октября Святейший Синод утвердил иеромонаха Фаддея в степени магистра богословия.

Иеромонах Фаддей жил в то время, когда наука в глазах людей имела большой успех, за ней мыслилось едва ли не будущее всего человечества, на нее смотрели как на спасительницу и почти мессию. Он отлично понимал, что роль, которую приписывают люди науке, ей не соответствует и превращает ее в идола. Живя в Уфе, где в благоприятной духовной атмосфере с наибольшей полнотой стали раскрываться его способности, а сердце наполняться христианской любовью ко всем, иеромонах Фаддей в одной из проповедей сказал: «Посмотрите, говорят они, какие тайны природы открыла наука, какие победы над природой совершила, как усовершенствовала жизнь, – и это ли не свидетельствует о могуществе человеческого разума? И зачем после этого стеснять его непонятными и невосприимлемыми для него церковными

догматами? Посмотрите, как проникла наука в тайны жизни, и не настанет ли скоро время, когда она не только успешно будет бороться с разными неизлечимыми болезнями, но даже с самой смертью? Зачем же говорят, что не может наука дать счастья человечеству, и зачем заставляют человека отказываться в требованиях своей природы, обещая какое-то невероятное блаженство в будущей жизни?

Таковы глаголы современных людей. Мнимым блеском земной мудрости хотят они затмить свет Божественной истины, хранимой в основанной Господом Иисусом Христом Церкви. Но тщетны эти их усилия. Ибо какое постижение тайн природы может дать то, что составляет основу всякого земного счастья – мир совести? Пусть наука исследовала не только то, что находится на земле, но и рассмотрела всё, что находится на высотах неба, пусть от нее не сокрылось то, что находится во внутренностях земли, – но исследовала ли она все сокровенные движения души, из которых слагается жизнь ее? Пусть наука исследовала все тончайшие нити тела и рассмотрела всё, что находится внутри его, – но открыла ли она в душе то, что составляет основу счастья или несчастий жизни? Пусть она почти проникла в самую тайну жизни, но какое уяснение тайны телесной жизни может предотвратить страх смерти? И какие успехи науки могут тогда водворить мир в душе человека, если он не нашел мира совести? Пусть люди науки считают этот мир благом мнимым и мечтательным, но многовековой опыт жизни человечества показал, что без него все поиски счастья напрасны.

Посему с более полным сердцем и душой ныне прибегаем к Церкви, в которой одной можем найти мир и которая одна есть на земле столп и утверждение истины! Возлюбим ее поклоны, которыми смиряется ум, ее посты, через которые получает дух власть и силу побеждать страсти, ее молитвы, которыми дух возносится к Богу и от земли восторгается к Небу, покаяние, которым омываются скверны души, причащение Святых Таин, которыми питается душа от самого Источника жизни. Ныне, в день торжества веры Церкви, воззрим на тех, которые были свидетельствованы в сей вере, которые, по слову апостола, *побеждали царства, творили правду, получали обетования* (Евр. 11: 33). Жизнь многих из них была исполнена лишений, скорбей и озлоблений, но они многих обогащали, исполняли утешением и радостью духовной. Многие из них жили в вертепах и пропастях земных, но были известны миру. Многие из них современники считали невежественными мечтателями, но на них с удивлением смотрел мир, и они заграждали уста львов, рыкавших на Церковь. Итак, возлюбим эту веру Церкви, которая одна может возвести на Небо, куда Предтечей за нас взошел Иисус и все жившие верой праведники!»

Служение в Уфе после минских скорбей стало для иеромонаха Фаддея большим утешением. «Мы не принадлежим к числу людей, собственными очами видевших Господа, – сказал он в одной из проповедей. – Но мы должны быть в числе тех, о которых сказал Господь: *блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20: 29). Вера наша подтверждена многочисленными доказательствами. Ибо в Евангелиях мы имеем свидетельство непосредственных очевидцев Господа, которых не можем заподозрить в обмане. Мы видели, как сила Божия через Евангелие преобразовала и преобразовывает нравы народов, видели, какие многочисленные воздвигала она и воздвигает сонмы подвижников и мучеников за Христа. И однако, хотя вера наша имеет столь твердые основания, она иногда колеблется. Бывают в жизни нашей времена, когда нам начинает казаться, что слишком велика сила зла в жизни людей, что гораздо более увлекаются люди

учениями, противными Евангелию, чем учением, содержащим в Церкви; что молитвы наши о людях остаются неслышанными, ибо даже те люди, которых мы более любили и за которых полагали душу свою, оставляют нас и что гораздо более следуют люди не за проповедниками преследуемой и ненавидимой ими истины, а за теми, которые кажутся сильнее в глазах мира. В унынии духа мы начинаем тогда думать, что не может сила Евангелия изменить людей, и что пути к блаженству, указываемые в Евангелии, мечтательны, и что более надежны те, которые проверены будто бы постоянным опытом жизни людей. Тогда прежние доказательства веры начинают казаться нам недостаточными, подобно тому, как апостолы забыли о многочисленных чудесах Господа и исполнившихся на Нем пророчествах.

Но как в апостолах воскресли прежние их надежды, когда они увидели Господа, так и нам снова в путях жизни нашей явится Господь, дабы отогнать овладевшее нами мрачное уныние. Мы увидим, как велика сила добра, которое было поругано, как многих людей привлекает к нам любовь к людям и молитвы о них, как эта любовь соединяет с нами даже тех, которых мы не знали и с которыми видимого общения не имели. Тогда мы не только очами веры узрим Господа, управляющего путями нашей жизни, но и опытно познаем Его водительство и пребывание с нами. Тогда сердце наше исполнится радости, и мы снова готовы будем воскликнуть Ему вместе с Фомою: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20: 28)».

С сентября 1901 года по март 1902 года иеромонах Фаддей исполнял в семинарии должность надзирателя. Во время отъездов ректора, архимандрита Андроника (Никольского)⁹, он исполнял должность ректора семинарии.

5 марта 1902 года иеромонах Фаддей был возведен в сан архимандрита и 15 марта назначен на должность инспектора Уфимской духовной семинарии.

«Вступал я в новую должность без особенной охоты, – писал он епископу Арсению, – потому что хотя она и соединена с возвышением по службе, но трудности ее еще так памятливы по Минску. Правда, в Минске не забыли о моем пребывании там, но всё же, как кажется, очень мало исполняются те желания, которые я с надеждой имел, пребывая там. Так и здесь: многие воспитанники весьма привязаны ко мне, но все-таки это не всегда-то располагает к свободному послушанию. Претыкания приходится встречать по временам от самых приятных и испытывать скорби от них».

Вручая ему архимандритский жезл, епископ Антоний сказал: «Возлюбленный отец архимандрит Фаддей! Мне предстоит вручить тебе последнее богослужebное украшение твоего сана – архимандритский жезл. Ты знаешь, что различные украшения иереев и иерархов были усвоены им римскими императорами по подобию украшений военачальнических и царских, но смиренные пастыри и архипастыри, тяготясь такими знаками отличия, истолковали их значение в совершенно ином, духовном смысле: украшения военачальнические они приняли как знамение борьбы с врагом и искусителем, роскошные царские далматики, головные повязки и государственные гербы под ногами своими истолковали в смысле духовного возношения, в смысле нищенского рубища и тернового венца. Исполняя глагол Христов: *большой из вас да будет вам слуга*, – они оправдывали своею жизнью подобные значения одежд,

⁹ Священномученик Андроник (Никольский; 1870–1918), архиепископ Пермский; память 7/20 июня.

ибо на высоте святительских престолов они не умаляли своего монастырского правила, своих поклонов и постов, но умножали сии подвижнические труды множеством пастырских трудов и скорбей. Кто не слышал о рубищах Василия Великого, о посте святого Иоанна Златоуста, о бдениях Григория Богослова? Но зачем говорить о древности? И в настоящее время властные настоятели Афонских обителей предупреждают братию свою в подвигах умерщвления тела и во множестве трудов, так что поистине не на груди своей только имеют они изображение креста, но неизменно носят его тяжесть на раменах своих, а на главах своих венец терновый... Впрочем, согласимся с тем, что в настоящее время немногие из нас, носящих золотой венец, могут называть его венцом терновым...

Однако снова повторяю, что, конечно, не все мы и менее всех я, говорящий тебе это, могу похвалиться, что возлагаю на себя терновый венец. Зато также искренне, с такою же правдою могу сказать, что на тебя сегодня я возложил поистине венец терновый. Буду говорить об этом дальше, не опасаясь возмутить твоего смирения, ибо слова мои предлагаются не для прославления тебя, а для назидания вручаемых твоему надзору питомцев. Поистине ты можешь сказать о своем отношении к жизни то, что говорил пророк Иеремия: „Ты, Господи, знаешь, что не сидел я в собрании смеющихся и не веселился: под тяготеющею на мне рукою Твоею я сидел одиноко“ (Иер. 15: 17).

Эти слова прочитал я на твоём лице еще в то время, когда встретил тебя впервые девятнадцатилетним юношей, вступающим в число моих студентов Московской академии. Среди сотни молодых лиц, явившихся вместе с тобой, из которых одни носили на себе отпечаток беззаботной веселости, другие печать ученической любознательности или юношеской задумчивости, а некоторые, увы! и порочных страстей, твое лицо запечатлелось сразу в моей памяти, ибо оно поразило бы всякого соединением младенческой чистоты во взоре с некоторою почти дряхлостью кожи от беспощадного подвига труда и поста. Эти подвиги ты умножил, поступив в академию, а сверх того прилагал к ним еще один, отчасти облегчающий прочие, а отчасти еще более утруждающий душу. Удаляясь от праздных бесед и шумного товарищеского общения, ты, однако, духом своим не только не был чужд своим ближних, но, напротив, любил их так, как это свойственно душе, очищающей себя от себялюбия и чувственности и потому не тесно вмещающей скорби, сомнения, борьбу и падения своих ближних.

Наконец, окончились долгие дни твоего учения, и ты заявляешь о твоём желании быть монахом, отречься от мира, которому ты никогда не принадлежал, отречься от молодости, в которой ты не знал не только порочных наслаждений, но и невинных веселий – той беззаботной радости этого возраста, которую многие считают лучшим украшением человеческой жизни. <...> Тебя назначают учителем в одну семинарию, а через год в другую инспектором; ты усугубляешь и подвиг личного совершенствования, и подвиг любви к врученным тебе питомцам, ибо теперь ты взираешь на тот и другой как на данные тебе святые послушания, с которыми ты связан постригальными обетами.

Но ты не встретил сочувствия своим светлым, благородным начинаниям. Взамен благодарности встречал ты от своих сотрудников, пользовавшихся твоей безответностью, издевательства и оскорбления, и вот тебя присылают к нам снова в смиренном звании учителя. И что же? Ни одного слова ропота или осуждения не сошло с твоих уст. Но, может быть, ты был обильно награждаем любовью товарищей, учеников и воспитанников? Правда, с этой стороны, по-

видимому, тебе оставалось ожидать только радости. Но не вполне было так на деле. <...>

Конечно, и прежние твои питомцы, и теперешние не могут быть названы грешниками в преимущественном смысле этого слова. Напротив, молодость менее исполнена лжи, чем зрелый возраст и скорее может оценить чистоту сердца. Но в людях есть нечто демоническое, сатанинское и по временам оно восстает против тех, кто является в их сознании как вторая совесть, как обличение их внутренних помыслов. А когда подобное настроение охватывает целое молодое общество, не умеющее оглянуться на себя и проверить свои увлечения, то за него остается только молиться и плакать. Та должность, которая снова вручается тебе, имеет по преимуществу такое назначение – быть живой совестью для питомцев духовного вертограда. <...>

Но в таком случае знай, или лучше вспомни, что юношеская жестоковейность и неблагодарность есть явление временное, даже кратковременное. Наступает для них время собственного жизненного опыта, и тогда добрые примеры и мудрые советы воспитателей приносят свой плод сторицею: это ты знаешь по собственной своей деятельности – ведь бывшие ученики твои, ныне приходские священники, студенты академии, даже студенты университетов, даже те, которые колеблются в вере под влиянием неверующей среды, обращаются к тебе как к неизменному другу, отцу и советнику в затруднительных случаях своей жизни».

Это было благоприятное для Уфимской семинарии время, когда во главе епархии стоял епископ Антоний (Храповицкий), отличавшийся особым попечением о духовных школах, а в отношении к подчиненному ему духовенству – мягкостью и простотой, когда ректором семинарии был пастырь-подвижник архимандрит Андроник (Никольский), а инспектором – архимандрит Фаддей. Всюду, куда приходил епископ Антоний, он старался, насколько это было возможно, оживить церковную деятельность, побудить людей к активности, к исканию просвещения и знаний, для чего привлекал в духовные школы наставниками и преподавателями выпускников духовных академий.

Вскоре, 27 апреля 1902 года, епископ Антоний был назначен на Волынскую кафедру, и до архимандрита Фаддея стали доходить слухи, что и его могут перевести на другое место служения. 5 мая он написал епископу Арсению: «Теперь наши мысли заняты предстоящим вскоре отъездом (по-видимому, в середине мая) нашего, незаменимого для меня как духовного отца и руководителя, Владыки Антония. Правда, не в первый раз приходится нам провожать его, но всё же будущее покрывается каким-то облаком. Кроме того, – ожидание, что могут куда-либо вскоре переместить, хотя оно и не нарушает почти моего душевного равновесия. Вообще своим положением я доволен».

И действительно, 8 января 1903 года архимандрит Фаддей был назначен ректором Олонецкой духовной семинарии. В тот же день товарищ обер-прокурора Синода В. К. Саблер телеграфировал об этом в Житомир епископу Антонию.

26 января Уфимская семинария прощалась с инспектором. Отслужив литургию в семинарском храме, архимандрит Фаддей обратился к присутствующим со словом, в котором искренне и просто открывал перед ними свой внутренний мир.

«Хвалящийся хвалился Господом (1 Кор. 1: 31; Иер. 9: 24). Эти слова, вызываемые в памяти читанной ныне евангельской притчей о мытаре и фарисее,

неволью заставляю меня в нынешний день спросить самого себя – подлинно ли по имени моему¹⁰ было и житие мое, ибо имя, мной носимое, означает хвалу Господа, и оно всегда напоминало мне, что всю жизнь свою должен я направлять к прославлению имени Господа и не искать ни в чем собственной славы, – сказал он. – Но подлинно ли всегда я избегал славы человеческой и стремился делать все дела свои не для того, чтобы люди говорили мне „хорошо“, а для того, чтобы совершать во славу Божию вверенное мне дело?

Подобные размышления всегда приводили, а ныне особенно приводят меня в страх и усиливают мою печаль при прощании с вами: неужели уподоблялся я в жизни своей гробу окрашенному, будучи внутри исполнен тщеславия, нечистоты и прочих страстей? Страх этот неволью связывал мои уста и движение во всякое время – предстоял ли в молитвах за вас пред престолом Божиим, говорил ли что-нибудь на уроке или делал разные наставления и замечания: как может восходить к Богу молитва того, кто лишь на словах призывает Бога, в сердце же не имеет вполне крепкой веры в Него? Как может врачевать души слово того, кто сам не врачевал себя от многих страстей?

Но подобный страх всегда умерялся во мне сознанием, что не сам я принимал на себя то или иное служение, но оно вверялось мне от Бога. Кроме того, все намерения свои старался я проверять советами духовных отцов. <...> Я начал с усиленной ревностью изучать сам порученные мне науки и с такой же ревностью всё лучшее, что извлекал из книг или размышлений и бесед с людьми, передавать вам. Много встретил я препятствий на этом пути, по временам изнемогал духом и телом, но утешительные слова любимого мною владыки всегда утешали и укрепляли меня. Затем принял я на себя трудное дело вашего воспитания и надзора за вами, и опять не сам, но по воле горячо любимого мною владыки Антония и по любви к нему. О, как тяжела была эта моя чаша! Сколько скорбей воспринял и носил я в сердце своем! Но зато как усилилась любовь моя к вам, братия, через эти страдания! День и ночь помышлял я о вас, возлюбленные братия, и иногда слезы являлись на глазах моих. О вас были все мои думы и помышления. Ради вас заключался я в стенах семинарии, как в темнице, отрекаясь не только от собственного спокойствия, но и от известности как славы вне семинарии, хотя там и легче приобрести было эту славу! <...> Я не искал повышений по должности, когда почувствовал свою судьбу связанной с вашей судьбой, и только теперь, когда есть призыв к иной деятельности, опять совершившийся, как я думаю по воле Божией, я оставляю вас.

Мою ли это составляет похвалу? О, нет! На себя я не возлагал надежд. Ибо пусть даже я обладал знаниями, приехав сюда, но я знал, что знание надмевает, а только любовь назидает (1 Кор. 8: 1). Надеялся ли на опытность, которую приобрел в трудные дни служения в Минске? Но я знал, что, если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж (Пс. 126: 1). Посему всё упование свое возлагал я на Бога, и в минуты скорби поучение псалмов и пророков всегда было в сердце моем. Тогда я взывал к Богу, чтобы Он поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои (Пс. 39: 3).

Однако, возлагая на Бога упование, не мог я не находить утешения и в вас, братия. Ибо сколько раз видел я, как внимание ваше обращено было к моим объяснениям или вразумлениям! Сколько раз видел я, как вы с самым

¹⁰ Фаддей (евр.) – хвала.

неподдельным чувством расположения и любви окружали меня, когда я приходил к вам! О, я никогда не забуду той атмосферы любви, которой я дышал здесь более, чем в прежних местах моего служения! Никогда не изгладятся из души моей те светлые впечатления, которые связаны с эпохой обновления здешней семинарии, начавшейся с незабвенного владыки Антония. Памятны навсегда останутся мне ваши собрания в сем храме, привлекавшие многих из города, и общее одушевление, с которым исполнялись некоторые истинно церковные напевы, невольно умилавшие душу. Все эти добрые впечатления окрыляли меня надеждами, что, хотя бы и возросло терние во многих душах, сила благодати может и среди терния возрастить пышный и красивый цвет любви, источника и совокупности всякого духовного совершенства».

В ответном слове ректор семинарии архимандрит Андроник (Никольский) сказал: «Всечестный отец архимандрит Фаддей. <...> Есть другого рода отношение к своему долгу, которое ближе к Вам. Это – скромное и почти незаметное соработничество Самому Христу Господу в духовном винограднике Его, – дело более трудное, и не по затрате физических усилий, а по той душевной энергии, которая потребна для него. Это – путь кротости и терпения, воспитывающего слова и примера, внушающего человеку страх Божий, проникающего глубже красивой внешности – в самую бессмертную душу человека. <...>

В этом отношении Вы представляете собой весьма назидательный пример. Ваша жизнь не изобилует поразительными делами и предприятиями: Ваше имя не окружено ореолом славы и почета, которых Вы и не искали, и дай Бог, чтобы и впредь не соблазнялись этими приманками сатаны. Но Ваш тихий, кроткий и терпеливый вид, исполненный искреннего сочувствия и высокого христианского благожелания к руководимым, несомненно, для многих искренних душ будет иметь более действительное и воспитывающее для вечности значение, чем слава и деяния людей мира сего. Может быть, в жизни многие, даже и не совсем лучшие, ничем не сдерживаемые в своих злых желаниях, – может быть, они, лишь вспомнив Ваше терпение и кротость к ним, и сами возненавидят зло и научатся быть терпеливыми, великодушными, добрыми и отзывчивыми к действительно горю человеческому. Да не унывает же Ваша душа среди тех терний и невзгод, которые неизбежны в нашем деле, не нами избираемом, а Богом поручаемом <...>. Да не смущается и Ваша совесть в сознании неисполненного долга или при воспоминании на Ваших же, может быть, глазах возросшего зла! Если ради нашей немощи и попущением Божиим всегда будут очима бедне видящие и ушима тяжко слышавшие, то пусть они исполняют на себе меру гнева Божия. Посеваемое Вами добро в свое время принесет свой плод и благодатью Божией разрастется в пышный и прекрасный цветок».

Слово архимандрита Андроника взволновало отца Фаддея, и он поспешил высказать и ему, и всем преподавателям свою благодарность.

Затем стали выступать учащиеся. Семинарист 6-го класса, в частности, сказал: «Вы стремились пережить в себе и прочувствовать то, что были намерены сообщить другим. Такая постановка дела невольно заставляла каждого из нас серьезно относиться к науке. Наши занятия под Вашим влиянием и руководством были приятны и интересны нам. Ваши уроки и объяснения говорили не уму только, но сердцу и воле. Они раскрывали пред нами данный предмет не в отдельности, но в связи с чистым и возвышенным мирозерцанием, где данный предмет чувствовался как часть целого. Но, требуя от себя широты, высоты и

глубины мысли, Вы не подавляли нашей свободной деятельности. Не буквальное заучивание, но свободная передача мысли и сознательное отношение к делу требовались от нас.

Нельзя не отметить еще одну черту в Вашем характере и деятельности – это отзывчивость и снисходительность. Есть люди, ошибки которых прежде всего и больнее чувствуются ими же самими. И Вы умели понимать таких людей. Не формально относились Вы к ним, но с сердечной теплотой и участием. Суровые меры наказания, может быть, оттолкнули бы их от Вас и замкнули в себе, но Ваша сердечная теплота и участие будили и возрождали таких людей. Вы умели именно снизить до положения другого, разделить его стыд и горе и снова возродить. <...> Своим кротким обращением и умением снисходить к слабостям других Вы не распускали, но постепенно обновляли нас. Вы выводили наружу то, что втайне действовало, может быть, в десять раз сильнее. Многие непривлекательное и нехорошее в нашей жизни не могло исчезнуть сразу, но зато, выведенное наружу, оно сглаживалось, облагораживалось и мало-помалу теряло свой острый характер. Своим сердечным и мягким отношением к нам Вы сумели снискать себе доверие и расположение всех нас. В наших проступках Вы не прибегали к допрашиваниям и к различным вынуждениям сознаться в вине – поэтому и нас предохраняли от возможности лгать и обманывать Вас. Понимая и так каждого, Вы думали только о том, как бы поднять его и предохранить от падений».

В ответ на слова семинариста, в которых было высказано сочувствие его деятельности, архимандрит Фаддей сказал: «Прежде всего, всё то доброе, что приписывается мне в речах, не мне одному принадлежит, но и прочим делателям, я же был лишь одним из них. Затем мне приписана какая-то особенная педагогическая опытность. Должен сказать, что я более стремился к указанному вами идеалу, в действительности же был нередко немудрым строителем, ибо, как я думаю, не всегда из моих предприятий происходило добро, что в настоящую минуту меня тревожно беспокоит. Тем не менее свидетельствую вам в настоящий день, что я старался обнять в своем сердце и попечениях всех воспитанников; не было таких, о которых бы я никогда не думал сочувственно и о которых не имел бы забот и попечений; я любил не только тех, которые любили меня и были мне приятны, но и тех, которые по разным причинам высказывали неприязнь в отношении ко мне, старался вместить в своем сердце.

Что касается моей любви к науке и к своим предметам, то я должен сказать, что действительно занимался своими предметами с любовью: те учебники, которые во многих возбуждали отвращение, даже ненависть, я изучал терпеливо еще в стенах семинарии, ценя, конечно, не самое содержание их, а те первоисточники, к знакомству с которыми они подготовляли, особенно Священное Писание, изречения которого приводил даже в обычных своих беседах с вами – оно служило источником для меня самого, его считал я главным источником назидания и для вас. Сделавшись преподавателем, я горел желанием воспламенить в своих слушателях ту же ревность к словам Божественного Писания, какая воспиталась во мне под сенью храма в Нижегородской семинарии, посвященного святому Иоанну Дамаскину».

Отвечая на речи воспитанников, архимандрит Фаддей сказал: «В ответ на ваши желания сохранить со мной единение я должен сказать следующее. Духовное единение мое с теми, которых я любил и о которых имел попечение в

прежних местах своего служения, сохранялось и сохраняется в моем сердце неизменно. Если многие совсем и забыли меня, то я не забыл их и сохраняю к ним свою любовь доселе. Тем более незабвенны навсегда останутся во мне добрые впечатления, заложенные в душе моей в здешней семинарии, в которой я более, чем в других дышал атмосферой любви».

Выслушав слово старшего преподавателя семинарии, в котором тот охарактеризовал его человеком науки и проповедником, архимандрит Фаддей сказал: «Та удивительная для меня самого устойчивость в труде, какую проявлял я в академии и в бытность преподавателем, объясняется любовью моей к юношеству духовному. Когда я был в Смоленске, то, живя в архиерейском доме, постоянно стремился в семинарию, как бы возводя очи свои в горы. Моя частая проповедь объясняется неудержимой потребностью души сказать слово, вызываемое непосредственными требованиями жизни: я чувствовал как бы огонь, горящий в сердце моем, заключенный в костях моих, который истомился, удерживая, и не мог удержать (Иер. 20: 9)».

На другой день состоялся отъезд архимандрита Фаддея из Уфы. По окончании занятий в семинарском храме был отслужен напутственный молебен, на котором присутствовали преподаватели и семинаристы. После молебна архимандрит Фаддей, обращаясь ко всем присутствовавшим в храме, сказал: «Оставляю вас с печалью и потому, что жизнь моя тесно связалась с жизнью вашей, и потому, что в здешней стране чувствовалось тепло и приятно; теперь же иду в северную страну, не зная, что встретит меня там, но заранее уготовляю себя на скорби, ибо на скорби всегда я и уготовлял себя прежде. Однако иду туда с верой во Христа, Который есть истинный путь и живот (Ин. 14: 6). Надеюсь, что с отъездом моим туда не прекратится совершенно мое единение с вами. Если кто получил через меня что-либо доброе, что дано было мне сделать по благодати Божией, то прошу воздать мне за это своими молитвами. Прочих же и всех вообще прошу простить меня».

И архимандрит Фаддей всем поклонился земным поклоном. Поклонились и ему все предстоящие, а затем стали подходить к нему под благословение и дружески прощаться. Но расставаться не хотелось. И вечером семинаристы и преподаватели собрались еще раз проститься с ним на вокзале.

«Лукуй, Фиваида Русская, красуйтесь, пустыни и дебри Олонецкие...»

В Олонецкой семинарии, находившейся в городе Петрозаводске, в обязанности архимандрита Фаддея входило административное управление учебным заведением с разрешением всех вопросов, возникавших как у корпорации преподавателей, так и у учащихся, и преподавание порученных ему предметов. 31 марта он был назначен редактором неофициальной части «Олонецких епархиальных ведомостей», в которых публиковались тогда исторические и богословские материалы, а также местная хроника значимых епархиальных событий.

Архимандрит Фаддей служил часто и всегда проповедовал. 22 февраля 1903 года, в субботу, после поздней литургии в петрозаводском Святодуховском кафедральном соборе он в сослужении соборного духовенства отслужил благодарственный молебен Господу в память освобождения крестьян от крепостной зависимости. 23 февраля, в Неделю 1-ю Великого поста, богослужение в кафедральном соборе отличалось особой торжественностью.

Божественную литургию служил епископ Олонецкий Анастасий (Опоцкий) в сослужении архимандрита Фаддея и соборного духовенства. Вместительный Святодуховский собор был полон молящихся. После литургии было совершено Последование Недели Православия. «Возглашавшаяся диаконом и исполненная певчими „Анафема“ переносила мысли молящихся ко временам отдаленной христианской древности, когда могучий голос Церкви служил авторитетным выразителем суда над лжемыслящими и когда суд этот чувствовался и сознавался всеми...» – писал очевидец.

В Петрозаводске в Братском Назарьевском доме в то время были заведены на регулярной основе воскресные религиозно-нравственные чтения; в этих чтениях архимандрит Фаддей стал принимать деятельное участие. 2 марта в Братском доме проходило, казалось бы, рядовое религиозно-нравственное чтение, но оно привлекло в этот раз большое число слушателей. «Не только громадный зал здания, но и левая от входа боковая комната и вестибюль были переполнены народом. Причиной такого скопления публики было желание послушать в первый раз выступавшего с чтением нового ректора семинарии отца архимандрита Фаддея. Отец ректор... прочитал „О начале христианской жизни“ (по Феофану Затворнику)».

В следующее воскресенье вечером в Братском доме состоялись религиозно-нравственные чтения на темы, предложенные архимандритом Фаддеем: «Как начинается в нас христианская жизнь (по преосвященному Феофану Затворнику)», «Состояние грешника и действие благодати», «Торжественное шествие Господа Иисуса Христа на крестные страдания (объяснение 12-й главы Евангелия от Иоанна)». «Житие сорока мучеников» прочитал кафедральный протоиерей А.П. Надежин. Все чтения были прослушаны с большим вниманием.

«Очевидно, подвижнические писания святых отцов, – писал архимандрит Фаддей, – издавна любимые русским народом, как непосредственно касающиеся духовной жизни, и изъяснение Священного Писания, этого первоисточника последней в его непосредственном виде, могут при более или менее умелом выборе предметов для чтения и объяснения и ныне увлекать наш народ».

Через неделю архимандрит Фаддей предложил чтение на тему: «Что требуется от человека для того, чтобы вселилась благодать в его сердце».

Ежедневное ведение дневников и беспристрастная оценка своей внутренней жизни и поступков выработали у него навык писать о себе как о постороннем человеке, не закрывая глаза на отрицательное в себе и не смущаясь неожиданным успехом. О состоявшемся религиозно-нравственном чтении архимандрит Фаддей написал: «Вечером в Назарьевском доме была предложена ректором семинарии архимандритом Фаддеем беседа о событии Благовещения Пресвятой Богородицы по Евангелию, относящемся к событию ветхозаветных пророчеств, и отчасти по песнопениям праздника. Стечение народа было большое, и, благодаря живой речи, возможно было поддерживать внимание слушателей в течение довольно продолжительного времени. Заинтересовало слушателей также чтение канона на Благовещение, написанного в виде разговора между Богородицей и ангелом, на русском языке в переводе профессора Ловягина. Это чтение высокопоэтического канона в понятном русском переводе и без обычных при церковном чтении перерывов дало возможность показать, какие сокровища хранятся под спудом (для большинства, может быть, присутствующих в церкви) в богослужебных наших книгах».

12 апреля 1903 года архимандрит Фаддей написал епископу Арсению о своем новом месте служения и жительства: «Уже более двух месяцев, как я водворился в Петрозаводске, в стране льда и озер. Однако климат в этой стране, по-видимому, менее суров, чем в Уфе. Снег сошел еще весьма давно. 17 марта было гораздо более, чем „с гор вода“¹¹.

Земля сердец здешних воспитанников тоже, кажется, способна к оттаиванию, хотя и довольно медленно. Пока мои слова были выслушиваемы с большим или меньшим вниманием, хотя далеко не всегда были плодотворны. Еще рано – не время плодов. Бороться придется, по-видимому, много с выпивкой. И я начал. Пришлось уже некоторым (троим) выйти, хотя они были, так сказать, давно „уготованы на гибель“. Веду беседы по временам с воспитанниками против выпивки. Постарался привлечь к чтению; устроено вроде читальни – из журналов, поступающих в редакцию.

С преподавателями пока отношения приятные; по здешнему обычаю в праздники после всенощной они бывают у ректора (кто придет ко всенощной) и пьют чай; может быть, еще будут иногда ходить и их семейства, как было прежде.

Инспектор светский, холостой, к своему делу усерден¹². Без этого было бы совсем не под силу мне исполнять массу возложенных на меня обязанностей (по совету училищному, по редакции ведомостей, по чтениям и проповедничеству), от которых я и без того изнемогаю. А ведь сколько задач по семинарии и помимо инспекторского надзора: поднять умственное развитие, охоту к чтению серьезных книг, писательство сочинений, бороться против пьянственных склонностей и прелюбодейных, не говоря уже о задачах хозяйственных! Только дай Бог сил! Пока ничего себе, здоровье не пошатнулось.

Уфимские люди не забывают: писем было довольно-таки много. Зато сколько отвечать! Посчитал я, за пасхальный период нужно написать писем семьдесят! <...>

Забыл сказать о Преосвященном Анастасии. Он человек любящий, по-видимому, порядок, но не формалист. У него бываю нередко по делам, причем обыкновенно приходится беседовать с ним. Оказывает пока доверие».

В дополнение к этому письму архимандрит Фаддей 11 августа написал епископу Арсению: «Занимался по обычаю на курсах, на которых сидел утром и вечером. Весь день с утра до вечера до сего дня проходил у меня в занятиях. В отпуск по причине краткости оставшегося до начала учебного года времени не поехал. Вместо отдыха служит то отвлечение мыслей от семинарии, которое началось по разъезде воспитанников. Особенной усталости почему-то и теперь нет. Пользуюсь настоящими днями, чтобы подогнать запущенную переписку и пишу уже едва ли не 40-е письмо за последние дни. После, когда начнется учебный год, трудно было бы догонять.

В городе знакомых настоящих у меня здесь нет, поговорить вполне искренно и по душе не с кем: нет ни одного возвышенно-духовного известного мне человека. Конечно такого, с которым свободно мог бы я говорить. С Преосвященным Анастасием не могу, хотя и прост он вообще. Монастыря в городе нет. Более пребываю в келье или в уединении сада. Но служил летом в соборе, потому что люблю многочисленность молящихся. Впрочем, здесь пусто и

¹¹ 17/30 марта – память преподобного Алексия, человека Божия; об этом дне говорили: «Придет Алексей, человек Божий, – побежит с гор вода!»

¹² Василий Иванович Лебедев, треть века прослуживший в духовных учебных заведениях и всюду оставивший о себе самую добрую память.

холодно даже в соборе, так что прискорбно становится на душе. И несмотря на всё это, я никуда бы теперь не пошел из Петрозаводска: не знаю, что меня к нему привязало».

Проводившиеся каждое воскресенье религиозно-нравственные чтения, в которых неизменно принимал участие архимандрит Фаддей, вызывали большой интерес; на некоторых чтениях зал не вмещал слушателей. Строя лекции на основе творений святителя Феофана Затворника, архимандрит Фаддей старался приспособить их к духовному и образовательному уровню непосредственных слушателей, ко многому давая свои пояснения. Иногда сосредоточенности слушателей хватало на два часа, что было немало, если принять во внимание серьезность и глубину тем, не имевших в себе никаких развлекательных моментов. После каждого чтения архимандрит Фаддей всегда делал вывод – в чем чтение было удачным и в чем оно оказалось не вполне таковым, почему и не смогло собрать большого числа слушателей и почему сам докладчик не сумел удержать внимания присутствующих и донести до них содержание своего доклада.

«Многие отнеслись к объяснению с прежним вниманием, но прежнего общего оживленного внимания на сей раз не было заметно, – писал архимандрит Фаддей. – Менее, чем в предыдущие воскресенья, было и народа, хотя всё же довольно много. Очевидно, к систематическому объяснению Священного Писания во многих слушателях нет должного усердия...

Вечером 9 мая, в день святителя Николая Чудотворца, было чтение в Братском доме. Сначала были объяснены ректором семинарии архимандритом Фаддеем 9-я и 10-я главы Евангелия от Иоанна с обычными указаниями на соответствующие ветхозаветные пророчества, которые на сей раз особенно необходимы были для понимания бесед Господа. Народа было значительно менее, чем в предыдущие воскресные дни, хотя всё же и для такого количества, какое было, продолжать чтения еще далеко не напрасный труд. На внимание слушателей нельзя было жаловаться...»

Открывая вечером 14 сентября 1903 года религиозно-нравственные чтения в Братском доме, архимандрит Фаддей с подчеркнутой откровенностью сказал: «Очень может быть, что некоторые будут недовольны недостатком красноречия, новости, разнообразия и учености нашего слова, – им мы скажем ныне, что мы призваны „благовествовать не в премудрости слова, чтобы не упразднить Креста Христова“ (1 Кор. 1: 17). Недостаток нашего красноречия и учености пусть будет извинен ради любви, с какой мы предлагаем собирающимся здесь свое простое, но искреннее, от души исходящее слово”».

Впрочем, настоящее отношение общества к церковной школе в то время было близко к враждебному. «Ныне слово „церковность“ вызывает во многих представление о чем-то тяжелом, мрачном, скучном, обязательном не для всех, а разве для иночествующих, – писал архимандрит Фаддей. – Между церковностью и так называемым светским настроением провели люди как бы непроходимую почти грань; между школой церковной и светской, в частности, многие стараются установить самую существенную разницу, доводящую до прямой вражды между той и другой».

Размышляя над значением и ролью столь дорогой для него церковной школы, архимандрит Фаддей писал: «Если не суждено уже нашей школе возвратить те времена, когда в новопросвещенном народе русском вера во Христа была живой и целостной, проникала все жизненные отношения, то велико

будет ее значение и в том случае, если она хотя отчасти возбудит и усилит в нашем народе его прежнюю любовь к поучению в Евангелии и Псалтири, способность испытывать духовное наслаждение от чтения святоотеческих творений. Велика будет ее слава и тогда, если она хотя отчасти будет способствовать оздоровлению великого тела России, пораженного уже в столь многих частях своих язвами раскола, сектантства, даже склонности к социалистическим и анархическим учениям, если, раскинув сети своего влияния по приходам, она хотя отчасти задержит волну увеличивающегося в народе духовного развращения через внушение строгости нравов».

Внимательный к своей душе, архимандрит Фаддей был внимателен и ко всей окружающей его жизни, проблемы которой, и в особенности будущность Православной Церкви в России, будущность и самой России, его весьма заботили. Любовь, жившая в сердце христианского подвижника, простиралась далеко за пределы его личной жизни. Верующий человек заботится о многих, неверующий – зачастую лишь о своем благополучии и то, бывает, себе во вред. Истинными и просвещенными гражданами земного Отечества можно часто назвать только тех, чье сердце привязано к Отечеству небесному. Вера в небесное делает человека равнодушным и к земному, тогда как вера исключительно в земное может опустошить душу, сделав ее равнодушной к окружающим, если только от них не зависит его земное благополучие.

«В „наши дни“, когда на знамени века как бы написали люди: „свобода и законность“, – писал архимандрит Фаддей, – а с другой стороны, обличают нещадно ревнителей закона на бумаге, попирающих закон на деле по своему „усмотрению“, современным вопросом является вопрос о значении закона в жизни общественной. Подобно фарисеям, эти ревнители закона на бумаге „перстом не хотят двинуть“ для блага Отечества, о котором, по-видимому, заботятся; от беспечности и неправд их стонет и гибнет в наши дни земля Русская, на какую бы сторону жизни ее ни обратить взор: на войну, на хозяйственную часть, на учебно-воспитательную и т. д. Везде ревнители закона, и всюду вместо живых мертвые души. Ревнуют о религии – не имея ее в собственной жизни, об общественном благе – обкрадывая казну, о благотворительности – „поядая дома вдов“ и сирот до сего дня».

В 1903 году был прославлен великий чудотворец и угодник Божий – преподобный Серафим Саровский. И, как всякое великое и святое событие, у одних оно способствовало просветлению души и укреплению веры, у других – вызвало озлобление и ненависть. В слове, произнесенном в Святодуховском кафедральном соборе, архимандрит Фаддей, обращаясь к собравшемуся здесь народу, сказал: «Великая волна благодати омыла лицо земли Русской, но не поднимется ли после нее еще более волна неверия и развращения народного на смену ее, которая и ныне уже велика? Не поднялась ли земля Русская волною благодати в одной своей, хотя и весьма громадной части, и не стремится ли в „Святой Руси“ в наши дни к святости более „народ смиренный и простой“, на который не хотят обращать и внимания весьма многие „тщеславящиеся знатностью“ (Соф. 3: 12, 11) своего ума или иною какою-либо? Воздвигнут высоко светильник Церкви Русской в наши дни, но не осветил ли он называющихся в ней именем Христовым только наполовину, чтобы тем удобнее мог быть потом сдвинутым за нераскаянность составляющих другую половину ее (Апок. 2: 5)? Ибо можно ли не исполняться опасений за тайну беззакония, деющуюся во многих, когда они в день светлого торжества в Сарове, как бы ничего не зная, продолжали

свои театры, танцы и тому подобные суетные развлечения вместо того, чтобы спешить в храмы, услышав необычайный звон 18-го и 19 июля? Можно ли без горести слышать, что многие из взявших в свои руки печатное слово совершенно презрели и умолчали или даже хулили, хотя и не открыто, светлое духовное торжество, а вместе с тем и благодетельную до сего времени земле Русской Божию Десницу? Сколько простых душ смутили они своими клеветами на Церковь, которая будто бы измышленными чудесами поддерживает грубые суеверия народных масс и отклоняет их от истинного пути к прогрессу и совершенствованию...»

Поздравляя с Рождеством Христовым епископа Арсения, архимандрит Фаддей писал ему о своей жизни в Олонии: «Имею честь поздравить Вас с наступившими праздниками, а вместе – и с назначением на самостоятельную архиерейскую кафедру.

Я спокойно подвизаюсь в Олонецком крае, и чувствуется, что еще много-много предстоит труда по возделыванию здешней почвы – „труд будет тяжелый“, говоря словами пророка Иезекииля, которого я здесь часто вспоминаю. Хотя и не нахожу я здесь такого же отклика в душах, как бывало в Уфе, но это побуждение к усилению труда. Может быть, не вырастет пышных деревьев и цветов уфимских, но и северные ели и сосны не без красоты: растут они как бы без почвы, среди громадных камней, зеленеют летом и зимой. Говоря без образов, и здесь я тружусь не безнадежно, но уповая на помощь Божию. Заботимся о богослужении на святках, как в Уфе, хотя, по-видимому, не придется ежедневно служить. Кажется, очень велика здесь сила привычек и мало предприимчивости, так что и благие желания застывают в душе, оставаясь неисполненными. Нет как будто одушевленной ревности, огня, слишком много привязанности к житейским удовольствиям или, как я выражаюсь, к „Египту“.

Читаю по-прежнему маловато: ничего не поделаешь – одолели бумаги и прочие дела по всем должностям. Еще журнальные статьи иногда удается просмотреть, толстые же книги лежат годами.

Прилежит мое сердце и к школам, ради которых я уже шесть лет занимался на курсах и писал „Дидактику“. Посещаю по временам здешние городские школы, уезжал на две недели и в уезды, там немало жизни, притом церковной».

На Пасху 1904 года он писал епископу Арсению: «Нынешнюю Пасху и всю Страстную седмицу я служил в семинарской церкви, кроме вечерни в Великий Пяток и на первый день Пасхи. Немало забот выпало на мою долю об устройстве чинного и более или менее благолепного богослужения. Особенно тяжело было в конце пасхальной утрени и часов: воспитанники изнемогли от предыдущих служб и сильнейшей жары, а потому очень спешили в означенное время; остальные части богослужения шли довольно чинно. Читали и Евангелие по-еврейски, гречески и римски (помимо славянского и русского). В остальные, кроме первых двух и последнего дня, хотим устраивать необязательные службы. Так как всё время на Страстной было буквально всё занято службами и проповедями (разве еще чтение текущих известий), по Пасхе же – визитами до сего дня, то я никак не мог поздравить Вас своевременно.

Более не могу сообщить ничего достопримечательного о здешней жизни среди льдов и камня. С воспитанниками пользуюсь случаем побеседовать, причем преобладают в моих беседах увещания и наставления касательно пастырства или проявления вообще религиозной и нравственной сторон жизни в

обществе. Сердца иногда бывают каменными и ледяными, но иногда и камни как будто потрясаются, и лед тает.

С народом реже приходится беседовать, но все-таки пользуюсь случаями. Устраивал даже два духовных чтения специально для учащихся в гимназиях, что было давно моей мечтой. Здесь я начал добиваться осуществления этой мечты несколько решительнее, так как мне казалось знаменательным, что гимназисты и гимназистки нередко заходят в часовню, где покоится тело уважаемого жителями Петрозаводска блаженного старца Фаддея».

Для архимандрита Фаддея слово проповеди никогда не было риторским упражнением на определенную тему – к слову прилеплялся весь его дух, переживания его сердца, трудившегося прозреть глубины и собственного духа, и Промысла Божия.

8 мая 1904 года Олонецкая духовная семинария праздновала престольный праздник семинарской церкви – память святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Погода в этот день выдалась ненастная, и почти не было посторонних богомольцев. События последних месяцев: война с Японией, беспорядки в России и при этом какое-то странное духовное омрачение большей части общества, которое, чем тяжелее были внешние обстоятельства, тем упорнее тянулось не к очищению и покаянию, а ко греху и разврату, – всё это заставляло сильно скорбеть сердце чуткого пастыря, так что смыкались его уста для проповеди, и потому в день семинарского праздника архимандрит Фаддей смог сказать лишь краткое слово: «В день нашего храмового праздника я не мог ныне сказать своего слова собравшимся, и пришлось возносить молитвы свои в молчании. Быть может, случилось это оттого, что, как говорится в тропаре святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову, „належащий облак языков“, то есть любовь к жизни языческой, мирской, представлялась мне в последние дни слишком сильно застилавшею сердца, и я не мог найти в душе луча света, способного разогнать ее. Но все-таки я верю, что сила любви, образ которой начертал возлюбленный ученик Христов, неизмеримо велика и может разогнать самую тяжелую мглу, что она может соединить не только сердца отдельных людей, но и целых народов, по слову Христову: „и будет едино стадо и един Пастырь“».

Через несколько дней, 11 мая, все духовно-учебные и церковные школы Петрозаводска праздновали день памяти славянских учителей, святых равноапостольных Мефодия и Кирилла. В соборе собрались учителя и воспитанники семинарии, духовного училища, ремесленного училища и всех городских церковно-приходских школ. В конце молебна архимандрит Фаддей обратился к присутствующим с кратким словом: «Очень радостно видеть учащихся духовно-учебных заведений и церковных школ, собравшихся здесь вместе на богослужении в честь первоучителей славян – святых равноапостольных Мефодия и Кирилла. Подобное зрелище невольно воодушевляет и поднимает дух, так как единение во всяком деле есть залог крепости и успеха последнего. О, если бы только эта радость об единении собравшихся не омрачалась печальными мыслями о тлетворных влияниях отвне, проникающих даже в духовные школы и влияющих весьма пагубно на дело просвещения! О, если бы не было также никаких разделений между самими деятелями просвещения, чтобы не могли уже повторяться слова, какие говорились в начале строения нашей земли: „земля наша велика и обильна, а

порядка в ней нет!”¹³ О, если бы единственно искренняя любовь к просвещению народа воодушевляла всех деятелей просвещения, заставляя их всегда ставить на задний план всякие личные счета, производящие разделения, и заботиться исключительно об устройении великого общего дела!»

11 июня 1904 года состоялся первый за время ректорства архимандрита Фаддея выпуск воспитанников духовной семинарии. Были соборно отслужены духовенством семинарии литургия и молебен, после которого архимандрит Фаддей обратился к выпускникам с прощальным словом: «Хотя душа моя в настоящий прощальный час, естественно, исполнена всяких благожеланий в отношении к вам, друзья мои, но слово мое не может собрать многих, рассеянно проходящих в душе моей мыслей и чувств. Притом вы и ожидаете от меня не каких-либо пустых словесных благожеланий, но такого слова, которое, входя в слух ваш, воодушевило бы вас на дальнейший путь жизни, озарило бы его, подобно лучу, хотя немного. Не будучи в силах сказать такое слово, я напому вам, братие, только то, о чем особенно часто старался говорить вам в своих беседах.

Мне хочется напечатлеть еще однажды в ваших умах и сердцах ту истину, что всякая сила в жизни заключается в единении со Христом: в этом единении – источник всякого воодушевления, в нем залог плодотворности того дела жизни, к которому вы будете призваны. Узы же, которыми укрепляется единение со Христом, есть любовь Христова. Вы знаете воодушевляющую силу любви человеческой по собственному опыту жизни. Если любовь человеческая имеет такую силу, что совершенно иногда преобразует человека, то любовь Божия больше (1 Ин. 3: 20–21). Вы знаете сказавшего: „Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?.. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем“ (Рим. 8: 35, 38–39). Итак, укрепляйте в себе эту силу любви, которая сделает жизнь вашу непоколебимую!

Но изменчиво сердце человеческое, не прочна его любовь, ибо „человек, как трава“ (Пс. 102: 15; Ис. 40: 6). Подул ветер, наступила буря, постигли человека беды жизни, и любви как бы не осталось в его сердце, душа его пустеет и наполняется мраком. Что же делать тогда? Если бы шла речь о любви к человеку, который исполнен несовершенств и не может подать помощи во многих бедствиях жизни, тогда, быть может, было бы место отчаянию и можно было бы усомниться в силе любви. Когда же вселилась в сердце наше любовь Божия, то после всякой бури и мрака, облекшего душу, снова воссияет в ней любовь, подобно светлomu и согревающему лучу солнца. Итак, если любовь перестает как бы проявлять свою живительную силу под напором скорбей жизни, то начинайте возгревать ее размышлением. Приведите себе на память обетование Христово, слова Христовы, благие и утешительные, особенно сказанные ученикам во время прощальной беседы, начните отгонять от души мысли, чувства и желания, которыми подсекается в сердце любовь ко Христу. И после того, как подобные размышления и воспоминания снова укрепят веру вашу и опять окрылятся сердце ваше любовью, прибегайте к молитве, ибо молитва есть великая сила,

¹³ Из «Повести временных лет», самой ранней из дошедших до нас в полном объеме русских летописей.

открывающая легко доступ в область бытия вышеестественного. Утешения и действенность молитвы вашей будут всё более и более ощутительными по мере того, как вы чаще и с большею верою будете прибегать к ней. „Поминайте (тогда и) наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие“, – если только благодатью Божию дано было им сделать что-либо достойное воспоминания, – и, взирая если не на кончину, то на главные стремления, одушевлявшие их в жизни, „подражайте вере их“ (Евр. 13: 7).

Закончим же беседу нашу, братие, молитвенным благожеланием, чтобы „любовь Божия излилась в сердца ваши Духом Святым, данным вам“ (Рим. 5: 5). И как Христос умер за нас, когда мы были не праведниками, а грешниками, достойными всякого отвращения (Рим. 5: 7–8), так и нас любовь Христова, вселившись в сердца наши, да побудит забвением о себе самих служить меньшей братии, хотя бы многие из нее казались нам недостойными любви и возбуждающими в нас даже презрение, да научит нас, хотя бы пришлось нам встретить, по слову Христову, ненависть мира (Ин. 15: 18–19), „побеждать благим злое“ (Рим. 12: 21). И тогда кто или что отлучит от любви Божией избранных Божиих, ибо, „если Бог за нас, кто против нас?“ (Рим. 8: 31–33)».

После молебна ректор пригласил воспитанников к себе в квартиру и здесь еще долго беседовал с ними.

Как и многие подвижники, архимандрит Фаддей хорошо сознавал и глубоко чувствовал, насколько важен пример святых в жизни человека, и сам искал и интересовался подвижниками тех мест, где ему приходилось служить. Устремленный к стяжанию Святого Духа, он легко узнавал таких же, как он, духовных стяжателей и, ощущая нужду в их молитве и заступничестве, почитал своим долгом привести в порядок им найденные рукописи и воспоминания о них. Будучи ректором Олонецкой духовной семинарии, он привел в порядок и опубликовал рукопись о местном подвижнике блаженном Фаддее.

27 января 1904 года началась Русско-японская война, и в июне Олонецкое управление общества Красного Креста организовало отряд для отправки на Дальний Восток в район боевых действий. Отъезд был назначен на 22 июня. В самый день отъезда в Святодуховском кафедральном соборе Петрозаводска был отслужен напутственный молебен. «Большой, вместительный собор переполнен был молящимися: тут были начальники и представители учреждений, чиновники, учащиеся, рабочие и простолюдины, старые и малые... Сестры милосердия в своей форме с красным крестом на груди... врачи и санитары с таким же крестом на рукаве заняли места у солеи, с левой стороны собора...

По окончании молебна архимандрит Фаддей обратился к отъезжающим со словами: „Приветствую ваш добровольный подвиг человеколюбия, досточтимые о Господе сестры и братья! Не дерзаю изображать всё величие этого подвига, ибо нелицемерная хвала ему удобнее могла бы быть воздана человеком, который сам подвизался в ту же меру. Этот подвиг невольно возводит мою мысль к первым векам христианства, когда христиане во время, например, моровой язвы безбоязненно служили больным, не только единоверным с собою братьям, но и язычникам, подвергаясь опасности умереть и действительно умирая... Ваш подвиг ясно свидетельствует, что и в наши дни еще не иссякла совершенно заповеданная миру Христом Искупителем любовь, оскудение которой на земле, по слову Его, знаменует приближение кончины мира (Мф. 24: 12–14). Ваш подвиг, единодушно всеми восхваляемый, показывает, что еще и ныне люди, уверовавшие умом в то, что мир совершенствуется благодаря борьбе за

существование, в действительности невольно преклоняются пред евангельским учением о любви и наглядно являют через то самопротиворечивость ложных учений века сего. Да воздастся же вам за подвиг, какой вы понесете, Богом и людьми! За дни и ночи, которые вы проведете без сна, в скорбях, трудах и лишениях, да воздастся вам днями радости лучшей и высшей, которой не знают живущие в удовольствиях мира сего!.. За ваше удаление на чужбину да воздастся вам общей близостью всех оставшихся здесь. За совершенный вами подвиг любви Христовой пусть напишутся имена ваши не на земле только на страницах книг и в сердцах людей, но и в книге жизни на небесах, в "Церкви первородных, на небесех написанных" (Евр. 12: 23)!“».

С опытом преподавания и начальствования в духовной семинарии, председательствования в епархиальном училищном совете к архимандриту Фаддею приходило всё более ясное понимание, что воспитание и обучение требуется не только учащимся, но и учащим, что педагогам надо находить более совершенные методы для обучения и воспитания детей.

Начиная новый учебный год, архимандрит Фаддей собрал в своей квартире учителей церковно-приходских школ Петрозаводска и обратился к ним с пространной программной речью. Он говорил о необходимости более тесного единения деятелей церковно-школьного просвещения, о пользе взаимного обмена мыслей в виде рефератов, письменных и устных сообщений и бесед по вопросам воспитания и обучения, отмечал, что подобное общение работников церковной школы может явиться для них одним из лучших средств воодушевления в их деятельности. Затем он подробно рассказал о своем летнем путешествии, о виденных им картинах духовно-религиозной жизни народа и сравнил религиозное настроение жителей различных мест средней, южной и северной России.

Епархиальный наблюдатель Николай Кириллович Чуков¹⁴ прочел доклад о двух типах учителей церковно-приходских школ – сухого и педантичного, учащего науке, и воодушевленного энтузиаста, учащего крестьянских детей вере на примерах из истории Церкви и житий святых, и предложил собравшимся высказать свое мнение – какой тип учителя им ближе. Симпатии всех оказались на стороне последнего. Отец ректор на это заметил, что нельзя порицать и учителя первого типа, так как в своей деятельности не будет лишним пользоваться проверенными на практике педагогическими и дидактическими приемами, тщательно устраняя из нее холодное и формальное отношение к делу, внося вместе с научными приемами в преподавание «душу».

По окончании беседы было решено в Братском Назарьевском доме устроить чтения для детей церковно-приходских школ, а на Рождественских каникулах – елку. Учительницам поручили позаботиться о выборе материала для чтения, чтобы разучить его с детьми, учителю пения – выбрать музыкальные пьесы, сообразуясь с характером чтений.

И снова подошло время выпуска последнего курса студентов семинарии. Курс окончили двадцать четыре человека. Увы, большинство из них помышляло не о духовном пастырском поприще, а о поступлении в высшие светские учебные заведения, чтобы занять впоследствии те или иные государственные посты. Единственное, что их тогда тревожило, – как бы с началом революционных беспорядков и анархии не был вообще прекращен в университетах учебный

¹⁴ Впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий.

процесс: во многих высших учебных заведениях прошли студенческие забастовки, и их деятельность на этот момент была приостановлена. В Олонецкой духовной семинарии не было забастовок, но отцу ректору пришлось поволноваться и здесь – гнилостный дух века сего заражал тогда даже здоровые души.

Некоторые из выпускников семинарии приняли решение поступить в учебные заведения учителями в мирском звании, другие нашли себе места чиновников на государственной и частной службе, и лишь несколько человек пожелали принять священный сан и посвятить свою жизнь служению Церкви. Тяжела была длань века сего, если даже общение с таким христианским подвижником, как архимандрит Фаддей, слабо подействовало на души зараженного духом времени юношества. Казалось бы, душа должна была вдохновиться на подвиг, видя перед собой воплощающего в себе христианский идеал праведника, у которого, по слову Писания, из души изливались потоки воды живой (Ин. 7: 38). Но нет, забота века сего, прельщенность земным, материальным благополучием ослепили душевные очи. Что сказать им? Чем напутствовать важным, какой дать завет, которым они могли бы руководствоваться в своей дальнейшей жизни?

И, стараясь подобрать нужные для этих юношей слова, архимандрит Фаддей из глубины сердца износил для них напутственное слово: «Нынешнее наше последнее молитвенное собрание, братие, побуждает нас еще однажды возжечь духовный светильник, который возжигали мы многократно в течение нескольких лет пребывания здесь, – еще однажды взять от огня, который воспламеняем был здесь много раз в ваших душах, чтобы сохранить его для последующей жизни.

Невольно заставляет вспомнить нынешнее собрание то молитвенное собрание апостолов Христовых, когда сошел на них Дух Святой в виде огненных языков и просветил их души. Но тогда Дух Святой, сошедший в виде разделяющихся огненных языков, „в соединении вся призва“, хотя и рассеял апостолы во все концы вселенной. Что же может в настоящее время объединить людей, разделившихся на почти противоположные друг другу партии? Быть может, благо общества, о служении которому обыкновенно говорят люди? Но ведь общее благо понимается людьми различно до противоположностей. Есть блага земные и есть блага небесные, есть блага естественные, общие человеку и прочим живым тварям, по крайней мере отчасти, и есть блага высшие, духовные, которым люди сделали причастниками через искупление Христово, – и опять-таки все исчисленные блага понимаются людьми различно до противоположности. И сколько бы ни искали путей для объединения понятия о благе в умах и сердцах людей, пролагая через то путь ко всеобщему равенству, братству и свободе, никогда не найдут люди всеобщего блага вне Христа, Источника всех благ земных и небесных, естественных – душевных и высших – духовных. Из всех живших на земле Он один только осуществил в Себе идеал человека. Осмелится ли кто из живущих на земле заявить о себе, что он осуществил этот идеал? Если же так, то как могут люди обойтись без Христа в поисках общего блага и в борьбе за восстановление попранных прав человека?

К Нему-то, как Источнику света, и предлагаю я, братие, вам обратиться ныне взор свой. Я знаю, что поздно теперь „со многими верными доказательствами“ (Деян. 1: 3) говорить вам о явлении Христа миру и возвещать „силу и пришествие“ Его (2 Пет. 1: 16). Теперь благовременно разве побуждать вас „творить“ о Нем

более частое „воспоминание“ (Лк. 22: 19), высказать несколько завещаний, напоминающих то, о чем говорилось вам нередко ранее.

И прежде всего мы знаем, что Христос пришел спасти мир крестом и страданиями. Он, как сказано о Нем в Божественном Писании, „не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его“ (Ис. 42: 2; Мф. 12: 19). Поэтому не насильем нужно содействовать, по учению Христову, водворению на земле общего блага, а путем кротости, любви и самоотвержения. Как можно насильственным образом водворить на земле равенство, братство и свободу? Можно ли, употребив насилие, сделать кого-либо счастливым? Ведь все мы знаем, что христианство в первые века, несмотря на всевозможные насилия и гонения, тем более распространилось. Итак, „не воинством и не силою, но Духом“ Господним (Зах. 4: 6), как возвещено было Господом одному ветхозаветному пророку.

Но если так, то должно вам ныне внедрить в ум мысль о противоположности между Духом Христовым и духом мира сего, ибо если только мы хотим быть Христовыми, то не должны забывать написанного: „мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога“ (1 Кор. 2: 12).

На знамени своем дух мира написал: „точная наука“, не имеющая нужды искать помощи у неба. Христианство не отвергает мудрости земной, не по праву присвоившей себе одной название „точной науки“, но оно возвещает, что полнота истинного ведения заключается лишь в сокровищнице премудрости Божией, тайной и сокровенной, недоступной уму человеческому без помощи Духа Христова (1 Кор. 2: 7, 10).

Дух века на знамени написал: „блага земные“ вместо небесных, причем последние называются мечтательными и не внушающими веры. Христианство не отвергает и благ земных – но наибольшее внимание побуждает устремлять к благам небесным, которые „уготовал Бог любящим Его“, которых „не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку“ (1 Кор. 2: 9).

Дух века написал на знамени: „права человека“, причем вследствие неопределенности понятия об этих правах нередко совершенно сглаживается коренное отличие жизни человека от чуждой высшего нравственного закона жизни животных. Христианство не отвергает прав человека, но не в области жизни чисто естественной, а только в Сыне Человеческом, сшедшем с небес (Ин. 3: 13) для искупления мира Своими страданиями, видит совершенное осуществление идеала человека.

Вот изображенный-то нами способ осуществления заветов Христовых на земле путем мира, любви и кротости, равно как указанное различие между Духом Христовым и духом мира сего, и должны вы, братие, ныне привести себе на память и насколько возможно более уяснить, готовясь идти в мир на служение общему благу – в качестве ли пастырей Церкви, если на то будет воля Божия, или вообще христианских общественных деятелей, – должны все, потому что на всех может простираться свое влияние дух века сего. Конечно, многие из людей века сего не захотят, может быть, и слышать подобных напоминаний о различии Духа Христова от духа века сего, считая мечтательными действия Духа Христова в жизни общества, – ибо, как говорит апостол, „душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием“ (1 Кор. 2: 14). И убеждать подобных людей было бы, конечно, излишне, разве в надежде, что и их сердца коснется когда-либо действие Духа Божия. Однако не забудем, что далеко не проверено – будет ли сопровождаться благотворными последствиями

введение в жизнь всего того, что гордо начертал на знамени своем дух нашего века. Не будем по крайней мере заграждать доступ в сердца наши и действию Духа Христова, ибо мы знаем, сколько совершил уже дух христианства великих преобразований в жизни народов в течение многих веков. Посему, если мы усердно изучали писания, проникнутые духом века сего, то не тем ли более должны обращаться к писаниям вечным, в которых говорил Дух Святой, чтобы в них иметь жизнь (Ин. 5: 39), особенно когда будем изнемогать духом от скорбей жизни и всякого рода сомнений?

Чтобы предохранить себя от порабощающего свободу нашу влияния духа века сего, вспомним ныне предсмертное завещание великого апостола языков, данное им ученику своему Тимофею: „не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым“ (2 Тим. 1: 8). Не будем стыдиться Христа, как ныне стыдятся исповедовать Его многие, называя, однако, себя христианами, чтобы не услышать нам от Него слов, читанных в нынешнем Евангелии: „Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного... Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие“ (Мф. 7: 21, 23). И если не будет в нас такой непоколебимой веры в Христа, какую – как слышали мы в нынешнем апостольском чтении – имел в Бога Авраам, поверивший Богу, „животворящему мертвых и называющему несуществующее, как существующее“ (Рим. 4: 17), и не постыдившийся в своем уповании, то сохраним хотя такую веру, которая помогла бы нам не стыдиться Христа в предстоящей общественной деятельности! Явим себя „делателями непостыдными, право правящими слово истины“ (2 Тим. 2: 15), зная, что „если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас!“ (2 Тим. 2: 11–12).

Храня же веру во Христа, будем возжигать в сердце и всё большее пламя любви к Нему! Пусть возвратится к нам дух любви древних христиан, исполненных пламенного ожидания пришествия Христова, и пусть не охлаждает нас мысль, что ради любви ко Христу придется весьма многое изменить в порядках жизни, к которым мы слишком крепко привязали свое сердце. Пусть Христос всегда сияет ярко в сердцах наших, как „звезда светлая и утренняя“ (Апок. 22: 16)».

Закончились занятия в семинарии, семинаристы разъехались на каникулы к родственникам, но не закончились преподавательские труды отца ректора. Уже четыре года устраивались летом педагогические курсы для учителей церковных школ Олонецкой епархии. Задачей курсов было совершенствование методов педагогической работы для ее большей осмысленности и целедостижимости. Для этого преподавателями курсов предлагались образцовые уроки по всем предметам церковно-приходской школы, на которых демонстрировалось прохождение каждого существенного отдела того или иного предмета, затем эти уроки анализировались с дидактической стороны, чтобы уяснить, какие приемы обучения ведут к решению поставленных задач и какие не достигают цели. Все слушатели курсов должны были давать пробные уроки, которые также подробно разбирались, – при этом рассматривалось, какими приемами, удачными или неудачными, пользовались слушатели.

На курсы были приглашены шестьдесят семь человек – пятьдесят четыре учителя церковно-приходских школ, одиннадцать – школ грамоты и два кандидата на учительские места. Кроме приглашенных, занятия посещали

учителя, бывшие на курсах в предыдущие годы, и учителя земских школ; таким образом число присутствовавших на ежедневных занятиях доходило до восьмидесяти человек. Курсы открылись 30 июня, занятия на них проходили с 1-го по 20 июля и разделялись на утренние и вечерние. Утром было четыре часовых урока, вечером – три. Большое внимание уделялось практическим занятиям в виде уроков в специально организованной для этого начальной школе с тридцатью четырьмя учащимися. Архимандрит Фаддей преподавал общую дидактику, Закон Божий, славянский язык, а также следил за всеми занятиями и жизнью курсов.

Открывая курсы, архимандрит Фаддей обратился к присутствующим словом, поясняющим значение курсов; он понимал, что действует на самом важном, главном жизненном поприще, на котором решается будущее страны. Архимандрит, а впоследствии епископ Фаддей, оказался на острие главной проблемы, от правильного решения которой зависело нравственное и материальное благополучие народа и само существование России.

«При открытии занятий на педагогических курсах мне хотелось бы прежде всего призвать всех приступающих к занятиям иметь несомненную твердую веру в силу и значение своего дела, то есть обучения и воспитания детей от имени Церкви, – сказал архимандрит Фаддей. – Всем известны подрывающие означенную веру толки об имеющем будто бы совершиться переходе всех школ в светское ведомство. Но ведь разве эти толки всеобщие даже в образованных классах общества, не говоря уже о народе? Разве известно вполне отношение народа к той задаче, какую ставит себе церковная школа?..

Но и помимо, так сказать, опроса народа относительно взглядов его на задачи церковных школ, разве не можем мы непоколебимо верить в силу и значение своего дела? Разве Святая Церковь не имеет своих задач? Разве она может перестать считать обязательными для себя заповеди, данные ей Самим Господом? Может ли она отказаться от научения истинам веры детей школьного возраста? Конечно, и в храмах возможно учительство, но столь ли часто посещают их дети, чтобы в достаточной мере научить их вере и жизни христианской без правильного школьного учения? Может ли быть предоставлено случаю столь важное дело, как научение молодого поколения истинам веры и жизни христианской? Только крайнее насилие может отнять у Церкви право учить молодое поколение, ограничив церковное учительство храмами и частными домами.

Но, к сожалению, в обществе всё более начинает затмеваться истинное сознание указанных задач Церкви и необходимости по возможности полного их осуществления...

Итак, будем более веровать в свое дело и убежденнее отстаивать своеобразие нашей церковной школы, дающее ей полное право на самостоятельное существование. Одушевленная вера в дело сама собою вызовет и любовь к нему, необходимую для того, чтобы всецело отдаться ему. Будем помнить, что не для удовольствий каких-либо собрались мы сюда, а для труда, хотя, конечно, весьма желательно, чтобы и труд, всецело захватывая нас, превращался в удовольствие. Постараемся затем об усвоении не общих только истин, лежащих в основе учебно-воспитательного дела, но и о тщательном усвоении частных методических подробностей обучения и воспитания. Конечно, внимательное отношение к этим частностям и подробностям может показаться скучным, но ведь во всяком возвышенном деле любви, кроме

невольно привлекающих своею возвышенностью сторон, неизбежны частности и мелочи, требующие терпения и самоотвержения. Будем помнить это и в отношении к нашему делу. Господь же да поможет нам во всем!»

27 декабря 1904 года, поздравляя епископа Арсения с праздником Рождества Христова, архимандрит Фаддей написал ему: «Поздравляю Вас с высокотожественным и радостным праздником Рождества Христова. Хотя, быть может, сбываются на сынах земли Русской в нынешнем году слова пророка Исаии: „несть радоватися нечестивым“. Много грехов отяготело над главами нашими, и наказываемся мы по долгу. Когда-то помилует нас Господь? А живет во мне надежда, что Господь, обещавший ради десяти праведников пощадить нечестивый город, пощадит еще и землю Русскую, воины которой столь многие явились истинными праведниками. Имеем и святых, небесных заступников, особенно же преподобного Серафима. Забывает только о нем земля Русская.

Моя личная жизнь течет обычно в непрестанном „делании“, хотя и „внешнем“, но для меня обязательном. Теперь, например, проповеди, письма. Не говорю о визитах, которых еще не делал. Чтобы отвлечься несколько от обычного круга дел, ежедневно устраиваем мы и в нынешнем году службу. В нынешнем году никто не исповедовался и не причащался перед Рождеством, кроме девяти школьников. Но к службам необязательным все-таки доселе ходило по несколько человек – то одни, то другие. Впрочем, иногда запаздывают к началу службы, и тогда я подвизаюсь один. Теперь я не боюсь один остаться, хотя бы на всю службу, но до этого еще не доходило пока, слава Богу.

В семинарии внешняя жизнь довольно тихая и благополучная, но внутри немало „идолов“, и много труда нужно, чтобы „очистилось сердце от всех идолов“, „окропившись водою чистою“ (Иезек. 36: 25). Движение „костей сухих“ очень мало заметно до сих пор (Иезек. 37: 4). Правда, нельзя сказать, чтобы воспитанники были бесчувственными, но настоящего расположения ко всему тому, чем живет душа моя, доселе вижу я еще мало. Иной раз „устыдятся“, но потом опять позабывают. Что же касается „любви“, то здешний народ „с крепким лбом и жестоким сердцем“ (Иез. 3: 7) к ней пока не способен. Искренней любви, виденной в других местах моего служения, здесь я еще нигде не вижу – ни в воспитанниках, ни в народе. Впрочем, говоря это, я разумею любовь в собственном смысле, как она известна каждому из опыта и как изображается нередко в самом Священном Писании. Дозы же симпатии в различной мере замечаются и здесь. В Братском доме, где я веду беседы с народом (большей частью по объяснению Священного Писания), заметно бывает влечение к слушанию их. И за сие малое (ибо, быть может, недостойн я и того) слава и благодарение Господу».

Мгла страстей окутала живущих на земле

В 1905 году в стране прошли забастовки, не миновали они и духовные учебные заведения, в том числе и Олонецкую духовную семинарию. Во время Великого поста семинаристы подали ректору петицию, в которой, по существу, отрицались учебные и воспитательные задачи семинарии и выказывалось полное им несочувствие. Архимандрит Фаддей побеседовал с подателями петиции. Они согласились с его доводами, но нежелание отставать от общего движения побудило их настаивать на своем. Однако отношения у архимандрита Фаддея с ними не испортились.

В Великую Пятницу, когда все были на богослужении, в семинарии случился пожар. Его заметили в самом конце вечерни. Сгорели помещения четвертого класса и физического кабинета вместе со всем имуществом – казенным и личным учеников.

Размышляя над причинами бедствий, обрушившихся на Россию, архимандрит Фаддей сказал в своей проповеди, произнесенной им в Крестовоздвиженском храме Петрозаводска 22 мая 1905 года: «Не чуждо большинству ведение и об откровении Бога более полном, во Христе, пришедшем в мир и пострадавшем за грехи мира. Но многие ли размышляют о том, как именно через страдания Христовы совершается их собственное спасение, существо которого есть сораспятие Христу, пострадавшему за мир; многие ли сознают опытно, что именно Христос распятый подает силу для подобного сораспятия? Не потому ли многие люди живут, почти и не помышляя о смерти Христовой, руководствуясь в жизни едва не одними внушениями естественной совести, не очищенной и не возвышенной через размышление о древе Креста Христова?»

Когда же зайдет речь о бывшем после смерти Христовой новом откровении Бога миру во Святом Духе, то большинство людей остается в недоумении, когда же, как и для чего происходит действие в душе человека Духа Святого? Большинству остается совершенно чуждым сознание, что сораспавшийся Христу должен в течение всей жизни внутренне очищать себя посредством борьбы со страстями своими при помощи благодати Святого Духа, чтобы создать себе совершенную любовь Божественную и прочие плоды Духа.

Просматривая нынешние газеты или прислушиваясь к обычным разговорам, приходится ли, хотя изредка, слышать о перечисленных главнейших предметах христианского ведения и жизни? А между тем ими-то жили и о них-то по преимуществу говорили первые христиане, ими одушевлялись настолько, что составляют предмет удивления для современного мира, тогда как для некоторых современных христиан уже одно упоминание о проповеди является как бы жупелом. <...> Забывают подобные люди, что благодаря такому отношению к слову Божию они ничем не отличаются от людей перед вторым пришествием, для которых обличения двух последних свидетелей истины Христовой будут казаться мучением (ср. Откр. 11: 10). <...> Когда же начнут проповедники изображать духовные язвы общества, то их называют „воздыханцами“, укоряют в мрачном взгляде на жизнь, унаследованном будто бы от духовно мертвой Византии. Люди нашего времени хотят как будто бы, чтобы проповедники возвещали лишь о каком-то торжествующем прогрессе, совершающемся в мире, несмотря на всё зло и нечестие последнего. И вот вместо проповедников слышат они обличения [от] иностранцев. Иностранцы, некогда изумлявшиеся религиозности русского народа, его терпению в молитвах и постах, в наши дни с изумлением отмечают поразительную беспечность и непрекращающееся веселье в русских городах, несмотря на постигшие Отечество тяжелые неудачи. <...>

Но отчего же такое неведение, непонимание, наконец даже нежелание слушать и отвращение от важнейших предметов христианской веры? Очевидно, оттого, главным образом, что мгла духовная, мгла страстей окутывает всех живущих на земле, не давая им возвыситься до разумения вещей духовных. Это мгла препятствует возноситься на Небо чистой молитве, и возносится поэтому устами людей молитва рассеянная, расслабленная сомнениями, колебаниями,

пристрастиями житейскими, нудящими скорее перейти молящихся к утехам мира. <...>

Не для того ли, чтобы вознести снова на эту высоту, на которой стояли древние христиане и с которой уже ниспал значительно русский народ, сдвинут светильник его за непокаяние (Откр. 2: 5)? Душа нераскаянная может быть исправлена разве через бедствия, смиряющие ее».

В декабре 1905 года революционные события захлестнули город Петрозаводск, не исключая и духовную семинарию. Христиане в подавляющем большинстве в буквальном смысле слова разбежались, и на всенощной 5 декабря, когда праздновался столь чтимый русским народом святой – святитель Николай Чудотворец, в семинарском храме молиться с архимандритом Фаддеем осталось всего лишь несколько человек.

29 декабря 1905 года архимандрит Фаддей писал епископу Арсению, описывая события прошедшего года: «Прошедшее было тяжким для всех, в частности и для нас. Вообще у нас о бомбах и выстрелах не слышно, были только случаи драки во время манифестаций, пение марсельезы некоторыми гимназистами, воспитанниками учительской семинарии (наши пели, кажется, только у себя в семинарии для упражнения голоса), некоторыми рабочими (вообще спокойными и не соглашающимися на забастовки, потому что условия жизни довольно хороши).

Была в семинарии и забастовка. Сначала в ноябре вздумали было добиться сокращения богослужения, которое и без того идет очень скоро (всенощная шла 2–2¼ часа, литургия – 1½ часа), причем на сторону воспитанников стали... преподаватели... и духовенство. Они хотели обвинить меня в причине волнений, корень которых в общереволюционном русском движении. Когда 6 декабря началась действительная забастовка и воспитанники подали петицию, когда забастовали даже и родственники преподавателей и знатных протоиереев, стало ясно, как справедливо хотели обвинить во всем меня. Забастовала, впрочем, только половина семинарии, 1-й, 6-й и по несколько человек из остальных классов учились до Рождества; есть надежда, что число их после Рождества увеличится. Всех страданий душевных от „своей братии“ кратко, впрочем, не описать: утешение в том, что восставить против меня удалось сравнительно немногих воспитанников, а народ в значительной части был на моей стороне».

Сравнивая происходящее на его глазах в России с тем, что происходило в глубокой древности в Израиле, архимандрит Фаддей писал: «То же самое, что было с Израилем, происходит в наши дни с землей Русской. Она так же опустошена, если не через разорение ее городов врагами внешними, то через бесчинства врагов внутренних. От темени головы до подошвы ног, можно сказать, нет и в России места целого, как было в земле Израиля. Убийства, воровство, грабежи, пьянство, разврат и т. д. продолжают составлять значительную часть газетных сообщений. Много недовольных существующими порядками, обличающих друг друга, но эти обличения как бы потеряли уже силу, растрavляют болезнь, но не излечивают ее; какого-нибудь духовного обновления, раскаяния в неправдах, послуживших источником бедствий, доселе не замечается, так что приложимы стали и к русскому обществу слова, сказанные пророком Исаией об Израиле: „во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?“»

Задолго до кровавых гонений, наступивших после захвата власти большевиками, поставившими своей прямой целью борьбу с Богом и уничтожение Церкви, архимандрит Фаддей писал, обращаясь к современному

ему христианскому обществу: «Объединимся же братски на защиту святыни нашей веры, не убоимся суждений высоких и авторитетных в глазах мира людей, подвергающих осмеянию наши христианские убеждения! Братья христиане и христианки! Объединимся в братства для этого и будем непостыдно исповедовать святую веру Христову, охотно и с любовью исполнять заповеди и требования Святой Церкви. Потщимся быть примером для детей и не допустим того, чтобы внушать им еще в возрасте детства крайне пагубный ложный стыд за христианские убеждения или навыки! Да будут у нас всегда в памяти слова Христа: „кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын человеческий, когда придет во славе Отца Своего со святыми ангелами“ (Мк. 8: 38)!

Если же по маловерию слова эти будут не в состоянии потрясти иного из христиан, принадлежащего к современному русскому обществу, то пусть таковой обратит свой взор хотя бы на Америку, где студенты религиозны, объединяются в религиозные союзы, устраивают духовные чтения, начинают каждый день учебные занятия молитвой, нередко поют псалмы и священные гимны, слушают религиозные проповеди и т. д. Явились и у нас робкие попытки к образованию подобных союзов, но только очень пока редкие. Притом можно опасаться, что и образовавшиеся союзы ограничатся лишь возбуждением и разрешением сомнений по религиозным вопросам, – иногда, правда, естественных и почти неизбежных, – вместо того чтобы содействовать действительному религиозно-нравственному подъему нашего учащегося юношества».

На Пасху 1906 года архимандрит Фаддей писал епископу Арсению: «Приветствую Ваше Преосвященство с днем радости духовной, хотя и омрачаемой теперь созерцанием картин пьянства и общей разнузданности русского народа.

Слава Богу, ученье после святок у нас возобновилось, хотя, впрочем, оно и не прекращалось: бастовала с 5 декабря только половина семинарии. <...> На Пасху не обошлось без выпивки. Что особенно горестно, разрешение на вино началось с четверга Страстной седмицы. На первый день Пасхи за вечерней подвыпившие стали выкрикивать концы, так что я разоблачился и объявил, что служба будет необязательная, часом позднее: спели только 9-й час, потом с желающими вечерня и утреня прошли хорошо. В понедельник литургия прошла чинно. Вечером в понедельник и потом – служба уже необязательная. Пока ходил народ петь в достаточном количестве. Все-таки вечер первого дня навел невольно на мысль, что если еще несколько лет продержат семинарии без изменения (если не освободить „университетский элемент“ из среды воспитанников), то начнут стрелять в иконы и попирают святое причастие. Отделение богословских курсов от светской гимназии духовного ведомства, думается, делу не поможет: нужен особый режим в отдельно устроенной пастырской школе и прием в нее по желанию, по настроению, а не по происхождению и по бедности родителей».

25 августа 1906 года после окончания экзаменов как вступительных, так и переводных, архимандрит Фаддей, с грустью обзрев поредевшие ряды семинаристов, сказал: «С помощью Божией вступили мы, братие, в новый учебный год. Первое впечатление от вашего первого здесь собрания то, что вас еще очень мало, очень многих недостает. Подобное опоздание многих, не есть ли знамение, что у некоторых не пробуждено в отношении к семинарии живое чувство долга, что они смотрят на учебное дело не как на нечто свое, дорогое,

близкое к сердцу, а как на что-то казенное. Между тем к казенной вещи, по странному понятию русского человека, можно относиться небрежно, не заботиться об ее целостности, о том, чтобы извлечь из нее не только ближайшую, узкую, личную пользу, но и всю пользу, которую вещь может принести для всех окружающих. Так и к дарам природы, например земле, лесу и т. д., преобладает у нас отношение хищническое, при котором нет заботы сохранить эти дары по возможности и для последующих поколений. <...> Окидывая взором картину современной общественной жизни в России, мы замечаем, что и теперь много высказывается русскими людьми высоких мыслей, много таится в душах их возвышенных порывов, идеальных мечтаний, но как часто в то же время эти мысли и мечтания являются убежищем для праздности. Вместо того чтобы делать добросовестно свое небольшое дело, соответствующее силам и требующееся служением общему благу, как часто русский человек ничего не делает, строя самые широкие обобщения и браня условия окружающей жизни, среду и т. д. После, когда наступает разочарование или отчаяние, сам человек нередко видит, что не только громадные дела он не способен был совершать по крайней не привычке к труду, но даже и маленькие, однако не хочет все-таки вполне сознаться в этом и жалуется на условия или среду. И вот от подобной праздности и не предприимчивости гибнут неисчерпаемые богатства русского духа и природы, остаются в течение веков непочатыми. Японец на небольшом клочке земли находит возможность добыть всё необходимое для своего существования, а у нас в плодороднейших черноземных полосах люди страдают от голода и занимаются грабежом чужого достояния! Когда Россия воевала с Японией, не превозносили ли все предприимчивость японцев и не жаловались ли на то, что у нас всюду лишь „отступление“? Почему же, хваля предприимчивость, сами не обнаруживают ее в себе и не развивают, но продолжают лишь бранить и жаловаться на среду и условия окружающей общественной жизни? Не указывают ли подобные жалобы на тот же недостаток мужества духа в русском обществе, не суть ли они то же самое отступление, отступление от борьбы с препятствиями со стороны среды и условий?

Слишком много уже потеряла земля Русская от этих, служащих как бы щитом и убежищем для праздности жалоб на среду и окружающие условия вместо того, чтобы обратить внимание на корень всего – преобразование себя самого: приучение себя к труду, борьбе, особенно же воспитание воли, подвижничества в разных родах деятельности. Не к этому ли самовоспитанию и обновлению внутреннему, как основе всякого преобразования или обновления жизни общественной, призывал и великий писатель земли Русской Л. Толстой, если уже значительная часть общества не хочет вникать в сущность учения евангельского? Между тем ныне так часто приходится над самовоспитанием, или преобразованием внутренним, слышать насмешки и издевательства, как будто преобразование внутреннее каким-то чудом само собою совершится, лишь только будут изменены внешние условия общественной жизни. Не оттого ли так мало встречается теперь в обществе людей в полном смысле „живых“, что слишком оставляют самый серьезный из всех и прежде всего необходимый труд – труд над самим собою, надеясь на какое-то „авось“ или легкомысленно веруя в само собою (в зависимости лишь от среды и условий) как-то непрестанно совершающееся развитие общества, как говорится у поэта: „погодите: прогресс подвигается, и движенью не видно конца; то, что ныне постыдным считается, удостоится завтра венца“ (Некрасов)?

Затем, бросая взгляд на общественную жизнь, мы замечаем, что всюду совершаются убийства, грабежи, всюду взаимная ненависть, озлобление, брань и тому подобное. <...> Совсем забыто наставление апостола: „К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу“ (Гал. 5: 13). „Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя“ (Лев. 19: 18). „Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом“ (Гал. 5: 13–16). Сколько в предыдущем году и в наших взаимных отношениях было недоверия, недоброжелательства, озлобления, даже ненависти! И как мало каждый в отдельности старался со своей стороны смягчить эти чувства и настроения! В нынешнем году не время ли заботиться о взаимном мире и умножении благожелательной любви – конечно на основе Христовой любви, о которой говорит апостол в выше приведенных словах, а не извращенной и ложной любви, о которой считают возможным говорить ныне даже люди, обгаряющие руки свои грабежом и убийством?»

14 октября 1906 года архимандрит Фаддей обратился к епископу Арсению как к председателю Учебного комитета при Святейшем Синоде и члену Синода. «Простите, что снова беспокою Вас, – писал он. – Сюда дошли слухи, что преподаватель гомилетики в нашей семинарии С. Сотин перемещен в Симбирск, следовательно, кафедра гомилетики свободна. Уже давно стремится попасть в нашу семинарию здешний кафедральный протоиерей А. Надежин; он уже подавал и раньше просьбу о назначении его преподавателем в нашу семинарию, это ему важно для пенсии; конечно, при этом он надеется, что тем более после меня он сделается ректором, если теперь же определится в семинарию. Может быть (да и по всей вероятности), я запоздал, но все-таки делаю попытку предупредить, что означенный отец протоиерей вообще неприязненно настроен в отношении ко мне, устраивал различные козни и т. п. и очень-таки немало пришлось мне претерпевать от отца протоиерея, особенно при покойном епископе Анастасии, который отцу протоиерею очень верил и во многом слушался. Лично я шел себе своею дорогой и мало беспокоился, но так как страдало дело в семинарии, то, конечно, не могу относиться вполне безразлично к совместной службе с отцом протоиереем. Он и без того блюдет все шаги мои и направляет общественное мнение, хотя я стараюсь не иметь по возможности „касательства“ к нему; теперь же касательство будет постоянное. Может быть, не следует ли иметь это в виду при назначении отца протоиерея в семинарию? С другой стороны, я, конечно, не могу не сознавать, как важен для отца протоиерея вопрос о пенсии. Поэтому не решаюсь высказывать каких-либо просьб, а только довожу до Вашего сведения на всякий случай. Отец протоиерей обещал „содействовать“ даже назначению меня в викарии Олонецкие в Каргополь (и на епархиальном съезде миссионеров толковали о необходимости открыть это викариатство). Я отнесся к этому обещанию совершенно равнодушно, потому что пока, как кажется, мне следует сидеть на своем настоящем месте, и для епископства я совершенно не пригоден теперь. Говорю это только для того, чтобы показать, как хочется отцу протоиерею меня удалить отсюда. У него, говорят, какая-то „рука“ в Синоде (например Даманский!¹⁵), чем я, впрочем, вовсе и не интересуюсь, будучи занят своим настоящим делом.

¹⁵ Петр Степанович Даманский – управляющий контролем при Святейшем Синоде, с 1912-го по 1915 год – товарищ обер-прокурора, соученик протоиерея Александра Надежина по Олонецкой семинарии и Санкт-Петербургской академии.

Другое побуждение к тому, чтобы писать настоящее письмо, это оскудение у нас священства. У нас нет даже диакона в семинарской церкви, и мы кое-как достаем со стороны. Если бы прислали какого-нибудь иеромонаха или по крайней мере имеющего священный сан на гомилетику и практику (особенно дико видеть светского на этой кафедре), то оскудение священства восполнилось бы. Кроме того, с прибытием инока, может быть, мне не одному пришлось бы отстаивать церковность и уставы святых отцов.

В семинарии пока, слава Богу, спокойно, учение идет довольно удовлетворительно, и поведение воспитанников пока не худо, говоря относительно. Только 27 сентября под влиянием заводских рабочих и учащихся светских учебных заведений едва не устроили однодневную забастовку, но дело расстроили кое-как».

Но, как и предполагал архимандрит Фаддей, он опоздал со своей просьбой, и 1 ноября 1906 года протоиерей Александр Надежин¹⁶ был назначен преподавателем гомилетики в Олонецкую духовную семинарию.

Поздравляя епископа Арсения с праздником Рождества Христова 21 декабря 1906 года, архимандрит Фаддей написал: «Поздравляю Вас с великим праздником. Вам приходится постоянно заботиться о духовных школах целой России и о всей Церкви, а мы, сидящие в провинции, как-то нередко слишком погружены бываем в местные дела и теряем способность смотреть шире. Отчасти это, впрочем, и хорошо – пожалуй, ведь нужно более сердца прилагать к своему делу.

В семинарии у нас до Рождества было довольно спокойно, если не считать нескольких „конфликтов“ и „инцидентов“ у воспитанников с преподавателями и с хозяйственным управлением (вернее, некоторых коллективных заявлений относительно стола, одежды и т. п.).

У меня с воспитанниками и с преподавателями форменных конфликтов не было. Только мое запрещение устроить танцы с гимназистками на литературном вечере возбудило было против меня неудовольствие многих.

К церкви отношение сносное, т. е. кощунств или беспорядков за службами не было заметно. С любителями поем Господеви теперь в дни предпразднства. Отец протоиерей, о котором я Вам писал, ведет себя предупредительно. Он, по видимому, извещен о том, что я писал о нем в Синод».

17 июня 1907 года, в Неделю Всех святых, состоялись заключительные перед летним перерывом чтения в Братском доме, которыми архимандрит Фаддей особенно дорожил, отдавая много времени и сил на их подготовку. Рассказав о подвигах святых и их значении, он обратился к присутствующим со словом по поводу окончания чтений: «С некоторым утешением видели мы, что в одной

¹⁶ В 1908 году протоиерей Александр Надежин был назначен ректором Тверской духовной семинарии, в 1912 году – членом Государственного совета. После крушения монархии он лишился всех своих должностей, которые после Февральской революции были упразднены, и вернулся в Олонецкую губернию, устроившись работать преподавателем немецкого языка в городе Вытегре. В 1920 году он был пострижен в рясофор и хиротонисан во епископа Кашинского, викария Тверской епархии. После революции он изменил фамилию и стал писаться Надеждин. Вошел в тесный контакт с карательными органами советской власти, перешел в обновленчество, был возведен обновленцами в сан архиепископа и назначен ими архиепископом Олонецким и Петрозаводским. Скончался в 1931 году в возрасте семидесяти четырех лет обновленческим митрополитом.

части слушателей усердие к слушанию духовных чтений и бесед возрастает, и они, может быть, будут поэтому жалеть об окончании чтений: для них закрылся источник, из которого утоляли они свою жажду, – сказал он. – Но, с другой стороны, видели мы, что часть слушателей, особенно из образованных, в нынешнем году перестала или стала реже ходить сюда, и общее число посещающих Братский дом в нынешнем году, как кажется, несколько уменьшилось по сравнению с предыдущим. Приходилось слышать суждения о чтениях в Братском доме как о таких, которые по своему (будто бы „черносотенному“) характеру совершенно не соответствуют вкусу и настроению людей, живущих во время „освободительного движения“. Это-то, вероятно, и было причиной, почему некоторые стали стыдиться Братского дома и перестали посещать его.

Затем всё более усиливающаяся жажда веселия отняла у Братского дома весьма многих слушателей, особенно из молодого поколения... которое всё более проникается взглядом на юность, как на время забав и веселья, и беспечно откладывает удовлетворение духовных потребностей на старость. А поколение, достигшее совершенного возраста, признает подобный взгляд вполне естественным и законным, почему и не старается внушить молодому поколению сознание важности потребностей духа и необходимости их удовлетворения. И вот почему лишь очень немногие „благую часть избрали“, чтобы заниматься „единым на потребу“ (Лк. 10: 42).

Но не одно оскудение количества посетителей Братского дома наводит на грустные размышления – грустно видеть и недостаток отзывчивости. Слушатели есть, но как многие находят в слушании духовных чтений и бесед лишь развлечение, а отнюдь не призыв к преобразованию своей духовной жизни соответственно читаемому! Видим ли мы, чтобы чтения и беседы наши будили спящие души, возбуждали живые и сильные движения в душах, оживляли в них угасающую любовь ко Христу, чтобы они побудили кого-нибудь оставить известную худую привычку, создали какой-нибудь добрый навык? Не дано нам, как делателям недостойным, видеть подобные плоды наших трудов, в течение последних лет предпринимавшихся.

Однако веруем мы, что хотя и не видим явственно мы этих плодов, но все-таки невозможно, чтобы не осталось в душах никакого следа или воспоминания о духовных назиданиях, предлагавшихся в течение стольких лет. С этой верою и оканчиваем мы чтения настоящего года, надеясь, если приведет Бог, с той же верою совершать дело свое в следующем году».

В начале 1908 года протоиерей Александр Надежин получил повышение по службе, он был назначен ректором Тверской духовной семинарии. 2 февраля в зале епархиального училища собрались члены педагогической корпорации и учащиеся, чтобы с ним проститься. Обращаясь к протоиерею Александру, архимандрит Фаддей сказал: «В нынешний знаменательный для Вас, досточтимый отец протоиерей, день, особенно вспоминая завещание апостола: „отдавайте всякому должное: кому по́дать, по́дать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь“ (Рим. 13: 7), я решаюсь с этой стороны также вплести несколько простых цветов в венки, Вам сегодня сплетаемый. Широкое влияние Ваше на многочисленные круги общества в городе Петрозаводске и епархии, конечно свидетельствует о дарованиях Вашего ума, сердца и воли, сделавших деятельность Вашу выдающейся. И прежде всего нельзя не отметить Вашей глубокой мудрости, проявлявшейся в понимании сложных и разнообразных проявлений жизни общественной здесь и вне Олонии. А с

мудростью неразрывно связана Ваша административная опытность, благодаря которой сравнительно легко было вовлекать в круг желательного влияния широкие слои общества. Нельзя не упомянуть также о вашей способности чутко прислушиваться ко всем биениям пульса жизни общественной и своевременно на них отзываться. <...> И для меня лично общение с Вами в течение пяти лет не могло не быть поучительным. Через общение это, думается, приобретены некоторые новые вклады в духовное мое воспитание. Но путь воспитания духовного исполнен бывает всегда почти преткновений. И вот, если какое-либо из этих преткновений моих нарушало когда-либо мир души Вашей, то моими заключительными словами будут слова о прощении, а вместе и слова благожеланий относительно будущего поприща Вашего служения...»

Выслушав архимандрита Фаддея, протоиерей Александр поблагодарил его за доброе к нему отношение, охарактеризовав отца ректора «симпатичнейшим человеком, отдающим все и свои силы, и средства, и свободное время на служение ближнему».

Время для Православной Церкви и русского народа становилось всё более суровым. Не стесняемая высшей властью противоцерковная и противогосударственная пропаганда широко разлилась по России, и вот уже губернская типография повысила плату за печатание «Олонецких епархиальных ведомостей», главным редактором которых был архимандрит Фаддей. Повысила настолько, что стал затруднителен сам их выпуск, и это несмотря на то, что все сотрудники редакции трудились без какой-либо оплаты за свой труд. Редакция обратилась в частную типографию Каца, но тот выставил еще более худшие и даже оскорбительные условия, и пришлось согласиться с предложением губернской типографии, а чтобы расплатиться и продолжить их выпуск – повысить цену за журнал. Так губернская типография вольно или невольно воевала против духовного и нравственного просвещения народа; выступавшие на первый план материальные интересы, за которыми скрывалось иногда личное стяжательство, омрачая сознание людей, приближали Россию к гибели, а ее народы – к самоуничтожению и гражданской войне.

Архимандрит Фаддей преодолел эти препятствия, журнал продолжал выходить, продолжались и чтения в Братском доме, где выступали тогда образованнейшие люди города.

По-прежнему съезжались в Петрозаводск учителя церковно-приходских школ на курсы, в которых архимандрит Фаддей принимал деятельное участие. При закрытии курсов в 1908 году он с некоторым даже волнением обратился к своим слушателям со словом: «Стоя сегодня в последний раз перед вами на этом священном месте, на которое с такой любовью я входил несколько раз во время вашего пребывания на курсах, я не могу не открыть еще раз уста свои и не напомнить еще раз вкратце, о чем более всего хотелось мне говорить с вами.

Мне хочется еще однажды засвидетельствовать вам, что я чувствовал себя сжигаемым огнем желания возвестить вам о славе Церкви Христовой, о том, как вам, деятелям школы церковной, ввести в ограду Церкви те пути жизни вашей, которые от этой ограды в тех или иных отношениях уклонялись. Этот огонь понуждал меня говорить вам здесь и преподавать уроки духовной жизни. Он влек меня в беседах учебного характера показать, что и как можно сделать для того, чтобы жизнь народа, вами просвещаемого, стала истинно христианскою. То же самое влекло меня и к личным беседам с вами, из которых хотелось мне узнать, какие благоприятные условия или затруднения встречает каждый из вас в деле

распространения света Христова по личным обстоятельствам и настроению, а узнав всё это, помочь по мере данных мне сил. Христос и Его Церковь, жизнь во Христе под сенью Церкви – вот чем пламенела душа моя, когда стремилась к общению и беседам с вами, деятелями церковных школ, и в минуты наибольшего духовного просветления хотелось бы сказать: этого желаю более всего для вас, это сокровище духовное более всего хотелось бы видеть распространяемым вами посредством школы... Не из обилия слов, накопившихся вследствие долговременных упражнений в речи, состояли эти беседы, но из слов, переплавляемых испытаниями жизни, бывшими в разных местах моего служения. И мне приходилось иногда как бы снестать тот свиток книжный, который... исписан был внутри и снаружи словами: „плач, и стон, и горе“ (Иез. 2: 9–10); и мне приходилось быть снедаемым огнем ревности при виде того, как унижается слава Церкви Христовой, и испытывать подобное тому, что испытывал пророк, падая на лицо свое и вопия: „Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?“ (Иез. 9: 8)»

12 апреля 1908 года архимандрит Фаддей писал архиепископу Арсению, поздравляя его с Пасхой: «Приветствую Вас с великим праздником христианским, желая, чтобы благословение от Господа сопровождало его для Вас и Вашей паствы.

Мы в своем тихом углу тоже потихоньку живем и, как можем, действуем. Сейчас у воспитанников многих идут приготовления к празднику, заботятся об украшении церкви. Заботы к этому прилагают они немало, что, конечно, до известной степени приятно. Еще приятнее то, что до сего часа прилагали заботливость и к лучшему выполнению богослужебного чина и песнопений. Боюсь только, что с литургии Великой Субботы начнется расслабление духа и плоти.

Нового пока в нашей жизни мало. Результаты январской ревизии... нам еще неизвестны. Известно было только еще до ревизора, что по хозяйственной части у нас дефицит: кроме дороговизны здешней, большую беду причинил нам, видимо, эконом¹⁷, теперь уволенный, – видимо, „мудрейший сын века сего“.

Праздновали юбилей (25-летие епископства) Владыки Мисаила; по правде сказать, довольно сухо прошло празднование, хотя речей было довольно, равно как были и подношения. Толкуют все о том, что Владыку уволят на покой.

Моя жизнь становится всё менее и менее келейною, потому что дверь постоянно отворяется и идет народ с самыми разнообразными делами. Поэтому, хотя сижу в келии много, но на „покой“ очень мало похожа моя келия: слишком сложны обязанности. Отдых мой состоит только в поездках по приглашениям к знакомым в праздник. А число знакомых понемногу увеличивается, благодаря долгому сравнительно сидению на одном месте (уже шестой год в Олонии). Впрочем, чем дальше живу в Олонии, тем менее показываюсь на глаза высокой и широкой публике, служу и проповедую почти только в семинарии».

Но наступил час, когда Господь призвал архимандрита Фаддея к архипастырскому служению. 5 декабря 1908 года он был назначен на кафедру второго викария Волынской епархии и 12 декабря освобожден от должности ректора Олонецкой духовной семинарии. Отъезд пришелся на зиму, на время самых суровых морозов. Весть о расставании с отцом ректором, к которому за шесть лет его служения уже все привыкли, словно пробудила от спячки и

¹⁷ Священник Василий Петрович Цветаев.

преподавателей, и учащихся. Многие из бывших воспитанников семинарии, несмотря на зимнюю стужу и метель, направились из сел и городков в Петрозаводск, чтобы проститься с архимандритом Фаддеем и в последний раз получить благословение того, кто своей кротостью, глубокой молитвенной настроенностью и верностью в служении Богу благотворно воздействовал на их сердца, приуготовив их для принятия веры живой, истинной, возводящей человека в полноту меры возраста Христова (Еф. 4: 13).

Выступали с прощальными речами священники, учителя и воспитанники духовной семинарии, один из которых вполне справедливо отметил, что архимандрит Фаддей прежде всего и всегда видел в каждом из них человека, что они никогда не слышали от него резкости, колкости, ничего обижающего, отношения с ним были очень просты, а двери его квартиры были открыты для всех нуждающихся в его совете и помощи.

От лица преподавателей семинарии и членов епархиального училищного совета была прочитана речь, в которой точно и емко были отражены черты личности архимандрита Фаддея и основное направление его деятельности:

«Глубокоуважаемый отец ректор! Шесть лет мы находились под Вашим просвещенным руководством. Теперь Вы назначены на высший пост служения, и нам настало время проститься с Вами, и может быть, навсегда. Долг благодарности побуждает нас припомнить те добрые качества, которые проявляли Вы в своих отношениях как к преподавателям, так и к воспитанникам семинарии. <...> Как воспитатель юношества, Вы прежде всего специально изучили вопросы педагогики и самостоятельно разрабатывали эту науку. Приобретенные таким образом убеждения Вы неуклонно проводили в жизнь. И прежде всего Вы считали главным местом воспитания храм Божий, а средством – богослужение. На благолепие службы церковной Вы обратили свое внимание с первых дней службы Вашей в семинарии: сами принимали участие в чтении и служении и постоянно заботились о стройном пении в семинарской церкви, не щадя даже личных средств. И Вам действительно удалось внушить многим воспитанникам благоговейное отношение к исполнению своих обязанностей в церкви: чтение было разумное, а пение семинарского хора не уступало пению архиерейского хора. Ваше усердное и благоговейное отношение к богослужению действовало тем сильнее на воспитанников, что почти постоянно Вы произносили проповеди, в которых выясняли смысл церковных торжеств и призывали присутствующих вникнуть в свое нравственное состояние. С каждым годом Ваши проповеди становились глубже по содержанию и более приспособленными к духовному настроению Ваших слушателей. Замечаемые Вами среди воспитанников холодность к церкви, нравственная черствость, пренебрежение к высшим запросам духа и святым заветам Христа – сообщали Вашим речам скорбный оттенок. С грустью Вы указывали на несоответствие поведения воспитанников и их настроения с церковными идеалами и с тем служением, к которому они готовятся. Указывая на эти недостатки, Вы с силою глубокого убеждения выясняли гибельность отрешения от веры и Церкви и со скорбью умоляли не забывать наставлений христианских, для собственного блага осуществлять их в жизни – и эти Ваши мольбы и сетования трогали многих из Ваших слушателей до глубины души. Ваши слова действовали тем сильнее, что сами Вы постоянно проявляли искреннее благочестие и полную преданность уставам Церкви. Ваша учительность и пастырская ревность о спасении душ христианских проявлялась не только в семинарской церкви, но и в других храмах

города Петрозаводска, а особенно в Братском Назарьевском доме, где Вы с неослабевающей энергией постоянно вели собеседования с народом и заслужили безграничную благодарность от жителей города.

Затем, как воспитатель, Вы благотворно действовали на воспитанников добротой и мягкостью своего характера и постоянной доступностью. Двери Вашей квартиры были постоянно открыты для всех, имевших нужду видеть Вас, а особенно для воспитанников. И это мягкое, сердечное отношение к учащемуся юношеству, несомненно, много содействовало тому, что последние бурные и тяжелые для духовных школ годы в нашей семинарии прошли сравнительно спокойно, по крайней мере Господь избавил нас от тех преступлений, какие совершались в других семинариях.

К воспитанникам Вы относились как добрый отец к детям, страдали от их недостатков, но вместе с тем и под грубостью Вы старались разглядеть добрые черты, и в этом добром Вы искали точку опоры для исправления их недостатков. Ваше искреннее благочестие и всегда доброжелательное отношение к воспитанникам обезоруживали самых грубых из них и удерживали их в пределах благопристойности. <...>

Много труда положено также Вами на издание „Олонецких епархиальных ведомостей“, где Вы поместили много своих произведений. Вообще всю свою ученость, всю энергию, всё время Вы употребляли на просвещение юношества и народа, на пробуждение совести и возбуждение религиозного чувства, на возжжение того огня христианской любви и благочестия в душах других, какой горел в Вашей собственной душе...»

10 декабря в семь часов вечера в квартире архимандрита Фаддея собрались члены епархиального училищного совета и преподаватели городских церковных школ, и от лица всех присутствовавших член училищного совета священник Николай Звероловлев обратился к нему со словом.

«Ваше высокопреподобие, глубокочтимейший отец ректор! – сказал он. – Порвалась Ваша служебная почти шестилетняя связь с церковно-школьными учреждениями нашей епархии. Далекая Волынь разобщит вас со школами Олонии. Дело святительское в краю ином ставит грань Вашему делу просветительному на суровом севере нашем. Настало время памяти и итогов Ваших трудов у нас. И хотя для полного учета их надо было бы побольше и срока, и усилий, но нетерпеливо прощальное чувство и пренебрегая деталями вызывает на искреннюю речь о наиболее ярком и заметном.

Вы – убежденный сторонник и пламенный радетель церковной школы в ее подлинном существе. Ваше отношение к ней было не столько плодом служебной деловитости, сколько результатом искания в ней и поддержки того духа и направления, которые должны отличать церковную школу от всякой другой. Отсюда Ваше рвение к церковности в ней, забота о поддержании ее, радость об успехах, скорбь о недочетах. Вы близко подошли к церковно-школьной сущности и не щадили ни сил своих, ни времени для школьной визитации, для курсовых занятий и особенно для широкого и тесного сближения с учительским персоналом. Труженики и труженицы церковной школы имели у Вас сердечный прием, слово участия и ободрения, поддержку в нуждах. И в то же время они всегда видели в Вас вдохновителя на свой труд с неизменным знаменем той же церковности. Вы были у нас подлинно работником Божиим на ниве просвещения. Мы узнали в лице Вашем человека не от мира сего, с высокой, благородной, чуткой душой – умевшего всё простить, на злобу отвечать любовью скорбящего

сердца, но вместе с тем твердо стоявшего за дело Божие и глубоко болевшего и страдавшего за поругание святыни. И тянулась душа к Вам как воплотителю Христовой истины. Измученные тяжелою картиною людской слабости, вольного зла и невольных заблуждений, мы отдыхали и утешались, созерцая в Вас тихие, греющие лучи любви, чистоты, благочестия.

Имея присущий Вам огонь любви, безграничное сострадание и благоухание праведности, идите смело на высоту святительскую к тоскующим по правде душам. От нас же Вам благодарение, благожелание и низкий поклон».

Подвиг деятельного служения любви

Двадцатого декабря 1908 года, в день кончины протоиерея Иоанна Кронштадтского, в городе Владимире-Волынске в храме Христорождественского монастыря состоялось наречение архимандрита Фаддея во епископа Владимиро-Волынского; при наречении он, в частности, сказал: «Честнейшие и возлюбленные о Господе архипастыри и отцы! В настоящий час, когда волею Божиею настало мне время воспринять высшее служение епископское, дерзаю сказать нечто странное и, быть может, неуместное: весть о призвании меня к этому служению, от которого усиленно хотели бежать святители Иоанн Златоуст и Григорий Богослов, как бы не была для меня совершенно новою и неожиданною. И это не потому, что я считал себя готовым и достойным великого служения. Увы! я считаю себя немощным и слабым. Мои естественные помышления и чувства побуждали бы меня, как некогда Моисея, ссылаться на свое косноязычие и тому подобные причины неспособности или бежать, как пророк Иона, если бы не опасался я гнева Божия. И вот я все-таки не внимал этим естественным помышлениям, прислушиваясь и к иным голосам изнутри и извне, призывавшим меня, как мне казалось, к служению епископскому. По мере приближения дня призвания к епископству, во мне усиливалось какое-то невольное предчувствие того, что время уже близко. Разные предзнаменования, которым я, однако, не дерзал доверяться, чтобы не обмануться, сопутствовали моим тайным предчувствиям. Голос людей верующих и благочестивых в обители и в мире предрекал неоднократно мне призвание к этому служению и не в отдаленном будущем. Промысл Божий, управляющий путями жизни человеческой, как бы видимо подготовлял меня к настоящему служению...

Казалось бы, после этого нужно было всем сердцем подчиниться воле Божией и „возжелать“ епископства как „добраго дела“ (1 Тим. 3: 1), – конечно не ради почестей и власти или иных преимуществ епископства, которые могут прельщать лишь не видящих или не желающих видеть истинного существа и задач епископского служения, но возжелать как подвига пасения стада Христова, свидетельствующего по преимуществу о любви ко Христу, доказываемой самим делом, возжелать так, как распалемый любовью Христовой Игнатий, ныне празднуемый, жаждал быть смолотым и съеденным зубами зверей, который имел в себе воду живую, говорящую в нем: „гряди ко Отцу!“ Таким подвигом издавна представлялось мне служение епископское: оно представлялось мне окончательною смертью для „мира“, совершенным гробом для всяких себялюбивых желаний. Но вот чувствую я, что не умерли еще они во мне, что нет в душе моей огня Христова, который сжег душу Богоносца Игнатия, что косна душа моя для подвига пасения стада Христова, если понимать его в истинном смысле этого слова, а не так, как ложные пастыри, услышавшие грозный суд

Господа через пророка: „горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих... а овец Моих не пасли!“ (Иез. 34: 2, 8). Не говорю уже о том, что при своем малом знании практической жизни я помышляю о первых будущих шагах своего епископского служения с таким же страхом, с каким начинающее ходить дитя делает свои первые самостоятельные шаги. Не вспоминаю также об особенных трудностях епископского служения в настоящее время, по слову Господа столь оскудевшее верою и любовью Божиею и столь отличающееся „умножением беззакония“ (Мф. 24: 12; Лк. 18: 8).

Итак, чувствуя себя немощным и слабым, „исполумертвым“ духовно, я предстою пред вами, честнейшие и богомудрые архипастыри, здесь, в храме, посвященном Христу рождающемуся, прося укрепить мои немощи вашу благодатную молитвою о том, чтобы мне духовно возродиться для будущего служения во славу Христа рождающегося, – отогнать силою сей молитвы мою духовную косность, дабы мне, хотя по повелению, идти неуклонно на тот духовный подвиг, к которому призываюсь, – лучше же, чтобы я, „задняя убо забывая, в передняя же простираяся“ (Флп. 3: 13), возжелал благодати, которая научает хвалиться о Христе и благодушествовать в немощах (2 Кор. 12: 9–10)».

На следующий день состоялась хиротония архимандрита Фаддея во епископа Владимиро-Волынского; ее совершили архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) и епископы Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков), Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский) и Белостокский Владимир (Тихоницкий).

Вручая жезл новопоставленному епископу, архиепископ Антоний сказал: «Преосвященный епископ Фаддей! По определению Промысла Божия твое положение в жизни с сегодняшнего дня изменяется как во внешнем отношении, так и во внутреннем. О последнем на сей раз говорить не буду: высокие обязанности епископа тебе хорошо известны – „внимать себе и всему стаду“. Хочу остановить внимание твое и твоей новой паствы на другом обстоятельстве, на внешней перемене твоего быта. До сего времени ты ничего не знал, кроме храма, класса, проповеднической кафедры и учебно-воспитательного дела. Теперь к тебе прихлынет жизнь разнообразных слоев, с самыми разнообразными нуждами; она будет отвлекать твое внимание в борьбу житейскую, в нужду житейскую, в дела преступные, которые придется судить, в дела корыстные и лживые, в которых придется разбираться. На тебя прежде всего будут взирать как на носителя власти, как на особу важную, в беседе с которой нужно обдумать слова и выражения.

Переход этот от строго определяемой и подтянутой службы в школе к службе архипастырской для большинства ее носителей есть переход резкий и вождеденный, иногда нетерпеливо ожидавшийся в продолжение нескольких месяцев, даже многих лет.

Но иное будет с тобою, и иные чувства переживаешь теперь ты. Не пользовался ты и раньше преимуществами своего положения, не будешь ими пользоваться и в будущем. Ты не знал собственности, не знал житейских удобств, не был „человеком в мягкой ризы оболченным“; ты сюда приехал на занятия в долг деньги без прислужения и почти без багажа. Правда, ты вывез из своего Петрозаводска, как и из других городов твоей прежней службы, более ценные, в духовном конечно смысле, сбережения: многочисленные иконы, как знаки почтительной и благодарной любви окружающих, задушевнейшие прощальные речи и память о множестве прощальных слез, пролитых твоими учениками и

сослуживцами. Всё это ты привез в особенно драгоценном сосуде, именуемом – смиренномудрие, который не дает расхитить собранных даров духовных помыслам гордыни и самопревозношения, но сохранил их неистраченными до того дня, когда вручивший таланты рабам Своим потребует от них отчета.

Итак, твое отношение к жизни ясно теперь для твоей паствы не на словах, а на самом деле; ты взираешь на жизнь – как на крест, на свое положение и звание – как на долг, обязующий тебя к неуклонной работе, на свою власть – как на служение врученным тебе душам. Ты крепко запечатлел на своем сердце Господне слово: „князи язык господствуют ими, и велицыи обладают ими: не тако же будет в вас: но, иже аще хочет в вас вящший быти, да будет вам слуга, и иже аще хочет в вас быти первый, буди вам раб“ (Мф. 20: 25–27). Посему, не можем обрадовать тебя умножением почета и власти епископской, а от удобств новых ты всё равно совершенно уклонишься и своей добровольной скудости всё равно не изменишь. Не может тебя обрадовать земная честь, как не может и опечалить бесчестие. Итак, ничто внешнее не будет в состоянии понудить тебя пойти против совести, лишь бы ты хранил и возгревал тот дух самоотвержения и любви, которому служить ты взялся, приняв монашество.

Что касается тебя лично, то в восхвалениях от людей ты не нуждаешься, как не огорчился бы и осуждениями. Но душа, исполненная ревности о Боге, посвятившая себя служению Церкви, то есть Его стаду, радуется умножению любви между людьми и скорбит, когда видит проявление зависти и злобы. В этом смысле для твоего сердца теперь настали времена лучшие. Подвиг терпения человеческого жестокосердия теперь заменился для тебя иными подвигами, более сладкими, хотя и не менее утомительными: подвигом деятельного служения любви, любви ответной тому запросу, тому призыву, который и доньше, даже в наши лукавые и незаконные дни, обращен к русскому архиерею как со стороны верующего народа и лучших людей общества, так даже со стороны сопастырей и клириков. Правда, последние принуждены по самому своему положению обращаться к епископу с делами служебными, корыстными и даже судебными, а потому далеко не все являются к нему со словом искренним и душевным...

Не смущайся же тем, что твоя сердечная мягкость может сделаться предметом обид и жертвой обмана: от таких случаев не обеспечен ни один начальник – ни строгий, ни снисходительный, но тот, кто тебя пожелает оскорбить или обмануть, будет иметь отмстителем Бога, а кто тебе бескорыстно порадеет и тебя послушается, от Него же получит награду, как сказано: „кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей“ (Мк. 9: 41). Прими же сей жезл святительский спокойно и покорно. Будь тем, кем ты был доньше и не изменяй своего отношения к жизни в новом твоем положении, но паче умножай веру, свою любовь, свою простоту и свое следование голосу совести и заповеди Божией...

С сим жезлом ты пойдешь впереди твоей паствы, ведя ее к духовному совершенству, впереди, как пастырь добрый, а овцы пойдут за тобою, влекомые примером твоего благочестия».

На следующий день после хиротонии епископ Фаддей написал архиепископу Арсению: «Благодарю Вас за приветствие с посвящением меня в высокий сан архиерейства. Признаюсь, я доволен, что мое посвящение совершилось не в Петербурге, которого я терпеть не могу почему-то. Святители, рукополагавшие меня, приехали 20-го прямо в церковь к наречению, и 21-го двое

из них Антоний и Евлогий уже уехали, а другие двое сегодня 22-го – Михаил Гродненский и Владимир Белостокский. Я остался в самом беспомощном положении, особенно не имея ни секретаря, ни протодиакона или кого-либо знающего архиерейскую службу. <...> Самостоятельно решать дела, не зная людей, для меня задача, кажется, непосильная. Впрочем, Господь не оставит же, вероятно, без Своей помощи. Сегодня служил; народу, конечно, никого не было почти, потому что день будничной. Народ, кажется, здесь не худой».

«Волынские епархиальные ведомости» писали впоследствии о епископе Фаддее: «Вот уже полгода как Владимиро-Волынскую кафедру занимает Преосвященный Фаддей. За это время личность нового святителя выяснилась, и все, кому приходилось соприкасаться с Преосвященным Фаддеем, прониклись глубоким уважением к его особе. В частности, жители Житомира... имели возможность почти каждый день созерцать высокие добродетели и душевные качества архипастыря. Глубокая ревность о благочестии, постоянный молитвенный подвиг, проникновенное проповедание слова Божия, исполненное простоты и задушевности, частое посещение учебных заведений, доступность и ласковость в обращении привлекли к Преосвященному Фаддею все сердца...»

Исполняя обязанности викарного архиерея, которые в его случае далеко выходили за принятые в то время обязанности викария, епископ Фаддей не оставлял и того, к чему был призван и что считал для себя наиболее важным – попечения об учащейся молодежи. Он хотел, чтобы выбор человека, начинающего самостоятельную жизнь, особенно получившего начатки религиозного просвещения, был по совести правым, чтобы не горькое раскаяние о несправедно прожитой жизни возникло у человека на закате дней, а радостное предчувствие встречи с Христом.

6 июня 1909 года состоялась выдача аттестатов окончившим Волынское женское училище духовного ведомства. Епископ Фаддей на свои средства подарил всем двадцати пяти выпускницам училища серебряные медальоны на серебряных цепочках с изображением святой великомученицы Анастасии Узорешительницы – нагрудный знак Братства святой Анастасии. По окончании училища выпускницы совершили паломнические поездки к православным святыням Киева и Чернигова; двух самых бедных воспитанниц епископ снабдил средствами на поездку.

С 29 июня по 31 июля во Владимире-Волынске проходили занятия педагогических женских курсов, на которые собрались учительницы церковно-приходских школ; в их работе епископ Фаддей принял непосредственное и активное участие.

Прослушав по всем предметам образцовые лекции, каждая курсистка давала пробный урок, разбор которого проходил на вечерних занятиях. При рассмотрении урока сначала давала пояснения сама курсистка; она сообщала тему и цель своего урока, его план и затруднения, встретившиеся на уроке. Затем высказывали свои замечания курсистки, присутствовавшие на уроке, после них – протоколистки, записывавшие ход урока. В заключение выслушивались замечания руководителя предмета, по которому давался урок, инспектора курсов и епископа Фаддея.

«Подобно тому как в хорошо организованной иноческой обители каждый член ее несет определенное послушание, так и на курсах учащиеся поочередно несли принятые на себя обязанности, помимо связанных с занятиями.

Немало содействовало успешности занятий на курсах и то, что все члены курсов составляли дружную педагогическую семью, объединенную стремлением к высокому идеалу учителя церковно-приходской школы.

Особенную радость и оживление вносило... чтение на курсах и частое посещение их Преосвященным Фаддеем. Отеческое попечение владыки о курсистках, ласковое обращение, назидание своими прочувствованными беседами, направленными к уяснению вопросов школьной жизни, возбуждали во всех... бодрость духа и охоту к труду, и дни лекций епископа были для курсов днями светлого праздника...», – писали «Волынские епархиальные ведомости».

Когда занятия на курсах подошли к концу, епископ Фаддей обратился к курсисткам со словом, в котором рассказал о значении религиозно-нравственного воспитания в школе и призвал их к исполнению учительских обязанностей в духе православной веры, дабы школа продолжала апостольское дело просвещения; говорил он и о необходимости учителю строго исполнять обряды и установления Церкви, дабы быть для учащихся примером, достойным подражания. «Худо было бы, – сказал он, – если бы соль учения обуюла. Учитель и учительница должны постоянно трудиться для просвещения народа, чтобы приносить пользу, а не быть лишь праздными коптителем неба».

По окончании курсов епископ Фаддей вместе со слушательницами курсов отправился в паломничество в Свято-Успенскую Почаевскую лавру. Почти всю дорогу паломники пели церковные песнопения и религиозные канты, некоторые из которых отличались исключительной поэтичностью и глубиной; когда переставали петь, беседовали с епископом. Незабываемыми для них стали торжественные, пронизанные глубоким молитвенным настроением богослужения в монастыре, молитвенное общение со святынями. Всё это для выпускниц курсов стало лучшим, светлейшим воспоминанием в их последующей жизни и, когда пришло время тяжелых испытаний, укрепляло веру и придавало решимость оставаться верными Православной Церкви.

Теперь, на служении архипастырском, епископ Фаддей по поручению архиепископа Волынского Антония стал часто посещать города и села епархии. 20 июня 1909 года проездом из Житомира во Владимир-Волынь он остановился в Новограде-Волынске и отслужил здесь всенощную и литургию. Народ во время богослужения заполнил не только церковь, но и почти весь погост. «После заамвонной молитвы владыка поучал народ на тему из дневного Евангелия (об исцелении гадаринского бесноватого), причем, указав на низкую неблагодарность по отношению к Христу Спасителю гадаринских жителей, объяснил, что и мы заслуживаем подобного же упрека, ибо, имея такое дорогое сокровище, как вера православная, не ценим, не бережем его, как показал пример Государственной Думы, среди которой нашлись люди, низводящие православие на один уровень не только с инославием, но и с иноверием. Находя, что главной причиной этого печального явления служит сердце, омраченное страстями, владыка призвал слушателей приложить все старания и заботы к тому, чтобы сердце сделать чистым и всецело предать его Богу.

После литургии владыка посетил Троицкую церковь, где обратил внимание на незначительное число прихожан, собравшихся в храм для встречи; усмотрев в этом явлении небрежение ко храму, он преподал краткое, но внушительное архипастырское наставление, как прихожане должны относиться к своему храму. По наставлению владыки, прихожане должны быть связаны со своим храмом

самыми тесными узами, должны усердно заботиться о его благоустройении и возможно чаще посещать его».

Из Новограда-Волынска епископ Фаддей отправился в село Пилиповичи. Один из очевидцев его приезда писал: «21 июня 1909 года останется навсегда памятным прихожанам села Пилиповичи. Господь послал в этот день большую радость: встречать... Преосвященного Фаддея, епископа Владимиро-Волынского... Село Пилиповичи находится в восьми верстах от города. Расположено оно по обеим сторонам шоссейной дороги; в самом центре села, недалеко от шоссе, стоит храм, деревянный, но чисто и благолепно содержимый. По случаю проезда владыки прихожанами устроен был крестный ход, который, выйдя на шоссе, остановился здесь в ожидании прибытия высокого путешественника. Народу собралось множество... Умилительна была картина религиозного шествия во главе с Преосвященным владыкою. Глядя на нее, рисовался в сознании образ доброго пастыря-отца, окруженного любящими детьми... Владыка обратился к народу с горячим увещанием: быть стойкими в вере православной и в преданности Церкви, отдавать в церковную школу детей, чтобы они сознательно усвоили православное вероучение, что при теперешних временах, когда везде свободно рыскают разные лжеучители, крайне необходимо».

По-прежнему епископ Фаддей вел дневник. Он так уже привык к лаконичной и емкой его форме, что и частные его письма становились похожи на записи в дневнике. Не раз он делился с архиепископом Антонием своими впечатлениями от поездок по епархии, и тот, зная, что по своей скромности и смирению епископ никогда не будет публиковать свои письма, иногда сам передавал их в печать. В одном из них епископ Фаддей писал: «На престольном празднике преподобного Иова я служил 27-го вечером и 28 октября обедню в Мациовском¹⁸ духовном училище; затем вечером же 28-го уехал служить в Ковель. Там есть икона святой преподобномученицы Анастасии, которую соорудили жители Ковеля и которую я освящал в апреле, направляясь после Пасхи в Житомир. Собрались кое-какие богомольцы, даже порядочная кучка (имея в виду будни).

Из Ковеля заезжал в Секонь во второклассную школу (уже шесть их посетил). Ехать было темно, но по шоссе нетрудно: дождь мелкий начал идти уже только во второй половине обратного пути. Школа – деревенская, церковность есть. Только я не перестаю печалиться о том, что на Волыни повсюду славянский текст читается почти без перевода и объяснения. Говорят все, что программой требуется более „вводить в дух“ читаемого, чем в смысл. По-моему, это нелепость. Худо так сухо изучать славянский текст, как в семинариях и особенно в академиях, но одним псалмодическим чтением без смысла разве можно ввести в дух священных книг? Ведь псалмодическое чтение – для церкви, в школе же на уроках должно быть чтение обычное, да и в церкви оно – не догмат. Учат тонкости грамматики, а живого текста не могут перевести. Я печалюсь об этом, но что сделать, не знаю...»

Не осталась в забвении традиция богословских чтений и лекций, какие устраивались епископом в Петрозаводске. Подобные богословские беседы устраивал он и в Житомире. Чаще всего в них принимали участие в качестве докладчиков архиепископ Антоний (Храповицкий), епископ Фаддей, архимандрит

¹⁸ Мелецком, находящемся в Мелецком монастыре в местечке Мациов.

Прокопий (Титов)¹⁹, иеромонах Митрофан (Абрамов) и епархиальный наблюдатель священник Феодор Казанский. По воспоминаниям участников этих богословских чтений, «слушателей на всех беседах было так много, что многим за неимением места пришлось стоять в проходе и даже на дворе».

4 мая 1910 года архиепископ Антоний отбыл из Житомира в Почаевскую Успенскую лавру. Во время отсутствия его замещал епископ Фаддей. 9 мая, в день празднования памяти святителя Николая Чудотворца, епископ Фаддей был приглашен для служения в храме святителя Николая в селе Западинцы Староконстантиновского уезда. Очевидец писал: «В селах, удаленных от просвещенного центра, каковыми можно считать и южную часть Староконстантиновского уезда, очень редко приходится видеть архиерейское богослужение... Кроткий вид владыки, истинного ученика и последователя Христова, по выражению богомольцев, умилительные песнопения архиерейского богослужения, хорошее пение местного хора дало много духовного назидания и сердечного умиления верующим. Чью душу, даже самую черствую, оно не тронуло!.. Тысячная толпа в ожидании назидания владыки как бы замерла. Подобно светлomu ручью, тихо полилась из уст архипастыря мерно-стройная, глубоко прочувствованная речь, благотворно оросившая сердца верующих. При глубине мыслей трудно уловить детали проповеди владыки. Вот ее общие мысли.

Множество людей, приблизительно так начал владыка, собралось для поклонения святителю Николаю. Это отрадное явление свидетельствует о том, как сильна вера нашего народа в помощь угодника. Но, быть может, не всякий пришел в этот святой, украшенный святынями храм с должным настроением и расположением. Многие, быть может, пришли сюда только потому, что это вошло в обычай – стекаться народу в этот день... Быть может, пришли сюда удовлетворить свое любопытство, а быть может, есть и такие, которые видят в этом многолюдном стечении народа одно гуляние. Всмотритесь, говорил владыка, на каких строгих началах покоилась вся жизнь наших предков. Как строги они были к себе и в своей домашней, семейной жизни, какие продолжительные путешествия по святым местам они предпринимали, как строго постились, как исповедовались, с каким благоговейным трепетом подходили к святой чаше. С глубокой скорбью замечал владыка, что народ теряет это свое драгоценное достояние в последнее время, люди не заботятся о спасении своей души, по своей привязанности к земным удовольствиям уподобляются язычникам, а своими нередко разбитыми от ненормальной жизни телом и душой напоминают евангельского расслабленного».

И снова при наступлении лета открылись во Владимире-Волынке педагогические курсы, на которых епископ Фаддей читал лекции в качестве преподавателя. В 1910 году такие курсы устраивались дважды. По окончании их, 19 августа, был отслужен торжественный молебен, который совершал епископ соборно с духовенством курсов, а затем состоялся торжественный акт.

Одна из курсисток от имени всех слушательниц обратилась к епископу Фаддею с речью, в которой особо отметила нелегкое положение учительницы, сказав: «Всем известно, что наша сестра-учительница, где и в каких условиях ни приходилось бы ей работать, всегда является скромной труженицей на ниве народного просвещения. Жизненный путь ее не усеян розами, а сплошь и рядом

¹⁹ Священномученик Прокопий (Титов; 1877–1937), архиепископ Херсонский; память 10/23 ноября.

тернием. Стезя эта полна брани и лишений. Каким же богатым запасом душевных и телесных сил должны обладать мы, чтобы при всех бурях житейского моря не захлестнула нас его волна и чтобы с бодрою душою шествовать „к пышному чертогу знания и света“! Это – идеальное стремление каждой из нас. Но как учить других, обладая ограниченным запасом знаний? Что если учительница сама не во всеоружии этих знаний? Между тем среди темного крестьянства учительница является олицетворением самых разнообразных знаний. Ее деятельность не замыкается в рамки классов, но, выходя из них, касается всех сторон и проявлений народной жизни. Добрая учительница – верный помощник такого же высокого труженика в приходе – священника, она и советница народа в затруднительных случаях жизни, она своим любвеобильным сердцем часто осушит не одну слезу своего ближнего. Что может быть выше этого счастья? Но где же, где почерпнуть силы для служения этим „малым, обиженным, обремененным“? – В глубокой вере в Бога и непрестанной молитве о том, чтобы Он, Источник Вечной Истины, просветил нам ум и сердце. Но ведь Бог помогает только трудящимся, значит – „молись и трудись“. Трудись постоянно над своим самообразованием не покладая рук, стремись к свету знаний, и, если искра Божия жива в твоём сердце, она загорится ярким светом и будет светильником горящим. Велика эта задача! Только сильные духом идут неуклонно по этому пути, слабые же часто, попытавшись раз-другой, падают. Но, упавши, не лежать же: нужно возможно скорее подняться, хотя бы и с помощью другого. Кто же протянет нам эту руку помощи? Мы знаем кто, не называть нам этих людей: имена их написаны в сердцах наших – это мудрые руководители просвещения народного. Ведь и нынешние курсы, разве не та же протянутая рука помощи? <...>

Нашему уму непостижимо, как можно два месяца сряду изо дня в день так самоотверженно, часто в ущерб здоровью, отдаваться курсам. Ваша, дорогой Владыка, чисто отеческая заботливость укрепляла и ободряла нас в этот месяц тяжелого, но сладкого труда. Вы были для нас источником нравственных сил, подавая везде и во всем пример истинно христианской любви и терпения. <...> Много нового успели мы усвоить за время пребывания на курсах под Вашим просвещенным руководством. На курсах нам был указан верный путь и средства к дальнейшему педагогическому совершенствованию, по которому каждая из нас может собственным трудом идти к достижению идеала хорошей учительницы...»

Инспектор курсов, священник Феодор Казанский, от имени руководителей, курсисток, уездных наблюдателей и владими́ро-во́лынского духовенства высказал епископу Фаддею глубокую признательность за труды на курсах и за его самоотверженность.

«Дорогой Владыка, добрый наш наставник и руководитель! – сказал он. – Слушая Ваше архипастырски учительное слово по таким трудным предметам, какие выпали на Вашу долю, – слово, соединенное с простотой изложения, искренностью и задушевностью, мы умилялись душою и восторгались, потому что мы видели в словах этих воплощение действительности, пережитой Вами, и видели, что у Вас никогда не расходится слово с делом. Благодаря этому, силы в нас возрастали, тяжелый труд казался легким, и мы бодро смотрели вперед, надеясь, что и наши труды принесут пользу, дадут достойный плод. <...>

Разве не запечатлеется в памяти великий пример, какой мы все здесь видели, пример, когда Вы, Владыка, выступали в роли учителя начальной школы на образцовых уроках. Архипастырь – учитель начальной школы... Что может быть возвышеннее и умильнее такого примера? На своих задушевных,

удобопонятных уроках Вы и нас всех научили любить детей. <...> В Ваших занятиях с детьми слышался голос, обращенный к нам: смотрите, берегите детей, учите добру и правде, заботьтесь о них, влагайте все свои силы в их воспитание в духе Святой Церкви, „ибо их есть Царствие Божие“».

В июле 1910 года архиепископ Антоний направил в Синод просьбу: отметить наградой епископа Фаддея как бескорыстного и изумительного труженика на поприще церковно-народного просвещения. Но ходатайство было оставлено без ответа.

30 июля 1910 года состоялся съезд наблюдателей церковно-приходских школ Волынской епархии. Среди других постановлений съезда было решено: для того, чтобы поднять уровень преподавания Закона Божия, следует всем законоучителям ознакомиться с методикой и образцовыми уроками по этому предмету, преподаваемыми на владимиристо-волинских курсах епископом Фаддеем, и постановлено «просить Преосвященнейшего Фаддея напечатать свою методику Закона Божия и образцовые уроки в епархиальных ведомостях непосредственно по напечатании общей дидактики».

Сбылась заветная мечта епископа Фаддея, к осуществлению которой он был устремлен еще в то время, когда был мирянином, – стать учителем, теперь он был учителем-архипастырем и много времени и сил употреблял на святое дело народного просвещения, на повышение образовательного уровня законоучителей, на совершенствование самих программ курсов, собиравших учителей как церковно-приходских школ, то есть духовного ведомства, так и светских школ Министерства народного просвещения. С каждым новым набором курсов совершенствовалась система преподавания, вводились новые методики обучения для всех предметов начальной школы, чтобы облегчить и преподавательский, и детский труд и сократить время, необходимое для усвоения предметов, которые были в учебных планах и программах. На курсах читались лекции по методике преподавания славянского языка, общей дидактики, русского языка, арифметики, церковного пения, природоведения, экспериментальной психологии, сельского хозяйства, гигиены и школьного строительства.

В начале занятий курсы посетил помощник синодального наблюдателя церковно-приходских школ, действительный статский советник Василий Тимофеевич Георгиевский, который в течение трех дней прослушал почти всех лекторов курсов, побывал на занятиях слушателей курсов со школьниками и, составив отзыв, подал его архиепископу Волынскому Антонию.

«Я давно не переживал таких светлых минут, – писал он в отзыве, – какие я пережил в течение трех дней пребывания на учительских курсах в Житомире! Что за прелесть человек этот, кристально чистый, как драгоценный сосуд из горного хрусталя, владыка Фаддей! Какой чистый, как из усердно возожженной лампы, струится от него теплый, мягкий свет. Как он ласково греет и затем воспламеняет сердечные чувства, увлекая на всё чистое, святое и доброе. Его лекции, полные эрудиции, новых и интересных доводов в защиту и уважение идеалов церковной школы, доставили мне так много истинных наслаждений, и, нет сомнения, – они глубоко западут в чуткие и восприимчивые сердца учительниц церковных школ, этих скромных тружениц наших, – и принесут сторицей плод. Порадовали и они меня: скромные, покорные, усердные, готовые трудиться до изнеможения в аудиториях и в образцовой школе и, наконец, в храме за долгими монастырскими службами... Церковное пение – гласовое, обиходное, гармоническое, клиросное

и прочее, составляет душу курсов. Хороши также и пробные, и образцовые уроки...»

«Кто приобрел любовь, тот устранился от вражды»

Как викарий Владимиро-Волынский, епископ Фаддей объезжал все самые глухие места своей обширной приграничной епархии – посещал каждый приход и в каждом останавливался. Были такие приходы, где крестьяне впервые видели архипастыря. Вот как описал одно из таких путешествий епископ: «В сентябре [1910 года] я поехал в северные приходы Владимиро-Волынского уезда: Глухи, Яровище, Крымно, Любожин. Здесь пески зыбучие и болота. По местам ехали по воде чуть не на аршин от земли. Места считаются малопроезжими: архиереи не были в иных местах с 1860-х годов: в Яровище около церкви только дом священника. Попасть ему в школу иногда нельзя; переехать реку на санях или перейти просто – также нельзя: лед тонок, моста нет; остались какие-то столбы от древнего моста, по которым перебираются с помощью шеста – но, если столбы обледенеют, возможны (и бывают) падения в воду. Народ в Яровище к моему приезду не собрался. В других местах собирался, особенно в Любожине, где, несмотря на позднее, время около каждого дома стояли хлеб-соль».

Вечером 14 октября епископ Фаддей прибыл в Мелецкий во имя святителя Николая Чудотворца монастырь. Из-за позднего часа беседа с иноками была отложена до утра. На следующий день, по свидетельству очевидца, «в семь часов утра при торжественном звоне явился Преосвященнейший Фаддей в храм... После обычного молитвословия и многолетий Преосвященнейший владыка прикладывался к мелецким святыням – чудотворной иконе святителя Николая и Мелецкой иконе Пресвятой Богородицы. Затем, приняв жезл, произнес приблизительно следующие слова наставления: „Желаю вам, братие святой сей обители, предложить некоторое слово назидания из примера видимой природы и внутренней жизни церковной. Когда в темную, мрачную ночь внезапно сделается светлее и покажутся и прояснятся звезды, и откроется всё звездное небо – то всякий испытывает большое умиление от созерцания множества небесных звезд, светящих и рассеивающих мрак ночи. Подобно тому и в Церкви Божией есть свое духовное небо, солнце и звезды. Солнце – это Христос, а звезды – апостолы и святые Божии, которые именно так и называются в церковных книгах. И подобно звездам небесным, и несравненно больше их, просвещают они землю и человечество, находящееся в темноте и мраке безверия и язычества. Насельники обители, ушедшие из мира, должны всегда иметь перед собою для назидания ко спасению это духовное небо – пример жизни Спасителя, святых апостолов и всех святых. Необходимо также всем инокам трудиться, потому что труд предохраняет от грубых страстей и пороков, а от тонких помыслов, с которыми должны бороться обитатели монастырей, врачует непрестанная молитва. Много всяких лишений переносили святые, например преподобный Иов Почаевский, живший в тесной пещере каменной и всячески смирявший себя. Смирение – это основная добродетель иноков и, как говорят, сокращенный способ спасения – также должно развиваться в монастырях, удаленных от мирской суеты. Сохраняя эти главные добродетели иноческие, живущие в безвестных обителях иноки могут надеяться, что Господь поможет им Своею благодатью и споспешествует во спасение“».

24 ноября, в день памяти святой великомученицы Екатерины, епископ Фаддей посетил Зимненский Святогорский Успенский монастырь Владимиро-Волынского уезда. «Храм как на литургии, так и на всенощном бдении был переполнен молящимися, – писал очевидец. – Много было богомольцев-интеллигентов из Владимира-Волынска, несмотря на плохую, крайне ухабистую дорогу и сильный холод. В обычное время на литургии Преосвященнейший владыка произнес, как и всегда, задушевную, назидательную и в то же время доступную пониманию и простолюдина проповедь о достойном праздновании памяти святой великомученицы. Чтобы, поучал Преосвященнейший владыка, настоящее духовное торжество было Богу угодным и достойным нашего христианского звания, необходимо и нам самим, вспоминая жизнь святой великомученицы Екатерины, терпеливо и во всю жизнь переносить болезни, поношения и другие житейские невзгоды. Нужно, говорил владыка, отречься самого себя и всю жизнь покорить воле Божией. Мы должны плоть свою подчинить духу, и чем раньше, тем лучше. В этом заключается великий подвиг, который требуется от каждого христианина. Иначе мы, христиане, подобны будем язычникам. Кто не борется со страстями, тот воздвигает идола в себе самом, которому и служит. Но борьбу со страстями нужно вести не самовольно, иначе можно впасть в самообольщение или прелесть, а нужно всегда призывать на помощь Господа. Если будем бороться вместе со Христом, то и победу будем торжествовать с Ним».

25-го и 26 ноября епископ Фаддей посетил находившуюся во Владимиро-Волынском уезде в селе Охлопов второклассную школу. «Трудно выразить словами, – писали о епископе очевидцы, – ту духовную радость, которую испытали все в дни посещений. Безграничная любовь нашего добрейшего владыки Фаддея к школе в особенности заметна в его отношениях к учащим и учащимся. Он до того в своих отношениях кроток, добр и обходителен, что поневоле дивишься той истинно христианской любви, которой так обильно наградила Спаситель нашего владыку. Все его слова и всякий шаг его дышит неподдельной, искренней любовью к своим ближним; в особенности же он любит детей. Отзывчивые на всё доброе, святое, детские сердца – сердца учеников – сами чувствуют душу, всецело преданную им, душу, любящую их без границ, и сразу идут к нему, сразу поддаются его доброму влиянию... Но, в самом деле, что влечет так нас и учеников наших к владыке Фаддею, как не та, пребывающая в нем истинно христианская любовь, о которой пятнадцать веков тому назад говорил великий учитель Церкви святой Иоанн Златоуст, что „ничто не может привлекать так, как любовь“. Да, наш Преосвященнейший Фаддей поистине имеет „главу добродетелей“ – любовь. Он всех любит. Он любит даже врагов. Ему чужды даже мысли об осуждении кого бы то ни было или чего бы то ни было. Нам понятны теперь слова святого Иоанна Лествичника: „кто приобрел любовь, тот устранился от вражды“».

Свои путешествия по епархии епископ Фаддей описал в письмах: «24 сентября я поехал из Владимира с таким расчетом, чтобы служить вечером того же дня в Любомле всенощную, а 25-го – обедню. Посетил Пузов и Мосур, где архиереи были хотя не десять лет тому назад, но всё же более пяти. Дорога была очень плохая, не хотели нас и везти иначе, как очень кружным путем; встречались по пути по местам болота (есть и деревня по пути с названием Заболотье). В Любомле собралось людей к богослужению достаточно, особенно к литургии. Вечером посетили по дороге Вишнево (более пяти лет не посещался приход

епископами), затем приехали в Штунь на храмовый праздник. Церковь маленькая, и народ переполнял ее как за всенощной, так и за литургией. Приход не посещался более пяти лет. Вечером посещен был Радзехов (не посещался более пяти лет). Из Радзехова возвратились в Любомль, а на другой день посетили глухие места Полапы (неизвестно, когда посещались) и Забужье (с 1892 года не посещалось). Вечером приехали в Бережцы (не посещались с 1897 года). Долго нас здесь ждали (до девяти часов вечера), а когда мы приехали, в начале десятого вечера, народ расходился. Пришлось посетить церковь утром, когда народ уже не собрался в прежнем количестве, отвлеченный работами... Вообще места здесь не во всякое время года достижимы, особенно Полапы и Забужье. И народ там какой-то одичалый с виду... Посещал еще приходы в октябре. Так побывал в Новоселках (не посещались с 1897 года) и Хворостове (не посещался с 1898 года). Проезжали через Овлочим, Туричаны, Перевалы и Сомин, но в Овлочине в восемь часов вечера посмотрели только церковь, народ нельзя было собрать, в Перевалах около десяти часов вечера все спали в Сомине я был как-то ранее, а в Туричаны не предполагал на сей раз заезжать. Около двенадцати часов ночи возвратились в Мациов. Там был я на уроках, и уже не раз в этом году, а 28-го, в день храмового праздника, служил там. Народу было много и за всенощной, и за обедней. Везде проповедовал, стараясь говорить как можно раздельнее и внятнее. Ездил еще в Зимно. Был в Орани, где архиереи, неизвестно, были ли. Там дом священника сгорел, и священник живет в соседнем Воцатине. Собралось несколько человек крестьян в церкви, и я беседовал с ними. В Воцатине видел священника Орани, уже старца, но, видимо, деятельного; прихожане говорили, что он поучает их часто. Посетил и церковную школу в Воцатине – убогую, с земляным полом. Затем поехал в Бортнов, Поромов, Михалье, Изов – приходы, не посещенные епископами с 1897–1898 годов. Народ собирался хотя не в большом количестве, но всё же более или менее достаточном...

9 декабря отправился в Ковель и попал в Ровно на другой день утром. Освящение общины Красного Креста было обставлено большой торжественностью; в слове своем упомянул даже о бесшумном характере действия истинно христианской любви, не догоняющего славу, а догоняемого ею; сравнил также христианскую любовь и с толстовской, и с культурно-гуманной; люди слушали, потому что сказано было всё в виде „рассуждения“. В тот же день направились в Дермань, где радушно встречены были отцом архимандритом Пахомием²⁰. Утром на другой день посещали уроки. Преподаватели преданы делу и воодушевленно рассказывают предмет урока. Церковности как будто еще больше стало, чем в прошлом году. Вечером в субботу и утром 12-го служили; проповедь, кажется, и на сей раз слушали не без внимания. Народу было много. Сегодня воспитанники прислали даже четки.

Вечером приехали в Острог, куда просили нас прибыть на молебен благоверному князю Феодору – к семи часам. Маленькая неудача случилась с омофором, который никто не мог надеть, кроме гимназиста, о чем после, к сожалению, узнано; и я, значит, полагался на „извозчиков“ (которые „всю географию расскажут“), которых на сей раз и не случилось; нужно, значит, теперь и самому узнать „географию“ омофора. Говорил речь о встрече. Народу было немало. Собор внутри невесел, совне красив; кроме того, он мал. На другой день

²⁰ Архимандрит Пахомий (Кедров; 1876–1937), настоятель Дерманского Свято-Троицкого монастыря, впоследствии архиепископ Черниговский.

посещали учебные заведения Острога, особенно гимназии мужскую и женскую (или училище Братское графини Блудовой); в первой имели и пребывание временное. Встретили в обеих гимназиях „по-церковному“: певчие шли с пением тропаря греческого распева до церкви, равно как потом и провожали с пением (в обеих гимназиях). Колокольный звон не забыли. Говорил я в обеих гимназиях речи после обычного краткого молебствия, затем шел на уроки. По Закону Божию знают очень хорошо, особенно в мужской гимназии. В женской, кроме того, в 8-м классе спрашивал я по педагогике (отвечали хорошо) и... по славянскому языку. Последнее обстоятельство, то есть ответы по славянскому языку, особенно меня прельстило: ведь давали ответы, которых не могут дать многие семинаристы и епархиалки! Вот бы так учить славянский язык во всех гимназиях! Предложили мне еще слушать пение воспитанниц – общее и певчих. Знают петь на гласы, первые воскресные стихиры поют наизусть. Вечером предложено мне было побывать на молитве (перед которой зашел я в один класс посмотреть, как занимаются, и спросить учениц о том и другом). Чинное стояние, коленапреклонения, молитвы за живых и усопших очень напоминают духовное женское училище, как и вообще получается довольно приятный самообман в этом отношении.

Утром 14-го оставили Острог и приехали в Полонное, грязное, необъятное (изъездили верст тридцать по Полонному), хотя невидное местечко. Посетили все школы и церкви; в четырех говорил я проповеди. Есть церкви хорошие, но не все. Вечером 15-го едем в Новоград-Волынь, проезжаем через Барановку, и вдруг... свет в церкви, затем звон в колокола! Я почти и не подозревал о существовании Барановки и в поздний час не ожидал никак встречи, но как миновать?.. Народу собралось много, оказывается, – давно ждали; священник встречает с речью, напоминая, что ожидают назидания... Я говорил об апостолах Петре и Павле, в честь которых храм, об отношении к их писаниям христиан древних и нынешних... 18-го утром, посетив министерское двухклассное училище, послушав ответы учащихся и пение; поехали в Ровно по шоссе. Прибыли еще за час до всенощной. Народу было много. Собор все-таки не такой маленький, каким он показался мне с первого раза почему-то... Немало было людей и вечером за акафистом; обыкновенно же, говорят, бывает мало людей за этим акафистом... Проповедь как будто слушали тоже не без внимания (за обедней). Ровно было последним этапом путешествия, ночью я выехал в Ковель, а утром во Владимир...»

Вернувшись во Владимир-Волынь, епископ Фаддей писал архиепископу Арсению, поздравляя его с праздником Рождества Христова: «Приветствую Вас с великими праздниками, желая обычной радости и света, исходящих подобно лучам из торжества духовного во дни их.

Мы праздновали не особенно светло, потому что по здешнему обычаю в сочельник принято по нечестивому обычаю ужинать, и в церкви людей было мало; но за обедней и потом на второй и третий день довольно много. Нет здесь ни хождения с крестом, ни целодневного звона: грустно, хотя приходится применяться к здешнему строю духовной жизни. Интеллигенция охладевает, хотя не все до одного. Немало путешествовал по епархии».

23 января 1911 года епископ Фаддей выехал из Владимира-Волыньска в Зимно, Бубнов, Ляхов и Порицк. В каждой церкви он проповедовал, везде посещал дома священников. В Порицк епископ прибыл уже в восемь часов вечера, но народ ожидал его, и была устроена встреча; он сказал слово о святом Клименте, папе Римском, память которого праздновалась в этот день.

Отправились дальше около десяти часов вечера. Снег к этому времени растаял, и дорогу развезло, наступила кромешная темень, и путь пришлось освещать факелом. В Охлопов добрались полпервого ночи. Священник встретил епископа на крыльце дома, у него и остановились ночевать. На следующий день епископ Фаддей посетил школу, был на всех уроках, и в Дружкополь выехали в половине третьего. В Дружкополе епископ посетил церковно-приходскую школу и экзаменовал учеников по всем предметам учебного курса. Школой епископ остался доволен. После школы он посетил церковь и затем дом священника, где побеседовал с собравшимися здесь учителями.

Из Дружкополя епископ Фаддей выехал в шесть часов вечера. Полил сильный дождь, грязь на дороге увеличилась, и ехать становилось всё труднее, но он решил продолжать путешествие. В селе Квасов епископа встречала масса народа, с фонарями и свечами. В храме он произнес проповедь о покаянии. Люди слушали его с сосредоточенным вниманием, в безмолвии и тишине. Из храма епископ прошел в дом священника. Увидев его бедность, он пообещал перевести его в лучший приход, что сразу же по возвращении во Владимир-Волыньск и исполнил.

Из Квасова проследовали в село Княже. Церковь светилась огнями, собралось множество народа, к которому епископ Фаддей обратился с проповедью. Около десяти часов вечера епископ пришел в дом священника, где остановился на ночлег. На следующий день он осмотрел церковно-приходскую школу и отправился в село Лудин, где церковь в то время была без священника. Храм был ветхий и содержался бедно. Частая смена настоятелей отражалась и на приходе, но народу встречать епископа собралось много. По воспоминаниям очевидца, «слово владыки здесь было о злых виноградарях. Хозяин виноградника – это Господь, виноградник – Церковь Его: сперва ветхозаветная, а потом – новозаветная. Точило (яма, куда выжимают виноградный сок), – это алтарь, жертвенник; ограда – заповеди Божии, а столб (сторожевая башня) – это служители Божии, пророки, апостолы и их преемники – епископы и священники, поставленные на страже спасения. Наследник – Иисус Христос. Евреи не признали Христа Сыном Божиим, увели Его из града на Голгофу и распяли; священников и пророков били и убивали, и Господь наказал их отвержением и рассеянием.

Царство их отдано другим, и в Церковь Христову вошли язычники. Мы, русские, приняли благовестие Евангелия и предназначены ко спасению (как и другие народы) вместо евреев. Но слушаемся ли мы Господа, слушаемся ли поставленных от Него пастырей? Сколько обид, сколько притеснений от пасомых получают они! Забывают теперь люди слова Божии: слушай пастырей, Мене слушает, а отменяя их – Мене отменяется. Если мы потеряем веру, как евреи, то и нас могут постигнуть разные беды, и наше царство отдастся иному народу. Разные болезни, неудачи, Японская война, голод, землетрясения, пожары, градобития – всё это предвестники гнева Божия. Господь являл нам и великих пастырей: Иоанна Кронштадтского, Феофана Затворника, схииеромонаха Амвросия [Оптинского] и других, которые призывали нас к покаянию. А голос совести, угрызения которой чувствуют самые большие злодеи? Покаемся же, потому что Бог поругаем не бывает, и участь грешников та же, что и злых виноградарей, не хотевших отдать хозяину плодов от его виноградника, – злых зло погубит».

Во время путешествий по епархии епископу Фаддею приходилось говорить в храмах по шесть проповедей в день. Иногда почти всё село выходило встречать

архипастыря. Но не всегда было так. В селе Старо-Порицке, куда он прибыл 26 января, почти никто не пришел встречать его. Если бы не ученики, выпущенные на перемену из двухклассного училища, то и беседовать епископу было бы не с кем. Следующий приход – село Жджары, на самой границе Российской империи. Отсюда уже были видны униатские храмы. Дорога совсем испортилась, лошади выбились из сил и едва тащили экипаж. Множество прихожан спешили навстречу епископу. Речь епископа была на тему 5-й главы первого послания к Фессалоникийцам: вразумляйте бесчинных; не воздавайте злом за зло; непрестанно молитесь; о всем благодарите; вся испытующе, доброго держитесь. Епископ Фаддей узнал, что в этом селе особенно распространено пьянство, непочитание праздников и хулиганство молодежи. На эти явления и указал он, произнося проповедь. Слово его было вдохновенное, со властью.

Вечером 27 января епископ Фаддей прибыл в село Грибовицу. Народу собралось благодаря праздничному дню много. Епископ говорил о святителе Иоанне Златоусте, об истинных пастырях и ложных, о почитании священного сана, о том, что в настоящее время развелось много самозваных учителей, которые научают народ злomu, отвлекают от Церкви Божией, от повиновения властям и стараются приобрести его доверие спаиванием и подкупам. Слово епископа здесь имело для прихожан огромное значение, так как в это время проходили выборы волостного старшины и вокруг этого разыгрались страсти. На следующий день старшиной был избран честный и добропорядочный человек.

На протяжении довольно продолжительных путешествий епископ посещал все церкви и школы и везде произносил поучения, поднимал дух паствы, ободрял пастырей и объединял всех в общей молитве.

Поздравляя с Пасхой архиепископа Арсения, епископ Фаддей писал ему 18 апреля 1911 года: «Простите, Ваше Высокопреосвященство, досточтимый Владыка, за то, что на сей раз никак не удосужился своевременно Вас приветствовать с праздником. Ежедневные длинные службы, начиная с Недели Ваий, с ежедневными же проповедями и текущими делами не дали возможности мне заняться перепиской. Как и ранее, неполнота православия продолжает по временам горько чувствоваться. Так на Страстной здесь считают нужным прийти только на „Страсти“²¹ и на „вынос плащаницы“. Даже субботняя утренняя служба известна, умовение ног также не особенно собирает народ. Впрочем, послание владыки Антония о „говении“ более или менее приличном, а не католическом, – где принялись пастыри за дело, не осталось без действия. Сегодня сделал перерыв в службе, но, может быть, только на два дня. В первые три дня ходило людей в церковь немало».

12 марта 1912 года архиепископ Волынский Антоний направил обер-прокурору Святейшего Синода В. К. Саблеру прошение, в котором просил Синод о награждении епископа Фаддея.

Поздравляя архиепископа Арсения с Пасхой, епископ Фаддей писал ему 10 апреля 1913 года: «Приветствую Вас, высокочтимый Владыка, со светло-радостным праздником, хотя теперь еще свет и радость не сияют, разве заря их показывается. Да воссияют они Вам преизобильно.

Я после святок много путешествовал по епархии, тем более что дела по Кременецкому району пока лежат на мне. Посетил большую часть городов, доехал до пределов епархии и самой России (до границы Австрии) не один раз.

²¹ На чтение 12-ти Евангелий.

Паства более или менее терпит меня, иные же обнаруживают приязнь. Приятно видеть, что некоторые усердствуют к церкви. Но в общем православие еще не восстановлено здесь из развалин».

Поздравляя архиепископа Арсения с праздником Рождества Христова в 1913 году, епископ Фаддей писал ему: «Сегодня, вернее вчера, 21-го (пишу за полночь), исполнилось пятилетие моего епископства. Бежим быстро, но куда прибежим, неизвестно. Разумею не земное „течение“, а небесное.

Чувствуется, что за пять лет корни моего существа значительно вросли в здешнюю почву, которая отчасти добрая, но так много имеет в себе песку и болот. Водятся и звери в лесах, но вреда от них пока не потерпел существенного».

4 апреля 1914 года, поздравляя его с Пасхой, епископ Фаддей написал: «Я во Владимире живу так тихо, как бесшумно прозябает трава. Что-то такое делаю и я, но в летописи мое имя не может попадать, как и прозябение травы. Службы довольно хороши пока, но ропщущих (из братии) довольно».

Поздравляя архиепископа Арсения 14 декабря с праздником Рождества Христова, епископ Фаддей написал: «Дай Бог, чтобы светом Христовым рассеивался мрак бедствий войны и отогнан был совершенно от земли нашей „зеленый змий“²². Вам же да поможет Бог крепко стоять и бороться с последним.

Я по-прежнему живу тихо, тем более что с июля до сего дня (сегодня выслано пособие) жил в скудости и не имел возможности ездить по епархии. Впрочем, все-таки ездил. Сидел и в Житомире, исправляя дела, так как владыка Евлогий был в Почаеве и Галиции. Но тишину своего города все-таки доселе предпочитаю шуму больших городов».

Поздравляя архиепископа Арсения с праздником Пасхи в 1915 году, епископ Фаддей писал: «Хотя и с таким опозданием, но с прежнюю искренностью души приветствую Вас со светлым праздником и желаю светло праздновать всю Пятидесятницу, озаряться светом сим все дни жизни.

Опоздал я так потому, что в нынешнем году с нового года сию в Житомире, где меня заставили взять бремя (в буквальном смысле, а не в переносном) управления Волынью. Ведь это такая громада! А викариатские дела за мною. Архиепископ же живет во Львове и всецело занят делами Галиции²³. Пасты более приходится, пожалуй, бумаги, чем стадо словесных овец. Даже в Пасху занимаюсь с первого дня бумагами целые часы (часа по четыре). Такое море! Но служба и проповедь – своим чередом. В Житомире не худо, но душа стремится в эти дни особенно в свой град».

Поздравляя архиепископа Арсения с Рождеством Христовым в 1915 году, епископ Фаддей написал: «Дай Бог светло радоваться Христовою радостью, и да рассеется объявша Отчизну и Святую Церковь тьма!

Простите, что поздравляю с большим опозданием: благодаря путешествию архиепископа Евлогия в Петроград и пребыванию епископа Дионисия²⁴ на

²² С началом Первой мировой войны в 1914 году император Николай II запретил производство и продажу алкоголя в России.

²³ В мае 1914 года архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) был перемещен на Харьковскую кафедру, а на его место назначен архиепископ Евлогий (Георгиевский). В первый год войны российские войска вошли на территорию Австро-Венгрии, ими были взяты Львов и Перемышль, – и архиепископ Евлогий был направлен устраивать церковную жизнь в Галиции и организовывать жизнь перешедших в Православную Церковь униатских приходов.

²⁴ Епископ Кременецкий Дионисий (Валединский).

позициях, все епархиальные дела лежали на мне некоторое время; кроме того, службы, проповеди, духовные беседы с 20-го по 28-е включительно не давали возможности написать ни одного письма.

На предпраздничных повечериях вел беседы, объяснял все пророчества, касающиеся Рождества Христова. Не могу сказать, чтобы был утешен на повечериях многолюдством, но внимание некоторых было напряженное, несмотря на продолжительность бесед. Хотя духовными беседами заняться в „тылу“ и использовать свое „беженство“, на „позициях“ не показываюсь, как все наши святители.

Пошел восьмой год пребывания моего на Волыни и чувствуется всё большее сроднение с нею, но слышатся, конечно, из углов и звуки „шипящие“, „рычащие“ и т. п.».

Миновал 1915 год – год войны, военных поражений, непостижимых уму человеческих страданий, особенно на Волыни, по которой проходила линия фронта. Война как чрезвычайное, Богом попускаемое испытание изменила многое в людях и не всегда к лучшему, она не подвигла народ к покаянию, и ясное сознание этого и предчувствие недоброго будущего томили душу епископа Фаддея.

«Как много новых мыслей зародилось в умах общества, – писал он, – какая новая оценка дается с одной стороны всему тому, что почиталось великим и славным у врагов, с другой – всему тому, что в нас признавалось малоценным и не стоящим внимания, осмеивалось, оплевывалось! Какие перлы доблестей и высокой добродетели открывает, например, общество в низших, серых слоях народа и как развенчивает почитавшихся самым культурным народом немцев с их кайзером, учеными, философами, уже давно склонными оправдывать обнаруживавшиеся особенно в нынешнюю войну звериные идеалы и начала жизни, лишь бы быть их народу „превыше всего“! Какую перемену общественной жизни, по-видимому, обещает всё это после войны!.. Но суждено ли этим надеждам осуществиться? Наступит ли действительно обновление земли Русской, несущей новые заветы Христовой любви и народам всего мира? Одному Богу это ведомо... Ведь забыли мы уже уроки великой Отечественной войны 1812 года, когда Господь послал врагов лютых на наше Отечество, чтобы не перенимали мы их обычаи. А между тем, разве не продолжали мы перенимать, забывши все уроки прежнего времени, делать строй своей жизни по подобию Запада всё более и более языческим, вместо древнего христианского, православного? Неужели повторится это и после нынешней, небывало тяжелой войны? Какого же тогда наказания был бы наш народ достоин?..»

Поздравляя в 1916 году с Пасхой архиепископа Арсения, епископ Фаддей писал ему: «Приветствую вседушевно со светлым праздником. Да озарит свет его изобильными лучами Вашу душу вместе с паствою и всею нашею Отчизною!

Я живу всё в Житомирском „тылу“, еще далеко от аэропланов и выстрелов; питаю благие надежды и относительно нашего будущего.

Благочестие как будто не падает: в церкви немало людей. Я – всё в архиерейской церкви, где образовалась как бы своя паства и кафедра, но не к „общему“ удовольствию: есть среди иночествующих держащиеся положения – отзвонил поскорее и с колокольни долой. Явилась даже какая-то постоянная неприязнь ко мне со стороны ближайших маленьких „начальств“. Но в пастве – не без приязни.

Дела много по обычаю, хотя всё такое, что с военной точки зрения цена ему ничтожная».

«Как много людей, которые с возрастом оправдывают самые мерзкие свои дела, не замечая в них ничего худого или недозволенного! – обращаясь к волынской пастве, проповедовал епископ Фаддей 15 мая в Преображенском кафедральном соборе Житомира. – Пьяница оправдывает свое презренное пьянство, блудник или блудница свой мерзкий блуд, скупец не видит своей отвратительной скупости и жадности, тщеславный не замечает, как смешны многие его поступки и как отовсюду на них указывают пальцами другие люди, любитель или любительница моды не замечает, как велика тирания моды, как ради моды приходится себя часто безобразить вместо придания красоты, как в нынешнем году приходится считать прекрасным и изящным то, что в прежние годы считалось или через несколько лет будет считаться безобразным и смешным!

Разве это не постоянная духовная слепота, слепота часто вполне добровольная, самими людьми если не сначала, то потом легко замечаемая. Разве пьяница, блудница, скупец, тщеславный, пристрастный к людям человек не замечают часто, как их действия предосудительны, разве не чувствуют приступов мучительного раскаяния? Но потом они снова закрывают свои глаза, перестают видеть в себе всё худое, нарочно стараются его забыть и раскаяться, погружаясь, таким образом, во всё большую и большую добровольную слепоту духовную, пока не связана будет душа их совсем худыми привычками и страстями, а через них узами ужасного адского мрака. Как уподобляются эти толпы людей стаду неразумных животных, которые незаметно приближаются к бездне и в нее ввергаются, – задние толкают передних в ту же бездну и продолжают также незаметно гибнуть! Как часто люди идут сами в сети духовной гибели, как не замечающая сетей, всюду расставленных, птица летит в эти сети! Они как бы добровольно завязали глаза, чтобы не бояться гибели и свободнее ходить, не беспокоясь ее видом. Все они нарочно стараются забыть о том, что совесть осуждает и от чего предостерегает, не вспоминать Христовых заповедей, заветов жизни евангельской, совсем забыть о суде, геенне, грозящей человеку за всякое слово праздное, за всякое дело пустое, суетное (Мф. 12: 36), которое, как солома, умножает пищу огня геенского, о гибельности какой бы то ни было страсти, которая, воспламеняя душу, уже сама воспламеняет в душе огонь адских мук, не дожидаясь многих веков, когда для всего мира воспламенится море огня геенского.

Страсть тем и опасна, это она ослепляет незаметно: она представляется сначала самым законным требованием самой природы и из него вырождается. Разве, например, не потребность природы есть и пить? Но как незаметно обращается она в страсть лакомства, объедения, пьянства! Много ли на самом деле человеку нужно есть и пить, чтобы поддержать свои силы и жизнь? А человек ест и пьет, пьет и ест ради удовольствия, до расстройств здоровья, до болезни, до потери самой совести. Разве природа человека не нуждается в одежде? Но разве она требует всего того, что от одежды требует мода? Разве требуются человеку для удовлетворения всех природных потребностей жизни тысячи и миллионы, которых хватило бы на целые столетия его жизни? А он всё собирает, умножает, и ему кажется всё мало. Так страсть ослепляет человека и ведет его в погибель как бы с завязанными глазами: *каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает*

грех, а сделанный грех рождает смерть (Иак. 1: 14–15), вводит в эту смерть, ослепляя и обманывая человека (ст. 16).

И еще не столь горестно было бы это ослепление, если бы люди были слепы от рождения, как вспоминаемый ныне евангельский слепорожденный. Но ведь люди хотя рождаются духовно слепыми от рождения, Христос им отверзает очи, просвещает их вместо Силоамской купели купелью святого крещения, и они, возрастая, видят не только солнце чувственное на небесах, но и несравненное сладкое солнце правды – Христа – очами веры. И вот эти духовные очи человек снова повреждает и затемняет, пока совсем не сделается духовно слепым. Как много ведь не язычников лишь, но и “христиан к добру и злу постыдно равнодушных”, которые смеются над великими пробуждающими совести проповедями, над беспокойствами, тревогами, даже муками совести, называя всё призраками, ложными видениями расстроенного воображения!

Как же нужно человеку более всего с дней детства прилежно хранить свое духовное око от повреждения, как бережно хранит он свои телесные очи, по крайней мере когда заметит опасности повреждения! Как необходимо и всякое малое пятно, на совесть лежащее, тотчас постараться изгладить, как не дает человек и соринке малой задержаться в глазу! Пусть помнит он, что если столь важно просветить око ума, то еще более важно и необходимо просветить око совести: ведь если око повреждено и темно, то человек будет не только не видеть и претыкаться подобно слепому, не будет видеть, как слепой до прозрения не видел стоявшего перед ним самим Иисуса, но будет видя не видеть, как книжники и фарисеи видя не видели чудес Христовых, как теперь почитающие себя зрячими от науки мудрецы мира сего часто совсем не видят дел Божиих и Самого Бога, хотя и младенцам открывается всё это (Мф. 11: 25). <...> Какова тьма в жизни человека, у которого повреждено око совести! Как он постоянно претывается, попадает постоянно в незамечаемые им сети страстей своих, близится к мукам, которые таят уже в себе, как в зародыше, смерть, к мрачной бездне неслетимого огня геенского, который в страстях, как в удобовоспламеняемом веществе, уже тлеет!»

24 августа 1916 года Святейший Синод постановил временно назначить епископа Фаддея на Владикавказскую кафедру в связи с болезнью епископа Владикавказского Антонина (Грановского)²⁵. 9 сентября состоялось прощание епископа со священниками и учителями церковных школ Житомира. Говорились речи, в которых его благодарили за труды. В ответном слове епископ Фаддей

²⁵ Епископ Антонин (Грановский; 1865–1927). В 1903 году хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1908 года на покое по болезни. С 1913 года – епископ Владикавказский. С 1917 года на покое по болезни, жил в Московском Заиконоспасском монастыре. В 1921 году запрещен в священнослужении патриархом Тихоном за введение литургических новшеств. В 1922 году председатель обновленческого ВЦУ, возведен в сан архиепископа, председатель Московского епархиального управления, настоятель Троицкого подворья в Москве, настоятель храма Христа Спасителя. В 1923 году участвовал во 2-м обновленческом Всероссийском Поместном соборе. В том же году объявил об автокефалии созданного им Союза церковного возрождения, который он возглавил, назвав себя митрополитом Московским и всея России. В том же году за богослужебные и литургические новшества запрещен обновленцами в священнослужении. Объявил о своем разрыве с обновленцами и, отказавшись от сана митрополита, стал именовать себя епископом Союза церковного возрождения. Скончался в 1927 году, погребен в Московском Новодевичьем монастыре.

сказал, что он всегда любил школьное дело и с самого детства мечтал о пастырской педагогической деятельности. Став священником, он прежде всего был пастырем-педагогом, что некоторые при самом начале его деятельности считали выбором односторонним. Той же любовью к школьному делу проникнута его деятельность как архипастыря. С особой душевной теплотой епископ Фаддей вспоминал педагогические курсы. Много ему здесь пришлось потрудиться, иногда без отдыха, до изнеможения. Но и слушатели, в свою очередь, работали в это время так усердно и вдохновенно, и с таким подъемом, что невольно увлекали других.

Присутствие епископа Фаддея на празднике прощания создавало особенную обстановку. Учителя окружили владыку, потекла беседа, не хотелось верить, что, может быть, последние часы проводит он среди школьных тружеников. Один из учителей от лица всех присутствующих обратился к епископу с речью. Он говорил о тяжелой ноше учителя церковной школы, которая, будучи христианской по своему характеру, далеко не всегда пользуется симпатиями тех, от кого зависит улучшить ее благосостояние, и потому часто бывает материально необеспеченной, а от этого, конечно, страдают и ее работники. Трудно пришлось бы церковной школе, если бы у нее наряду со многими врагами не было надежных друзей. И вот таким-то лучшим, просвещенным другом церковных школ явился епископ Фаддей. Его простота и доступность, всегдашняя готовность прийти на помощь учителям церковных школ сделали его за восемь лет служения на Волыни родным, близким и дорогим всему церковно-школьному миру Волыни, а особенно тем, кто имел счастье видеть епископа Фаддея у себя на уроках, на экзаменах, иногда за трапезой в своем кругу, молиться с ним за церковными богослужениями и назидаться его вдохновенными поучениями.

11 сентября епископ Фаддей выехал к месту своего нового служения – во Владикавказ, куда прибыл в Неделю по Воздвижению и сразу же, никуда не заходя, проследовал в кафедральный Михайло-Архангельский собор и отслужил литургию. В своей первой здесь проповеди епископ сказал: «Волею Божией должно было мне, братие, прибыть в здешний край по случаю болезни Преосвященного Антонина. Долго ли придется мне пробыть здесь, ведомо Богу. Я же должен был оставить Волынь, сделавшуюся для меня как бы новым отечеством, и идти, куда указывает Господь. Строить планы и предположения относительно будущей деятельности при подобных обстоятельствах особенно неуместно, хотя, впрочем, и вообще пастырю следует делать то, что ему указывает Бог, исполнять волю Божию, правда, сознательно и свободно, но всё же не предпринимая ничего по собственной лишь воле. И для пасомых главная мудрость жизни в том состоит, чтобы под руководством пастыря „познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная“ (Рим. 12: 2). С послушания данной заповеди начал Господь духовное воспитание первозданного человека, и наоборот – воля собственная воздвигает стену разделения между Богом и человеком.

Я не могу сегодня говорить пространного слова, будучи утомлен путешествием, не будучи в силах и не имея времени собрать для того своих мыслей: я прибыл сюда для служения в храме прямо с дороги. Попутно скажу, что в этом вижу как бы указание на лучшее и высшее средство общения пастыря с паствою своею – в молитве и служении слова, что и апостолы называли главнейшими обязанностями пастыря (Деян. 6: 4). Молитвенное общение протягивает нити незримого духовного единения между пастырем и паствою,

слово же скрепляет эти нити общения, без которого не может быть плодотворным возрождение духовного виноградарства – Церкви Христовой. И если много существует отраслей деятельности пастыря, то пусть молитва и слово будут лучшим воздухом, обвевающим все прочие дела и отношения пастыря, лучшими соками, исполняющими все разветвления его деятельности».

Епископ Фаддей остановился в доме у епископа Антонина; каждое утро он уходил в храм, после службы приносил больному епископу просфору и святую воду и подолгу сидел у его кровати. Тот говорил о своей скорой смерти, епископ Фаддей на это отвечал:

– Вам бы, владыка, надо послужить литургию, причаститься, и выздоровеете.

Тот не верил. Но однажды епископ Фаддей взял его за руку и поднял с постели. Утром епископ Антонин поехал в собор, отслужил литургию, причастился – и стал выздоравливать.

23 октября епископ Антонин направил в Синод телеграмму, в которой писал, что 21 октября он служил молебен, 22-го – литургию, 1 ноября вступит в управление епархией, но, поскольку восстановление проходит медленно и лечение должно продолжаться, он просит назначить ему викария, а до времени, когда тот будет назначен, оставить во Владикавказе епископа Фаддея, который «молитвенный и кроткий, трудится ему в утешение».

Однако вскоре епископ Антонин принял решение продолжать болеть и 15 ноября направил в Синод телеграмму, в которой сообщил, что хотя врачи и не могут поставить диагноз, но ему предстоит тяжелая операция, и он уже сдал все дела епископу Фаддею и просит Синод поручить епископу Фаддею управление епархией, а ему дать двухмесячный отпуск. Синод удовлетворил его просьбу.

28 декабря 1916 года епископ Фаддей писал о своей жизни во Владикавказе архиепископу Арсению: «Приветствую по обычаю со светлым праздником. Да дарует Господь светло праздновать и увидеть более светлые дни для Святой Церкви и Родины!»

Уже четвертый месяц сижу во Владикавказе в неопределенном положении, от Волыни отставшего и здесь не приставшего. Жутко чувствовалось здесь сначала после Волыни, но теперь уже не всё стало казаться чуждым и мертвенным. Даже повечерия предпраздничные отправляли, и я вел духовные беседы на них; человек 80–100 собиралось, но и это казалось по-здешнему не столь плохо: я боялся, что придет лишь 5–10 человек. Много здесь духовной одичалости, а святых нет, кроме Моздокской иконы Божией Матери; о здешних святых совсем не слышно. Пения гласового никто не знает твердо, разве в женском монастыре, хотя сомневаюсь я даже в последнем».

«Мрак духовный огустил над землею...»

1917 год застал епископа Фаддея на Владикавказской кафедре. На новогоднем полночном молебне в Михайло-Архангельском соборе епископ сказал: «В новый год вступает обыкновенно человечество с надеждами обновления жизни. „Что-то принесет новый год?“ – думают про себя многие люди, иные же пытаются даже гадать о новом счастье, какое судьба им обещает, и это ожидание нового делается в них напряженным до странности. Жизнь, думают люди, непрерывно сама собою движется вперед, а потому несет с собою и обновление человечеству... А наука неустанно трудится над открытием новых

путей жизни, более совершенных и счастливых, чем знали люди прежде. Как же не ожидать нового счастья и благополучия впереди с каждым новым годом?

Но когда люди из области этих мечтаний переносятся в грустную действительность, то видят, что мечты о новом счастье, об обновлении жизни часто рассеиваются, как дым. Год новый, а настроение у людей прежнее, старое, изветшавшее. В начале войны так надеялись на обновление. Так думали, что если и проливаются потоки крови, то ими очищается и обновляется наша земля, стряхивает с себя залежавшийся сор мелких страстей, души наполняются новыми мыслями, порывами, которыми обновляется жизнь всей страны, перестраивается заново. И подлинно, как в начале войны охвачены были едва ли не все, от мала до велика, жаждою подвига, всяких жертв, трудов на благо Отечества! „Всё для войны!“ – слышалось отовсюду. Сколько было юных добровольцев, шедших защищать Отечество! Сколько юных подвижниц в лазаретах, отдававших дни и ночи уходу за ранеными совершенно бескорыстно! Сколько трудов проявило общество во всех учреждениях, школах, чтобы применить свои силы и способности на благо Отечества! Как наполнялись храмы! Как дни и ночи шли туда, забывая о веселье в домах и на улицах! Как же было не надеяться на обновление страны, видя всё это! Как не проникаться радостными надеждами!

Но, к сожалению, так кратковременны были все эти порывы! Как постоянно меняются моды, так и эти порывы скоро же стали сменяться совсем иными. Как эти порывы теперь оскудели, охладели, иссякли! Как опять постепенно и неизменно стало втесняться в души людей „ветхое“ себялюбие и многие люди стали говорить про себя не „всё для войны!“ – а всё для собственного блага, в том числе для него же и война! Вместо подвига и труда для блага Отечества опять выступила древняя как мир жажда наслаждений: кинематографы и места увеселений самых низменных наполняются без меры, объявления газетные стали пестреть такими обещаниями, при чтении которых начинает казаться, что общество может находить удовольствия, лишь валяясь в самой зловонной грязи порока. Вместо прежних жертв, когда отдавались последние почти копейки, отказывались даже малые дети от некоторых блюд на обеде, только и слышим, как все стараются об усиленных окладах, об умножении денег для увеселений, нарядов, большей роскоши жизни, отдавая ради этого иногда и себя с самою совестью, душою и телом; так опять вместо обновления заявляет себя древняя, еще ветхозаветным мудрецом изображенная и обновившаяся разве в своей силе ненасытимостью, у которой две дочери: „давай! давай!“ (Притч. 30: 15). Где же обновление? Казалось, война обновит общество, и вот всюду еще большее духовное обветшание, и оттого конца войны доселе всё не видится. Заснула совесть беспробудным сном у этих суетно веселящихся, обогащающихся, и не могут их привести в чувство ни кроткие увещания словесные, ни громы обличений, ни страх тяжелых наказаний.

Не оттого ли это, что люди забыли источник самый, из которого обновляется их жизнь?.. Как постройка, обветшавшая с годами, становится всё неспособнее к возобновлению, всё в ней постоянно рушится, новым частям не к чему прочно прикрепиться, так точно как бы ветшает всё более без Христа и духовная жизнь человечества. Вымирает в душах как будто всё большей и большей части человечества живившее их христианство, хотя люди не признают того, думая, что всё идет вперед и обновляется. Когда им укажут на пустеющие храмы, они заявляют, что не по полноте храмов нужно судить о христианском настроении общества, а по делам христианской любви. Когда же спросят их, где же эти дела

Христовой любви, когда всюду лишь жажда себялюбивого веселья, обогащения и тому подобного, то начинают ссылаться на обветшавший строй, как будто строй этот – не последствие собственной их жизни, если разуместь жизнь духовную, последствие этой жажды веселия, обогащения, равнодушия к общественному благу, способных одинаково процветать при всяком строе.

Так мрак духовный огустел над землею, и с обновляющимися годами еще не видно зари истинного духовного обновления. Скорбь великая на земле, какой не было от начала, быть может, мира, как говорит Господь (Мф. 24: 21). Единственная надежда на то, что не всех покрыл этот духовный мрак, что не иссяк еще источник духовного обновления...»

21 января 1917 года последовал указ Синода об увольнении епископа Антонина на покой, а 28-го – о назначении на Владикавказскую кафедру епископа Макария (Павлова)²⁶.

«Поезд с вагоном, в коем находился его Преосвященство, Преосвященнейший Макарий, прибыл на станцию Владикавказ поздно ночью с 27-го на 28 февраля, – писали „Владикавказские епархиальные ведомости“. – Владыка вместе с сопровождавшими его лицами оставался в вагоне до утра, чтобы дать возможность своей пастве и духовенству приготовиться к достойной встрече своего архипастыря».

В кафедральном Михайло-Архангельском соборе, куда проследовал епископ Макарий на следующий день, его встречало всё духовенство во главе с временно управлявшим епархией епископом Фаддеем, который, обращаясь к новоназначенному архиерею, сказал: «Преосвященнейший Владыко! Задержанный бездорожьем, я имею честь приветствовать Вас по прибытии на место нового Вашего служения. Как пробывший здесь недолго, наблюдавший жизнь здешнего края лишь из небольшого угла его, частью же лишь из кабинета, при приеме приезжавших во Владикавказ из дальних мест края и разборе дел, я не могу сделать точного и подробного изображения духовной жизни местного края; это сделают представители здешней паствы, от которой естественнее всего Вам выслушать первое приветствие и собрать нужные сведения. Я считаю возможным высказать только самое общее впечатление от духовной жизни местного населения, какое сам вынес за краткое свое здесь пребывание.

Здесь не наблюдал я крепких преданий, на которых, как на прочных основах, покоилась бы духовная и церковная жизнь местной паствы, а кроме того, эти основы подтачиваются и расшатываются сектантством и иноверием; оттого в местной жизни немало духовной разрухи и одичалости. Эти горы, которыми

²⁶ Епископ Макарий (Павлов; 1867–1925). В 1901 году был хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. В 1909 году уволен на покой и назначен настоятелем Свяжского Успенско-Богородицкого монастыря. Во время его правления монастырь пришел в состояние духовной и материальной разрухи. В 1917 году он был назначен епископом Владикавказским и Моздокским. В 1919 году избран кандидатом в члены Высшего временного церковного управления на юго-востоке России во время гражданского управления этой территорией генералом А. И. Деникиным. В 1920 году привлечен Революционным трибуналом к суду, но был оправдан. В 1921 году вновь арестован и приговорен к пяти годам заключения, но был освобожден. В 1922 году, находясь в тесном контакте с ГПУ, перешел в обновленчество и возглавил духовенство Владикавказской епархии, большая часть которого присоединилась тогда к обновленцам. В 1923 году он был назначен «архиепископом» Пензенским и Саранским, членом обновленческого Священного Синода.

можно здесь любоваться, напоминают не только о восхождении „на гору Господню“ духовного совершенства во Христе, но и о горах духовного заблуждения и страстей, от которых гибнут многие души. Но, как и в горах, при углублении в недра их, можно найти скрытые там сокровища, так и я за кратковременное пребывание здесь нашел в душах здешнего народа и некоторые скрытые духовные сокровища – углубленную молитву, углубленное покаяние, жажду слышания слова Божия, от каковой томятся многие души, иные же, истомившись, падают и дичают. Здесь предстоит духовному делателю усиленный труд в поте лица, каковой совершает земледелец или добывающий из недр гор металлы...»

Пребывание епископа Фаддея во Владикавказе произвело неизгладимое впечатление на местную паству. Впоследствии православные Владикавказа слезно просили церковные власти взять от них епископа Макария и вернуть им епископа Фаддея, о котором они писали, что увидели в нем образ смиренного христианского пастыря, что он неустанно учил их значению христианского звания и тому, каким образом можно спастись через православную веру; это тем более важно для населения российской окраины, так как она изобилует сектами и население ее многонационально; здесь, кроме русских, живут грузины, осетины, армяне, поляки, евреи – и для всех них было поучительно и полезно слышать слово епископа Фаддея.

«Высокопреосвященнейший и досточтимый Владыка! Спешу поздравить Вас с близящимся праздником Христова Воскресения, – писал епископ Фаддей архиепископу Арсению 27 марта 1917 года. – Дни теперь смутные и темные и для Отечества, и для Святой Церкви, но Христова радость не может быть отнята тьмою мира сего, а потому молитвенно желаю „причаститься“ Пасхи священной».

С большими трудами добрался я 13-го марта до Житомира, остановившись на несколько дней (8–9) в Харькове. Провожали меня со многими сожалениями и слезами, и мне тяжело было отрываться как бы насильственно от паствы, духовно ко мне потянувшейся. Но воля Божия да будет.

В Житомире встретили меня довольно радушно, кроме некоторых хмурых „приятелей“. Понятно, и представители нового строя не могут считать нас заслуживающими чего-либо более ареста. Только вот опасность очутиться в плену у немцев при новом строе становится ближе и осязательнее».

17 мая 1917 года архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) подал в Синод прошение с просьбой дать ему месячный отпуск для посещения в Москве Всероссийского съезда духовенства и мирян, который планировался на начало июня, а также собрания выпускников Московской духовной академии 1892 года, планировавшегося на 14 июня; на время своего отсутствия он предполагал оставить епископа Владимиро-Волынского Фаддея. Разрешение было получено – и епископ Фаддей вступил во временное управление епархией.

В 1917 году, после падения абсолютистской монархии, Волынь попеременно оккупировалась то немцами, то поляками, то отрядами петлюровцев. В «трагический» 1917 год епископ Фаддей писал 23 декабря архиепископу Арсению: «С опозданием приветствую Вас, но от всей души со светло торжественным праздником Рождества Христова. Да дарует Господь светлость в период „власти тьмы“, от которой такой мрачной сделалась наша страна! Приветствую и с восхождением на высшую ступень славы или чести архиерейства.

Господь да помогает поборать за Святую Церковь „силою крепкою“ Его „десницы Владычни“!

Я под бременем управления революционной паствой почти бесменно с конца мая. Для нервной системы работа громадная. <...> В церкви, благодаря разбойникам, стало несколько меньше людей, но всё же существенного изменения нет. Духовные беседы продолжаю, равно „предпразднства“».

29 января 1920 года архиепископ Евлогий навсегда покинул захваченную большевиками Россию, и епископ Фаддей стал правящим архиереем Волынской епархии, ввергнутой тогда во все ужасы оккупации и междоусобицы. В это трудное время он, проявляя немалое мужество, духовно окормлял и нравственно поддерживал свою многотысячную паству. Для населения Житомира его пребывание на архиерейской кафедре стало большим утешением. В его лице жители города получили и бесстрашного защитника всех несправедливо преследовавшихся властями. Самому епископу пришлось испытать тогда много скорбей, особенно при петлюровцах, потребовавших, чтобы он вел с ними служебную переписку исключительно на украинском языке, от чего тот категорически отказался, несмотря на угрозы быть изгнанным из пределов Украины. Когда умер комендант города, петлюровцы угрозами принуждали епископа Фаддея принять участие в его погребении, но он отказался, так как отпевание проводилось самосвятами-автокефалистами, с которыми, как с учреждением неканоничным, он ни при каких обстоятельствах не желал вступать в отношения.

Когда петлюровцы стали учинять в городе беспорядки и убивать невинных, раздалось мужественное слово епископа, в котором он призвал бесчинствующих к миру и братской любви. По всему городу было расклеено воззвание епископа с призывом к властям сжалиться над людьми и пощадить невинных.

После захвата Волыни большевиками покинувшие ее петлюровцы планировали организовать на Украине повстанческое движение. Осенью 1921 года в Житомир прибыл один из руководителей петлюровского движения, назвавший себя полковником Алешиным. Он сообщил епископу Фаддею, что является представителем Петлюры и Савинкова и ведет борьбу против советской власти, что у них уже имеются сторонники и есть свои отряды.

7 ноября 1921 года чекисты приступили к уничтожению повстанческого движения на Волыни, в котором участвовало, по их сведениям, около полусотни человек. Один из арестованных рассказал, что посланный Петлюрой полковник заходил к епископу Фаддею. После его показаний епископ был арестован и 15 декабря допрошен. Епископ показал, что пришедший к нему человек действительно назвался полковником Алешиным и сказал: «Поскольку мы ведем борьбу с советской властью как верующие люди и для нас заповедь „возлюби ближнего своего, яко сам себе“, можно сказать, основа всего, то желательно было бы, чтобы вы и ваше духовенство приняли участие в этой борьбе». – «Я его остановил и сказал: „Никакого участия в повстанческом движении я не принимал и принимать не могу. И духовенство также не надо втягивать в политическую борьбу“. Он мне тогда предложил читать проповеди о любви к ближнему, на что я согласился, имея в виду чисто евангельские темы. Побеседовав со мной несколько минут, точнее не помню, он ушел от меня, куда, я не знаю. Больше я его не видел и о нем ничего от кого бы то ни было не слышал».

– Скажите, – спросил епископа следователь, – с кем приходил «полковник» и назвал ли он вам свою фамилию?

– Ко мне приходил и беседовал он один, возможно, что он и назвал свою фамилию, но я теперь не помню.

– Не вспоминается ли вам фамилия Ангел-Алешин?

– Ангел совсем не припоминается. Алешин, возможно, была его фамилия, что-то такое смутно припоминаю.

– Скажите, как это понять, что борьба ведется исключительно на религиозной основе? – спросил его следователь.

– В этом тот смысл, что, ведя повстанческую борьбу, деятели не отделяются от веры, – ответил епископ.

– Показывал ли вам Алешин какую-либо записку... и говорил ли что-нибудь от имени Петлюры или Савинкова?

– Представьте, что ничего не помню относительно записки, может она и была у него в руках, но видимо он передавал только общий смысл записки. Что же касается разговоров от имени петлюровско-савинковских организаций, то Алешин желал бы, чтобы духовенство выразило сочувствие их движению.

– Поставил ли вас в известность Алешин о том, что в их движении уже принимают участие некоторые священники, и назвал ли он вам их фамилии?

– Что вообще часть духовенства сочувствует идейно, безусловно, упоминал, но персонально фамилий не помню, называл ли.

После ареста епископа Фаддея православные города Житомира подали заявление в Волынскую губернскую ЧК с просьбой о его освобождении. «Епископ Фаддей много лет известен в городе Житомире, где нет храма, в котором бы он не богослужил и не проповедовал, – писали они. – Нам известна и его личная жизнь как молитвенника и пастыря. Никогда епископ Фаддей не вмешивался в политику, ничего не предпринимал против советской власти, ни к чему противозаконному никого и никогда не призывал.

Арест епископа Фаддея весьма тревожит всё православное население города и его окрестностей, каковое волнуется тем, что лишено возможности молиться со своим любимым архипастырем и пользоваться его духовным руководством.

Все мы ругаемся в том, что епископ Фаддей стоит вне политики, и просим освободить его из заключения под нашу ответственность».

Православными была избрана делегация из шести человек, которой было поручено вести переговоры с властями. Среди членов делегации, подписавшей ходатайство к властям, была занимавшаяся ранее на курсах, проводимых епископом для учителей школ, Вера Васильевна Трукс²⁷, ставшая впоследствии келейницей и ближайшей помощницей епископа Фаддея.

²⁷ Вера Васильевна Трукс родилась 14 февраля 1886 года в деревне Тамаровке Городнянского уезда Черниговской губернии. Отец ее был чех и работал у местного помещика объездчиком леса. Вера окончила двухклассное городское училище и выдержала экзамен, дававший ей право на преподавание в школе. В 1909 году Вера Васильевна слушала лекции на курсах для преподавателей школ, проходивших во Владимире-Волынске, на которых епископ Фаддей читал лекции по педагогике. Вера Васильевна познакомилась с ним, и впоследствии он поддерживал ее, а когда она тяжело заболела, выхлопотал ей отпуск в Крым для лечения. Часть денег на поездку была казенной, а недостающие епископ добавил от себя. С 1909-го по 1923 год она работала учительницей в сельских школах. Когда в 1921 году епископа Фаддея

19 января 1922 года в газете «Волынский пролетарий» была опубликована статья, в которой говорилось, что ЧК раскрыла повстанческую организацию, связанную с автокефальным духовенством, одним из представителей которого будто бы является Волынский епископ Фаддей.

Статья эта возмутила верующих своей крайней лживостью, и они направили 23 января в политотдел Всеукраинской Чрезвычайной комиссии заявление, которое подписали многие жители Житомира.

«Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом обратить внимание Правительственной власти, – писали они, – на следующие общеизвестные в Житомире обстоятельства: образовавшаяся недавно так называемая „автокефальная украинская православная церковь“, не признающая власти патриарха Всероссийского и притом возглавляемая в лице митрополита личностью, лишенную законной епископской властью священнического сана, является учреждением не только антиканоническим, но явно еретическим; поэтому истинно-православная Апостольская Церковь Христова, а следовательно и волынский ее представитель – епископ Фаддей, не могут ни при каких решительно обстоятельствах входить в какое бы ни было общение с автокефалистами под опасением отлучения от Церкви.

Епископ Фаддей всегда совершенно ясно и определенно при всяком удобном случае на словах и письменно, не стесняясь, выражал несочувствие свое как петлюровским идеям и планам, так и еретической автокефальной церкви; это нескрываемое отрицательное отношение Преосвященного Фаддея к петлюровщине во всех ее видах и подробностях являлось для него источником многих притеснений и неприятностей со стороны петлюровцев. <...>

Таким образом, невольно возникает мысль, что обвинение епископа Фаддея могло явиться результатом или прискорбного недоразумения, или же извета каких-нибудь недоброжелателей. Будучи уверены в отсутствии у подлежащей власти какой бы то ни было предвзятой тенденции, направленной к обвинению во что бы то ни стало епископа Фаддея, мы полагаем, что, ввиду высокого иерархического положения предстоятеля Волынской церкви и той глубокой любви, которою он пользуется среди православных народных масс, Правительство не может быть не заинтересовано правильной юридической постановкой настоящего дела, которая исключала бы всякую возможность неудовольствия и нареканий со стороны народа.

Поэтому мы считаем себя нравственно обязанными ходатайствовать о предании епископа Фаддея гласному суду Ревтрибунала с представлением подсудимому права пригласить установленным законом защитника-юриста и вызова указанных епископом свидетелей, необходимых для всестороннего выяснения всех обстоятельств дела и постановления вполне справедливого, юридически обоснованного решения».

арестовали, Вера Васильевна вместе с прихожанами усиленно хлопотала о его освобождении. После его освобождения в 1923 году, памятуя всё, чем она была ему обязана, Вера Васильевна решила, что пора и ей отдать долг, тем более что, вернувшись из ссылки, архиепископ остро нуждался в помощи. Приехав в Москву в 1923 году, она просила священника Сергия Мечева и патриарха Тихона благословить ее быть келейницей у архиепископа Фаддея. Благословляя ее, патриарх сказал: «Много скорбей понесешь».

Однако власти не освободили епископа Фаддея, не стали они устраивать и гласного суда, а вместо этого в сопровождении сотрудника ГПУ отправили его в Харьков.

В дневнике об этом эпизоде своей жизни епископ Фаддей написал: «После тяжелой ночи на 17 декабря²⁸ лишь охота есть и спать... Господь всё же ослабил томление и печаль немного. Готовят меня к отъезду. 17 декабря прощальные записки от паствы... Был Преосвященный Аверкий²⁹. Говорил, что вопрос о Харькове преждевременный, что не исключена возможность решения моего дела здесь... Владыка Аверкий хочет ехать на Собор в Киев. Дал бы Бог, чтобы атмосфера мрака разрядилась. 19-го вечером не принесли чаю: искушение немалое, потому что и воды в тюрьме почти никак не достать... вскипятил чай из сырой воды, оставшейся от утреннего умывания, благо печка затоплена с меньшими усилиями. Илию и врана приходится вспоминать. 20-е – день открытия Собора, а я в узилище. И физическим трудом приходится заниматься: щепать дрова, чтобы можно было жечь легче... Иногда это помогает от холода... и... для бодрости духа бесполезно. А то ведь и унынию так легко приблизиться к душе.

Два дня уже потеплее. 21-го был Преосвященный Аверкий, который должен завтра ехать на Собор. Сказал, что мое дело, видимо, пока без перемены, прибавив, что, должно быть, скоро освободят. О, дабы возвратил мне Господь молитву церковную со паствою к празднику. Преподобному Дамаскину³⁰ Божия Мать разрешила отверсть уста для хвалы Владычице и руку отсеченную врачевала. Хотя бы к Сретению „Ныне отпускаеши...“ воспеть...

24 декабря опять стало холодно. Затопил печку утром благополучно, тем более что с чаем замедлили... но принесли. Искушений много! И томь души посещает: когда, Господи, конец? Ибо иногда напасти сверх сил. Господи, облегчи, дай потерпеть до конца, сократи по милости Твоей! 24-го новое искушение: взяли лампу и всё не возвращают. Но, слава Богу, наши принесли свою.

27-го был отец-протоиерей [Николай] Бурчак-Абрамович с епархиальными делами. Сопровождающий сказал, что мое дело скоро окончится... Боже! защити!..

29-е... объявили, что сегодня меня увезут в Харьков и как будто не дадут проститься ни теперь, ни после... Весть потрясла кости! Нужно принять от руки Божией... но как вынести всё?.. Как паства?.. Вагон не могли сдвинуть с места и прицепить; мы остались до вечера 30-го... когда двинулся поезд. Опять бессонная ночь, страдания души за себя и паству малую. Но Бог дал днем видеть и говорить со всеми... Но как тяжело смотреть на их печаль, усиленную томительной неизвестностью! Вечером приходили еще... но не пустили, едва позволил Шаров³¹ принять принесенное...

²⁸ Даты в дневниковых записях даны по старому стилю.

²⁹ Аверкий (Кедров; 1879–1937), епископ Острожский, викарий Волынской епархии, после ареста епископа Фаддея – Волынский.

³⁰ Епископ Фаддей с особенной ревностью читил этого святого, часто молился ему и был почитателем тех несравненных сокровищ церковной гимнографии, которые были созданы этим святым подвижником. Как и за преподобного Иоанна Дамаскина, Мать Божия в трудную минуту Сама вступилась за терпящего унижение архипастыря.

³¹ Николай Давыдович Шаров (настоящая фамилия Шавер) (1897–1939). Слесарь на арматурном заводе в Петрограде. С 1917 года – красногвардеец. В 1919 году – председатель Ялтинской уездной ЧК. С 1920 года – заместитель председателя Волынской

В Киев приехали поздно... Как томительна праздность! И при том в постный день столько хлопот с чаем! Как трудно читать и службы, потому что мысли не собрать, тем более при постоянных разговорах людей новых!.. В субботу вечером засветло (должно быть, около пяти часов) 5 января приехали в Харьков без особых приключений... Меня оставили пока в вагоне. Харьковскому архиерею посылал, но ответа не было. Томительнее всё на душе: завтра, 7-го, ожидание допроса. Господи, изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему хотя в Москве! Разрешити узы!.. Истомилась душа!.. В руку Твоею жребии мои!..»

Сопровождавший арестованного епископа заместитель председателя Волынской ЧК Шаров, понимая, насколько обвинения против того неубедительны, 19 февраля выступил с предложением, написав: «Епископ Фаддей, как высшее духовное лицо в Волыни и действовавший, безусловно, во вред советской власти, ни в коем случае не может быть возвращен на Волынь. Со своей стороны, считал бы его политически неблагонадежным; как находящегося на Волыни более пятнадцати лет и пользующегося большим авторитетом среди местного населения, выслать из пределов Украины в распоряжение высшего духовенства РСФСР под негласное наблюдение местных органов ЧК».

23 февраля начальник 5-го и 6-го отделений политотдела Волынской ЧК Соколовский допросил епископа Фаддея. Отвечая на вопрос о посещавшем его представителе петлюровского движения, епископ сказал:

– Осенью 1921 года, как-то раз в субботу после всенощной, зашел ко мне проситель, которого я раньше никогда не видел и не знал... Я говорил с ним несколько минут; когда стало выясняться, что он ведет борьбу с советской властью, то я решительно объявил ему, что никакого участия в движении Церковь принять не может, что сам я стою вне политики, тем более вне петлюровского движения, о котором было упомянуто в беседе, так как украинские власти всегда меня теснили как великоросса.

– После этого свидания видели ли вы еще раз это лицо? – спросил следователь.

– Нет, больше я его не видел, я только из допроса узнал, что он на следующий день заходил в собор.

25 февраля дело епископа было рассмотрено Всеукраинской чрезвычайной комиссией и постановлено: «Выслать епископа Фаддея в распоряжение патриарха Тихона с правом жительства только в одной из центральных северных губерний РСФСР и Западной Сибири со взятием подписки о регистрации в органах ЧК (или политуправлений)».

9 марта 1922 года епископ Фаддей был освобожден из Харьковской тюрьмы и на следующий день выехал в Москву. По прибытии в Москву он сразу же направился к патриарху Тихону. Рассказав об обстоятельствах своего «дела» и о том, что его выслали из Украины и вряд ли допустят обратно, он просил патриарха определить его на кафедру в один из приволжских городов, поскольку сам он родился на Волге.

В это время вдовствующей была Астраханская кафедра. 23 июня 1919 года в Астрахани были расстреляны большевиками архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский)³² и викарный епископ Леонтий (Вимпфен). 21

ГубЧК. С 1935 года – начальник УНКВД по Киевской области, с 1938-го – по Сталинградской области. В 1938 году арестован, в 1939-м – расстрелян.

³² Священномученик Митрофан (Краснопольский; 1869–1919), архиепископ Астраханский; память 23 июня/6 июля.

сентября 1919 года архимандрит Анатолий (Соколов) был хиротонисан во епископа Енотаевского, викария Астраханской епархии, и ему было поручено временное управление епархией. Патриарх Тихон возвел епископа Фаддея в сан архиепископа и благословил ехать в Астрахань, назначив его на Астраханскую кафедру.

13 марта архиепископ Фаддей получил в Патриархии документ о назначении и на следующий день направился в ГПУ на Большую Лубянку, чтобы зарегистрировать свой отъезд из Москвы. Здесь ему приказали не выезжать из Москвы, пока его дело не прибудет из Харькова и не будет рассмотрено Московским ГПУ.

Жил в это время архиепископ в частной квартире у своих духовных детей. Узнав, что отъезд его затягивается на неопределенное время, и предполагая, что дело может закончиться новым арестом и неприятностям могут подвергнуться люди, его приютившие, он переехал на Валаамское подворье. В конце мая архиепископ Фаддей отправил прошение в Московский отдел ГПУ. «По справкам, до настоящего времени из Харькова дело не поступало и, может быть, не поступит, потому что дело мое, как уже решенное в Харькове окончательно, там и будет оставаться, – писал он. – В Харькове мне говорили, когда я давал подписку, что выеду в Москву, чтобы я не задерживался в Москве и по регистрации ехал бы к месту назначения. Я и готов был, но ввиду подписки, здесь взятой, доселе не могу. Поэтому прошу снять с меня подписку и разрешить выехать в Астрахань, тем более что здесь я очень затрудняюсь в средствах к существованию». Однако ГПУ продолжало под разными предлогами препятствовать его отъезду.

В это время власти арестовали викария Астраханской епархии епископа Енотаевского Анатолия³³. Оказавшись в тюрьме, он стал активно сотрудничать с ГПУ, был вскоре освобожден и возглавил обновленцев, организовав гонение на православных, отбирая у них при содействии властей лучшие храмы. Если раньше он говорил в своих проповедях об архиепископе Фаддее как о подвижнике, то теперь публично характеризовал его «тихоновцем» и «контрреволюционером».

***«В гонения страждущия утешал еси, глаголя: не унывайте,
Христос бо с нами есть...»***

Вынужденно оказавшись в Москве, архиепископ Фаддей стал принимать участие в работе Священного Синода. В это время им и митрополитами Ярославским Агафангелом (Преображенским) и Казанским Кириллом

³³ Епископ Анатолий (Соколов; 1865–1942). В 1904 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1914 году принял монашество, в 1915 году был рукоположен во иеромонаха и возведен в сан архимандрита. В 1917 году – ректор Литовской духовной семинарии. В 1919-м – хиротонисан во епископа Енотаевского, викария Астраханской епархии, и назначен временно управляющим епархией. В 1922-м – был арестован и после согласия сотрудничать с органами ГПУ освобожден и возглавил обновленцев в Астрахани. Член Всероссийского обновленческого Синода и обновленческого Поместного собора 1925 года. В 1927-м – «митрополит» Таврический и Симферопольский. В 1929-м – «митрополит» Артемовский и Донецкий. В 1936-м – «митрополит» Костромской и Галичский. С сентября 1937 года по завершении всех поручений, возлагавшихся на него НКВД, на покое. Скончался в 1942 году в Костроме.

(Смирновым)³⁴ был составлен документ, в котором давались ответы на насущные вопросы православных, касающиеся обновленцев. В документе они советовали в соответствии с апостольским преданием и церковными правилами прервать с обновленцами всякое церковное общение.

«„Живая Церковь“ – это церковь воров и разбойников, – писали они. – Стоящие у власти в ней перелезли через ограду. А всякий, кто вошел в Церковь не дверь, тот, по словам Христа, вор и разбойник (Ин. 10: 1). Таковы Введенский, Красницкий, Белков и другие, стоящие с ними у власти церковной. Они – церковь инквизиторов, ибо властители ее управляют не словом любви и убеждения, а террором и насилием. Справедливо и законно митрополит Вениамин отлучил от Церкви Введенского, Красницкого, Белкова и всех, кто имеет духовное общение с ними. Это, по 32-му апостольскому правилу, никто, кроме митрополита Вениамина, снять с них права не имеет, даже Собор, намеченный ВЦУ, так как это не Собор, а сборище бунтовщиков. Православные, кто поет в „Живой Церкви“, тот, по правилам апостольским, отлучается от Церкви Божией и, по словам Христа Бога, делается как язычник и мытарь (Мф. 18: 17). Если никто не пойдет туда, где служат живоцерковники, то их дело, как богомерзкое, само собой погибнет. Будем же неизменно послушными сынами и дочерьми Церкви, и Господь дарует нам Царство Небесное».

В марте 1922 года усилилось гонение на Православную Церковь – большевики приступили к изъятию церковных ценностей, намереваясь спровоцировать верующих на конфликт, чтобы чрезвычайностью репрессий запугать их затем на многие годы.

19 мая руководимые сотрудниками ГПУ обновленцы захватили патриаршую резиденцию на Троицком подворье в Москве. Патриарх Тихон переехал в Донской монастырь и вскоре был арестован. Управление Российской Православной Церковью патриарх передал митрополиту Ярославскому Агафангелу. Лишенный гражданской властью возможности переехать для управления Церковью в Москву, митрополит выпустил к пастве воззвание. Два экземпляра были переданы им в Москву через ехавшего туда священника, один из них – архиепископу Фаддею. Воззвание митрополита Агафангела было затем нелегально отпечатано в типографии и расклеено на стенах московских храмов. ГПУ не удалось отыскать ни типографию, в которой оно было отпечатано, ни тех, кто распространил его по Москве.

Это было время, когда по делу об изъятии церковных ценностей уже были расстреляны священники в Иваново-Вознесенске и Москве, навис смертный приговор над митрополитом Петроградским Вениамином и широко шли аресты духовенства и верующих во многих городах советской России. Ожидая с часу на час ареста, архиепископ Фаддей передал оригинал текста возвания иподиакону Николаю Давыдову; тот отнес его на хранение к знакомым, а впоследствии, когда узнал, что архиепископ Фаддей арестован, сжег.

Служил архиепископ в Москве большей частью в храме преподобных Сергия и Германа Валаамских на подворье Валаамского монастыря. Он часто здесь проповедовал, причем по обыкновению очень тщательно готовился к проповедям, стараясь, чтобы всё в них было точно, образно и доходчиво, чтобы

³⁴ Священномученик Кирилл (Смирнов; 1863–1937), митрополит Казанский; память 7/20 ноября.

каждое слово исходило от сердца, имело основанием личный опыт, было растворено благодатью.

Готовясь к проповеди на день празднования памяти преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, он написал: «С именем Валаама соединяется представление о местах сурово-молчаливого, но и величественно-прекрасного духовного подвижничества. Самая природа Валаама находится как бы в соответствии с такими чертами подвижничества его иноков. Суровые скалы острова, поросшие лесом, хранящим какое-то задумчиво-глубокое, даже кажущееся мрачным молчание. Озеро с сильными и жестокими по временам бурями. Суровая вообще северная природа. Но в то же время горы и холмы острова расположены так красиво, так живописно покрыты зеленой хвоей деревьев. Воды озера так прозрачны и отражают величественные камни берегов, лес, небо. Воздух чист и в свое время исполнен благоуханием от цветов, растущих на острове. Всё это сообщает суровой природе своеобразную величественную красоту. Так и жизнь духовная иноков валаамских исполнена суровых подвигов: молитвы, поста, бдения, разнообразного труда при безмолвии для мира, внутреннем самоуглублении, внимании совести. Конечно, это безмолвие не означает, что всё в духовной жизни тихо и спокойно: бывают и бури от волнения страстей и борьбы с ними, каковую еще усиленнее, люте старается поднять враг спасения у безмолвствующих, чем у живущих в миру. Как сильный ветер на острове вырывает иногда с корнем деревья, так среди борьбы страстей гибнут иногда насаждения духовные. Как волнение на озере бывает очень бурным и опасным для пловцов, так и волнения в жизни духовной. Но волны, ударяясь о скалы, бессильно разбиваются, расходятся, постепенно улегаются; то же бывает с волнами страстей, разбивающихся о духовную твердость подвижника. Как зеркально чистые воды после волнения снова отражают небо, так, когда стихнет волнение страстей в душе подвижника, она начинает отражать красоту небесной жизни. Успокаивается волнение, и тихий голос совести слышится тем яснее в душе безмолвников, что не заглушается вечным шумом мирских страстей.

Все эти проявления духовной жизни, находящие полное соответствие в самой природе Валаама, изображаются и в песнях церковных в честь преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. „От мирския молвы бегающе, безмолвия и благочестия рачители, в тихое пристанище Валаама от востока приидосте, и в нем Евангельски Христу добродетельми последовавше, на верх совершенства востекли есте“. И не только для себя самих достигли преподобные таких великих плодов своего подвижничества, а и для всей окружающей страны. Язычество с его плодами удалилось с острова, процвело христианство с прекрасными рассадниками духовной жизни – обителью Валаамскою, ее скитами и другими обителями.

Но поспешим к собственным душам, чтобы от величественного, прекрасного духовного зрелища что-либо собрать в свои души и унести в собственную жизнь. „От мирския молвы бегающе“ – говорится о преподобных, а мы в этой суете постоянно живем и погружены в нее всем существом своим; безмолвие, уединение, хотя краткое, многих крайне тяготит. Иногда, правда, душа утомится от этой суеты и ищет уединения, но и там большей частью изменяется лишь место и обстановка, а в душе суета продолжается, лишь одна суета заменяется другой, тяжкая, томительная – приятной, но иногда еще более вредной. Мы не можем уйти от мира сего с его суетой: последний входит в наши глаза, уши и все чувства, хотим мы того или не хотим; так человек, живущий в обществе людей злых,

развращенных, по принуждению, волей-неволей видит, слышит всё, что делается, уйти же не может. Остается человеку, вращающемуся в суете мирской, устраивать самому для себя искусственное уединение: пользоваться случаями, когда остается человек один, нарочно уходить на время от окружающего шума и суеты, если же этого нельзя, то сосредоточивать ум, движения и волю на том, что действительно нужно для жизни духовной. Пусть не бежит человек уединения как унылой, подавляющей, безжизненной пустоты – и в пустыне есть жизнь. Нужно сосредоточиваться во время уединения на том, что внушает совесть, на внутренней молитве, хотя бы краткой, помогающей поддерживать всегдашнюю сердечную память о Боге, к Нему обращать постоянно духовные очи, в Нем полагать главное сокровище своего сердца (Мф. 6: 20). Неужели же человеку так невыносимо скучно остаться с самим собою, неужели совсем не о чем побеседовать с душой своею, с Богом в молитве? Когда начнет человек сосредоточивать свои помышления и жизнь сердца более всего около Бога, то шум и бури страстей житейских не будут очень опасны и вредны, они будут разбиваться о камень духовной твердости, какая в душе бывает постольку, поскольку утверждается душа на Христе, непоколебимом камне. Тогда душа находит себе покой, поскольку приходит к Тому, Кто зовет к Себе труждающихся и обремененных, обещая дать им покой (Мф. 11: 28–29)».

Архиепископ Фаддей был арестован в самый день праздника преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, 11 июля 1922 года. ГПУ обвинило его в распространении воззвания митрополита Ярославского Агафангела. Он эти обвинения категорически отверг.

14 июля сотрудник 6-го отделения Секретного отдела ГПУ В. В. Морев допросил его. Отвечая на вопросы следователя, архиепископ Фаддей написал: «Скрыть послание, о котором меня стали верующие спрашивать, я не мог, потому что всё равно стали спрашивать, что пишет митрополит Агафангел; прочитав послание, я не усмотрел в нем чего-либо контрреволюционного, так как обсуждается вопрос о каноничности церковного правления, власти же напоминает повиноваться по заповеди Божией».

24 августа сотрудница 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Малинина в составленном ею обвинительном заключении написала, что архиепископ Фаддей «...распространением нелегально изданных посланий митрополита Агафангела проявил враждебное отношение к советской власти и, принимая во внимание его административную высылку из пределов УССР за контрреволюционную деятельность», она предлагает выслать его на один год в Зырянскую область.

Рассматривавшие дело архиепископа Фаддея сотрудники Секретного отдела ГПУ Тучков³⁵, Андреева³⁶ и Дерибас³⁷ с этим предложением согласились. 4

³⁵ Тучков Евгений Александрович (1892–1957). С 1918 года – сотрудник Иваново-Вознесенской ЧК. В 1919 году – начальник отряда особого назначения в городе Уфе. С 1922 года – заместитель, затем начальник 6-го Секретного отдела ГПУ. Специализировался на арестах духовенства. В 1923 году награжден пистолетом «Маузер» и званием «Почетный чекист». С 1931 года – начальник 3-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ. С 1932 года – заместитель полномочного представителя ОГПУ по Уралу. С 1939 года – заместитель особоуполномоченного НКВД СССР. В 1939 году уволен из органов НКВД «за невозможностью дальнейшего использования». С 1941 года – ответственный секретарь совета Союза воинствующих безбожников.

сентября 1922 года существовавший среди прочих в то время такой внесудебный орган, как Коллегия ГПУ, приговорила архиепископа Фаддея к одному году ссылки в Зырянскую область. Из Москвы архиепископ Фаддей вместе с митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым) был отправлен в промежуточный пересыльный пункт – во Владимирскую тюрьму.

Митрополит Кирилл так вспоминал об этом периоде: «Поместили в большую камеру вместе с ворами. Свободных коек нет, нужно располагаться на полу, и мы поместились в углу. Страшная тюремная обстановка среди воров и убийц подействовала на меня удручающе... Владыка Фаддей, напротив, был спокоен и, сидя в своем углу на полу, всё время о чем-то думал, а по ночам молился. Как-то ночью, когда все спали, а я сидел в тоске и отчаянии, владыка взял меня за руку и сказал: „Для нас настало настоящее христианское время: не печаль, а радость должна наполнять наши души. Сейчас наши души должны открыться для подвига и жертв. Не унывайте, Христос ведь с нами“.

Моя рука была в его руке, и я почувствовал, как будто по моей руке бежит какой-то огненный поток. В какую-то минуту во мне изменилось всё, я забыл о своей участи, на душе стало спокойно и радостно. Я дважды поцеловал его руку, благодаря Бога за дар утешения, которым владел этот праведник».

Передачи в тюрьму архиепископу Фаддею отправляла Вера Васильевна Трукс, и он отдавал их старосте камеры, а тот уже делил на всех. Но однажды, когда «поступила обычная передача, – вспоминал митрополит Кирилл, – владыка отделил от нее небольшую часть и положил под подушку, а остальное передал старосте. Я увидел это и осторожно намекнул владыке, что, дескать, он сделал для себя запас. „Нет, нет, не для себя. Сегодня придет к нам наш брат, его нужно покормить, а возьмут ли его сегодня на довольствие?“ – сказал архиепископ Фаддей.

Вечером привели в камеру епископа Ковровского Афанасия (Сахарова)³⁸, и владыка Фаддей дал ему поесть из запаса. Я был ошеломлен предсказанием и рассказал о нем новичку».

Не только продукты раздавал владыка в тюрьме, но и всё, что получал из вещей. Епископу Афанасию он отдал подушку, а сам спал, положив под голову руку. Одному из заключенных архиепископ отдал свои сапоги, сам оставшись в шерстяных носках. Предстоял этап. С воли передали ему большие рабочие ботинки со шнурками. На этапе, неподалеку от Усть-Сысольска, у него развязался шнурок на ботинке, и он остановился и, пока управлялся со шнурком, немного отстал. И тогда конвоир изо всей силы ударил архиепископа кулаком по спине

³⁶ Андреева (Горбунова) Александра Азарьевна (1888–1951). С 1921 года помощник начальника Секретного отделения ВЧК–ГПУ–ОГПУ. В 1938 году была арестована и приговорена к 15 годам заключения в концлагерь. Скончалась в заключении.

³⁷ Дерibas Терентий Дмитриевич (1883–1938), комиссар государственной безопасности 1-го ранга. Один из руководителей ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. В 1920 году – руководитель массовых расстрелов офицеров, казаков и других «классовых врагов» в Павлодаре и Троицке. С 1923 года – начальник Секретного отдела ГПУ–ОГПУ. С 1927 года – первый помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ. С 1929 года – полномочный представитель ОГПУ на Дальнем Востоке. С 1933 года – начальник концлагеря, занимавшегося строительством Байкало-Амурской магистрали. В 1934 году – начальник УНКВД Дальнего Востока. В 1937 году арестован и в 1938 году расстрелян.

³⁸ Священноисповедник Афанасий (Сахаров; 1887–1962), епископ Ковровский; память 15/28 октября.

так, что тот упал, а когда поднялся, то лишь с большим трудом смог догнать идущую впереди партию ссыльных.

В Вологде заключенным пришлось пережить тяжелую сцену становившейся уже к этому времени будничной, почти привычной жестокости. Этап прибыл в Вологду в начале декабря. Заключенных стали выгружать из вагонов, и один из заключенных бежал. Начались поиски, беглец вскоре был найден. Во всё время поисков заключенные стояли на морозе у железнодорожных путей. Когда беглец был пойман, всех построили в колонну и в сопровождении охранников с овчарками повели в тюрьму, располагавшуюся на окраине города. В тюремном дворе их выстроили в две шеренги. «В передней шеренге, прямо передо мной, стоял совсем „неотмирный“ в черной дорожной скуфейке архиепископ Астраханский Фаддей», – вспоминал Сергей Фудель. Беглеца вывели во двор и, поставив перед заключенными, «в назидание» всем, чтобы никто из них не вздумал бежать, стали бить шомполами. Вскоре он упал, и его отправили в больницу.

В ссылке архиепископ Фаддей жил на окраине Усть-Сысольска, в котором власти поселили митрополита Казанского Кирилла (Смирнова), назначенного патриархом Тихоном кандидатом в Местоблюстители, и епископов Звенигородского Николая (Добронравова)³⁹, Новоторжского Феофила (Богоявленского), Петергофского Николая (Ярушевича), Кинешемского Василия (Преображенского) и Ковровского Афанасия (Сахарова).

Храм в городе был захвачен обновленцами, и ссыльные туда не ходили, но службы совершались довольно часто в доме, где жил епископ Афанасий. На них присутствовали только ссыльные. Архиепископ Фаддей во время богослужений пел и читал.

Летом 1923 года срок ссылки закончился, и архиепископ Фаддей выехал в Волоколамск, где поселился в частном доме на окраине города, а служить ездил в московские храмы.

Осенью 1923 года приходской совет при Успенском кафедральном соборе, состоявший из представителей всех православных приходов города Астрахани, направил патриарху Тихону прошение, в котором подробно описал положение православных в епархии: «В последние годы Астраханская епархия находилась под управлением викарного епископа Анатолия, который в августе месяце прошлого года вступил, по его словам, по тактическим соображениям в группу „Живая Церковь“ и образовал при себе управление из принадлежащих к той же группе живоцерковников, – писали астраханцы. – Большая часть духовенства города Астрахани и епархии не признала группу „Живая Церковь“ и не подчинялась распоряжениям этого епархиального управления, хотя и не прерывала канонического общения с епископом Анатолием, так как он на словах не сочувствовал названной группе и не отказывался, когда изменяются обстоятельства, выйти из ее состава. Но когда 10 июня сего года общегородское собрание духовенства и мирян города Астрахани после категорического требования епархиального управления и епископа под угрозой всевозможных репрессий немедленно признать Собор 1923 года и Высший Церковный Совет единодушно постановило не считать Собор 1923 года каноничным, не признавать его постановлений и не подчиняться Высшему Церковному Совету, то епископ

³⁹ Священномученик Николай (Добронравов; 1861–1937), архиепископ Владимирский; память 27 ноября/10 декабря.

Анатолий, несмотря на двукратное приглашение, не только не явился на это собрание, но решительно отказался присоединиться к постановлению собрания и заявил посланной к нему делегации, что он считает это собрание бунтарским против Собора. Тогда собрание тотчас же единогласно постановило считать его отпавшим от Православной Российской Церкви, прервать с ним каноническое общение, не считать его иерархическим главой своих общин и немедленно вступить в каноническое общение с другим православным епископом. Но епископ Анатолий тотчас же после собрания запретил большинство астраханского духовенства в священнослужении, а на днях одиннадцать священнослужителей получили извещения от Епархиального управления, что постановлением Высшего Церковного Совета они лишены священного сана с признанием их пребывания в Астраханской епархии вредным и с назначением местопребывания в Веркольском монастыре Архангельской епархии. Не признавая такое постановление законным и обязательным для себя и не подчиняясь ему, духовенство и миряне города Астрахани и епархии, остающиеся верными исконному православию и Российской Церкви, сыновне и почтительнейше просят Ваше Святейшество возглавить Астраханскую епархию истинно православным епископом, чтобы под его архипастырским водительством разъединенное православное население могло соединиться во едино стадо Христово и твердо стоять на страже истинного православия».

Патриарх Тихон внимательно прочитал это прошение. Слова «не признавая такое постановление законным и обязательным для себя и не подчиняясь ему» подчеркнул и написал резолюцию: «Постановления незаконны». Просьбу астраханцев «возглавить Астраханскую епархию истинно православным епископом» также подчеркнул и написал: «Архиепископом Астраханским... Фаддея».

В конце ноября к архиепископу выехали из Астрахани посланцы: ключарь Успенского собора протоиерей Димитрий Стефановский и настоятель Воздвиженской церкви протоиерей Василий Смирнов.

«Приехали в Волоколамск поздно вечером, отыскивали дом, где жил владыка. Это была большая рубленая крестьянская изба на окраине города, – вспоминал отец Димитрий. – Внутри дом имел три перегородки, за одной из перегородок жил владыка. В комнате стояла железная кровать, у окна – стол. Единственный стул предназначался владыке, а для гостей принесли две табуретки. Владыка принял нас не то что любезно, а как-то по-монашески кротко. Говорил он тихо и мало. Мы рассказали ему о положении епархиальных дел, о трудностях, переживаемых епархией, об обновленцах. Нас поразила общая скудость обстановки и его бедная одежда, но зато привели в восторг аскетическая внешность, застенчивость и какая-то детская робость. Когда в конце беседы мы положили перед ним пакет с деньгами на предстоящие расходы по поездке в Астрахань, владыка густо покраснел, смутился и, отодвигая от себя пакет, сказал: „Что вы, что вы, зачем же деньги, нет, нет, не надо, я приеду, приеду“.

Нам стало неловко, как будто мы сделали что-то очень непристойное или обидное».

После чая, поданного монахом Валаамского монастыря Халевом⁴⁰, келейником архиепископа, священники собрались уходить. При прощании владыка сказал, чтобы они ехали домой одни, его не дожидались, и подчеркнул,

⁴⁰ Через некоторое время он отпросился у архиепископа в отпуск и не вернулся.

чтобы о его приезде не оповещали и не устраивали каких-либо встреч или церемоний. «Вышли мы от него, – рассказывал почтенный ключарь, – и кое-как уговорили келейника взять пакет с деньгами, он долго отказывался и, наконец, взял».

30 ноября 1923 года под председательством патриарха Тихона состоялось заседание Священного Синода. Рассмотрев прошение астраханцев, Синод постановил: «Предложить Высокопреосвященному Фаддею немедля выбыть из Москвы к месту своего служения».

20 декабря архиепископ выехал в Астрахань. Одет он был в старенькую порыжевшую рясу, с небольшим потрепанным саквояжем в руках и узелком, где лежали зеленая жестяная кружка и съестной припас, к которому он в течение всей дороги не притронулся. Всю дорогу архиепископ Фаддей или читал, поднимая по близорукости книгу к глазам, или молился, или дремал. Попутчиком его оказался астраханец Аркадий Ильич Кузнецов.

На остановке в городе Козлове к ним добавился еще один пассажир – человек лет двадцати в военной форме и с рюкзаком за плечами. Он был невообразимо пьян и всю дорогу отчаянно сквернословил. Сначала он ругал плохую погоду, после чего перешел на железнодорожную администрацию, а затем, разглядев, что один из его попутчиков является духовным лицом, обрушил грязную брань на архиепископа. Долго он так бушевал и, наконец, уснул. Проснувшись рано утром, он толчком в спину разбудил Аркадия Ильича и потребовал, чтобы тот к нему присоединился пить водку. Резким движением Аркадий Ильич отстранил его, и тогда тот подсел к архиепископу и начал толкать его в бок. Архиепископ Фаддей мягко отвел его руку и попросил оставить в покое. В ответ тот разразился площадной руганью, а затем, схватив архиепископа за руку, с криками «расшибу», «уничтожу» набросился на него. Тогда Аркадий Ильич взял его за плечи и оттолкнул. На шум собрались пассажиры из соседних купе и общими усилиями утихомирили буяна, а затем сотрудники милиции выпроводили его на одной из ближайших станций из поезда.

При подъезде к Астрахани все явственно услышали колокольный звон. И лишь только поезд остановился, как купе заполнилось встречавшим архиепископа духовенством. Священники подходили к нему под благословение, искали глазами багаж и с удивлением обнаруживали, что никакого багажа у архиепископа не было.

Архиепископ Фаддей смутился от излишней, по его мнению, торжественности встречи, а выйдя на перрон, смутился еще больше, увидев встречающих, а чуть позже – на вокзальной площади – множество людей. Перед зданием вокзала архиепископа ожидала пролетка, но она не смогла проехать через толпу, и он в окружении людей пошел пешком. Расстояние до Воздвиженской церкви, где архиепископ предполагал служить, было небольшим, но потребовалось около двух часов, чтобы до нее дойти. Моросил мелкий холодный дождь, было грязно, но это его нисколько не смущало. Около одиннадцати часов утра архиепископ вошел в храм, и началась литургия. Это был воскресный день, 22 декабря, празднование в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость». В храме к архиепископу Фаддею обратился старейший протоиерей города Николай Пальмов, сказавший о нечаянной радости для астраханцев – встретить православного архиерея в день празднования этой иконы. С трудом удалось найти облачение для совершения богослужения, потому что все архиерейские облачения остались в богатой ризнице кафедрального

собора, захваченного обновленцами. Облачение привезли из Покрово-Болдинского монастыря, оно принадлежало архиепископу Тихону (Малинину), мантия – убитому в 1919 году епископу Леонтию (Вимпфену), ее отыскали у одного из монахов Иоанно-Предтеченского монастыря, посох – замученному тогда же архиепископу Митрофану (Краснопольскому).

Литургия закончилась в три часа дня, но до пяти часов вечера архиепископ Фаддей благословлял молившийся в храме и собравшийся вокруг храма народ. Ему показали могилу убитых архипастырей Митрофана и Леонтия, и он потом часто приходил сюда служить панихиды. Первые три дня архиепископ жил у настоятеля Воздвиженской церкви священника Василия Смирнова, а затем переселился в небольшой дом на Тевяшевской улице, где ему было отведено помещение на втором этаже.

Сразу же по переезде туда прихожане принесли архиепископу чуть ли не дюжину только что сшитого белья. Староста храма святого равноапостольного князя Владимира, увидев его старенькие с заплатками сапоги, принес ему хорошую теплую обувь. Почти всё это архиепископ раздал нищим. Жил он в двух комнатах. В первой стояли простой сосновый стол, покрытый цветной клеенкой, и несколько стульев, на двух окнах висели кисейные занавески, в углу – иконы с полотенцами на киотах. Во второй комнате – железная кровать, покрытая серым байковым одеялом. Первая комната служила для архиепископа столовой, приемной и кабинетом, вторая – спальней. Дом находился недалеко от Покровской церкви, и каждое утро и каждый вечер архиепископ Фаддей шел одной и той же дорогой через парк в храм. По дороге его встречали люди, чтобы идти в храм вместе с ним. Долго-долго потом эта дорога называлась «фаддеевской».

Где бы архиепископ ни жил, он не имел ничего своего. Давали ему чай или обед – он пил и ел, если не давали – не спрашивал. Он всегда считал себя гостем и зависимым от того, кто ему помогал. Аркадий Ильич, придя к архиепископу впервые, был весьма удивлен его обстановкой и необыкновенно молчаливым приемом. «Раньше я видел богатые архиерейские покои-дворцы, пышные выезды в дорогих каретах сановных архиереев, – вспоминал он. – А вот здесь – картина убожества, неприхотливости, какое-то непонятное отношение к гостю. Всё необычно и странно. <...> Мне понадобилось еще несколько недель, чтобы твердо узнать о нем всё, что мне хотелось. Я увидел, как этот невзыскательный к жизни человек привлекал к себе людей именно этой невзыскательностью. Я присутствовал на его богослужениях в переполненных храмах, слышал его чудесные вдохновенные проповеди, видел его кротость и смирение, доходившие до детского незлобия; я видел толпы народа, провожавшего его домой и толпившегося у его дома, на улице и во дворе, с утра до вечера ожидавшего, когда владыка пойдет в церковь. <...>

Я понял всё, когда собственными глазами увидел источник, из которого родится обаяние и любовь к служителю духа. Нет, не ищите этого чистого источника в роскошных покоях, раззолоченных каретах! Красивые перья делают птицу красивой. Вот он – этот источник – в старенькой, порыжевшей рясе; она как бы являлась олицетворением душевной красоты, возбуждающей всё прекрасное в душе другого, открывающей глаза на правду жизни, на евангельскую любовь, на беспредельное богатство души».

«Свечеч Церкви, чудо нашего времени...»

Архиепископ Фаддей приехал в Астрахань в то время, когда обновленчество, казалось, торжествовало победу. У православных осталось десять церквей; обновленцы захватили девять церквей и два монастыря и намеревались захватить остальные. Делали они это так. Обновленческие священники обходили дома жителей. Входя в дом, они спрашивали: «Ты, бабушка, слыхала, как ругают живоцерковников, а ведь это несправедливо. Они лучше, чем староцерковники. Чтобы помянуть родственников о здравии или за упокой тебе надо идти в церковь, подавать записку, платить деньги, а вот мы будем поминать всех бесплатно. Говори, кого записать?»

Люди перечисляли имена, обновленцы тут же уточняли фамилии, и затем эти списки подавались властям в качестве подписей под прошениями о передаче им храмов. Представители советской власти понимали, что обман вскоре обнаружится, и потому спешили передать храмы обновленцам, чтобы спустя какое-то время обновленцы передали их им назад для закрытия как не имеющие прихожан.

Архиепископ Фаддей не мог на это смотреть равнодушно. Как-то в конце мая 1923 года Аркадий Ильич зашел к архиепископу. «Вот хорошо, что вы пришли, – обрадовался он. – Давайте подумаем, что делать с обновленцами. Заберут они все наши храмы. Я думаю, надо бы подать жалобу в Москву и поехать с ней вам и представителям от Церкви».

Аркадий Ильич согласился. Перед отъездом архиепископ Фаддей вручил ему письмо для патриарха Тихона, к которому нужно было зайти, прежде чем идти с жалобой к представителям советской власти.

Патриарх с радушием принял делегацию из Астрахани.

– Вы от Астраханского архиепископа Фаддея? – спросил он. – Владыка пишет мне о вас, просит оказать содействие.

Патриарх расспросил, как живет Высокопреосвященный Фаддей, как себя чувствует, как относятся к нему верующие, и затем сказал:

– Знаете ли вы, что владыка Фаддей святой человек? Он необыкновенный, редкий человек. Такие светильники Церкви – явление необычайное. Но его нужно беречь, потому что такой крайний аскетизм, полнейшее пренебрежение ко всему житейскому отражаются на здоровье. Разумеется, владыка избрал святой, но трудный путь, немногим дана такая сила духа. Надо молиться, чтобы Господь укрепил его на пути этого подвига.

О деле, с которым они приехали, патриарх Тихон сказал:

– Я одобряю вашу жалобу во ВЦИК. Конечно, обольщаться не следует, надежд мало, можно сказать, почти нет, но это не должно нас останавливать и разочаровывать... Обновленцы нагледят, и всё, что происходит у вас, происходит по всем городам и в Москве. Конечно, жалоба сама собой, но мы должны непрестанно просить Господа, чтобы Он послал нам Свою милость и избавил бы нас от этого церковного несчастья.

Заместитель наркома юстиции, один из организаторов и пропагандистов распространения атеизма в советской России П. А. Красиков, к которому пришла делегация, встретил ее непримиримо враждебно:

– Больше ко мне не приходите и вообще не приезжайте в Москву по мракобесным делам. Жалобу разберем без вас, и ответ получите, – заявил он.

Однако люди продолжали воспринимать советских чиновников как представителей государства, а не как группу лиц, его захвативших и превративших в инструмент для достижения своих личных корыстных целей. По возвращении в Астрахань Аркадий Ильич дважды наведывался к местным властям за справками по поводу жалобы, дважды телеграфировал в Москву Красикову, но ответа не получал. Наконец местным властям эти жалобы надоели, и они решили избавиться от докучливого просителя уже испытанным ими способом: сотрудники ОГПУ произвели у Кузнецова обыск, изъяли все копии жалоб и приказали на другой день к ним явиться.

Вечером Аркадий Ильич был у архиепископа. Тот ободрил его и сказал: «Завтра ничего с вами не произойдет, не бойтесь. Немножко побранят, прочтут вам лекцию, как опасно защищать Церковь, и отпустят. Я помолюсь за вас».

На следующий день сотрудник ОГПУ крепко обругал Аркадия Ильича, назвав его опасным сообщником врагов революции, но в конце концов отпустил.

Жалобы, направленные в Москву, всё же возымели действие. Захваченных храмов обновленцы не вернули, но на другие уже не посягали; они даже стали искать примирения с православными, проинструктированные на этот счет соответствующим образом в ОГПУ, воспринимавшем обновленцев как своих рассекреченных агентов. Обновленческий епископ Анатолий (Соколов) написал архиепископу Фаддею, что необходимо примириться. Архиепископ передал через своего келейника, что он примет в общение с Церковью каждого желающего покаяться, но не может обсуждать с ним вопрос о примирении и признать обновленцев Церковью. Тогда епископ Анатолий сам приехал к нему, но архиепископ Фаддей уклонился от встречи, справедливо увидев в ней лицемерную уловку раскольников.

В августе 1924 года патриарх Тихон пригласил архиепископа Фаддея приехать в Москву на праздник Донской иконы Божией Матери, после которого у архиепископа Фаддея был день тезоименитства. Архиепископ отправился в путь в сопровождении келейника и Аркадия Ильича. Выехали из Астрахани 29 августа, намереваясь приехать в Москву утром 31 августа, чтобы вечером участвовать в праздничном богослужении. Но поезд опоздал на сутки, и они прибыли только вечером 1 сентября, когда торжества по случаю праздника закончились.

В день тезоименитства, 3 сентября, архиепископ Фаддей служил литургию в храме Донской иконы Божией Матери, и по ее окончании патриарх Тихон пригласил его к себе. «Я знаю, вы, владыка, не любите торжественных приемов и многолюдных трапез, – сказал он, – так вот я пригласил вас на скромный завтрак, тем более что хочу видеть вас в самой простой келейной обстановке».

Во время завтрака патриарх сказал теплое сердечное слово в адрес именинника, назвав архиепископа Фаддея светочем Церкви, чудом нашего времени.

В ответ архиепископ сказал об исповеднической деятельности патриарха, о его мужестве и мудрости в деле управления Церковью. «Я молюсь Богу, чтобы Он сохранил вашу драгоценную жизнь для блага Церкви», – сказал он. Услышав это, патриарх прослезился.

За трапезой архиепископ Фаддей неоднократно начинал разговор об обновленцах, но всякий раз патриарх отклонял обсуждение этой безнадежной для конструктивного решения темы и говорил: «Ну их, ну их...», – и переводил разговор на другое, не имеющее отношения к современным событиям.

Когда завтрак подошел к концу, патриарх подозвал келейника и что-то тихо сказал ему. Тот вышел и вскоре вернулся со свертком.

«Ну вот, Высокопреосвященнейший, – сказал патриарх, – вам именинный подарок – по русскому обычаю. Это облачение, причем красивое и сшитое по вашей фигуре. Хотел подарить отрезом, да ведь вы такой человек – всё равно... кому-нибудь отдадите... да... тут еще мантия, ведь ваша-то, поди, старенькая...»

Принимая подарок, архиепископ Фаддей собирался было поблагодарить патриарха, но тут сверток выскользнул из рук, и из него выпал красный бархатный футляр.

«Да, тут еще маленькое прибавление... Как это я забыл сказать о нем», – улыбаясь, сказал патриарх.

Архиепископ Фаддей открыл футляр – в нем был бриллиантовый крест на клобук⁴¹.

Подарок патриарха Тихона пришелся кстати: архиепископ Фаддей почти не заботился о себе и ходил в старенькой заплатанной рясе, в стареньких чиненых сапогах, имел одно облачение, но всегда был готов выслушать другого, сказать ему слово утешения и оказать всякого рода помощь. Зная, что архиепископ принимает в любое время, некоторые пользовались этим и приходили к нему еще засветло. Архиепископ тогда вставал с постели, наскоро умывался и одевался и безропотно принимал посетителя.

После смерти в 1925 году патриарха Тихона обновленцы, добиваясь участия православных епископов в обновленческом Соборе, обратились к архиепископу Фаддею с приглашением принять участие в работе по подготовке Собора. Архиепископ ответил: «Имею честь сообщить, что на принятие участия в организационной работе по созыву 3-го Всероссийского Поместного Собора я не имею канонически законного полномочия».

В 1924–1925 годах в Астрахани, как и во многих других городах советской России, устраивались публичные диспуты на религиозные темы. Атеисты надеялись использовать их для усиления пропаганды безбожия среди образованной части населения. В качестве оппонента приглашался и архиепископ Фаддей. Первый раз лекцию читал ректор Института красной профессуры М. Н. Покровский. Диспут проходил в кинотеатре «Модерн». Апологетическая речь архиепископа Фаддея в защиту христианства вызвала шумные аплодисменты. В другой раз диспут был назначен в театре «Аркадия». Доклад делал заместитель декана педагогического факультета Саратовского университета Виктор Геннадьевич Ильинский. Архиепископ собирался выступить после него, но вслед за Ильинским неожиданно вышел выступать постоянный лектор астраханских атеистов Образцов, начавший свою речь с оскорбления верующих. Архиепископ Фаддей в ответ передал в президиум записку, в которой написал, что не намерен участвовать в собрании, лишенном научного интереса и превращенном в арену антирелигиозных анекдотов, и направился к выходу. Дважды приезжал в Астрахань с лекциями на темы «Трагедия христианства» и «Что такое Живая Церковь» обновленческий «митрополит-благовестник» Александр Введенский. Каждый раз по приезде он направлял архиепископу

⁴¹ Смиранный владыка не носил этого креста. Живя в Твери, Вера Васильевна иногда напоминала ему о нем. «Не надо, ни к чему», – отвечал архиепископ. «Но вам же он дан, вам это положено», – настаивала Вера Васильевна. В конце концов она вырезала крестик из белой ткани и нашла его на клобук.

Фаддею персональное приглашение, но оба раза архиепископ уклонился от встречи.

За всё время своего пребывания в Астрахани архиепископ Фаддей ни одного слова не сказал против обновленцев публично, но пример его личной жизни был красноречивее любых слов. Идеолог обновленчества в Астрахани священник Ксенофонт Цендровский, принося покаяние в грехе раскола, сказал: «Долго я коснел в грехе обновленчества. Совесть моя была спокойна, потому что мне казалось, что я делаю какое-то нужное и правое дело. Но вот я увидел владыку Фаддея, я смотрел на него и чувствовал, как в душе моей совершается какой-то переворот. Я не мог вынести чистого проникновенного взгляда, который обличал меня в грехе и согревал всепрощающей любовью, и я поспешил уйти. Теперь я ясно сознавал, что увидел человека, которому можно поклониться не только в душе, но и здесь, на ваших глазах».

Нравственное влияние архиепископа Фаддея на верующих было огромно. Диакон церкви села Никольского Енотаевского уезда Димитрий Попов был отстранен церковным советом от исполнения своих обязанностей за самогонование. Зная о близких отношениях Аркадия Кузнецова с архиепископом, он просил его замолвить за него слово перед архиереем, уверив его, что обвинение в самогоноварении является клеветой. Они пошли к архиепископу. Аркадий Ильич прошел к архиепископу первым и рассказал о причине своего визита. Оказывается, тот уже знал об этой проблеме из письма церковного старосты.

– А он не будет варить самогонку? – спросил архиепископ.

Аркадий Ильич ответил, что это клевета, диакон находится здесь же и готов сам опровергнуть возводимое на него обвинение. Позвали диакона. Едва переступив порог комнаты, он бросился архиепископу в ноги.

Архиепископ Фаддей смутился и, наклонившись, стал поднимать его за руку.

– Что вы, что вы, зачем это?

А диакон в это время громко кричал:

– Простите меня, владыка святой... я недостойный, окаянный, диавол меня попутал и завлек в этот грех...

– Даете ли вы слово, что больше не будете заниматься самогонкой? – спросил архиепископ.

Обрадованный диакон обещал. Архиепископ Фаддей благословил его и сказал:

– Молитесь Божией Матери, чтобы Она помогла вам избавиться от этого соблазна.

Диакон исполнил данное слово. Был примерным христианином, отличался благочестием, и через год архиепископ Фаддей возвел его в сан протодиакона. Объясняя свое неожиданное поведение у архиепископа, он сказал Аркадию Ильичу: «Я лгал вам, что не варил самогона, хотел это вранье продолжить и у архиерея. Но увидев его, я понял сразу, что такому человеку лгать нельзя. Его аскетический вид, большие глаза, кроткие и проникновенные, покоряли и звали к правде Божией. Другому архиерею я солгал бы, зная, что за признание он оттащел бы меня за волосы и другого места не дал... Данное обещание я твердо храню и со слезами вспоминаю милость ко мне этого чудесного человека».

В Астраханской епархии архиепископ Фаддей почти устранился от управления административной частью, которая при советской власти как-то сама собою свелась на нет. Так, вероятно, было во времена апостолов и их ближайших

преемников. У архиепископа не было и канцелярии. Была только именная печать для ставленнических грамот и указов о назначениях и перемещениях духовенства. За время своего архипастырского служения архиепископ Фаддей ни на кого не наложил взыскания, никто не слышал от него упрека или грубого слова. Формуляров на духовенство не велось после того, как после революции была упразднена консистория. Да и не было у архиепископа времени для ведения канцелярии – утром и вечером служба в церкви, а днем прием посетителей, постоянно толпившихся на лестнице, в коридоре и во дворе.

Кафедральным собором для него стала церковь равноапостольного князя Владимира, вмещающая несколько тысяч человек. Покровская церковь стала крестовой церковью, в ней он бывал ежедневно и почти ежедневно служил литургию. Постом архиепископ любил служить в единоверческой церкви. Все знали, что каждый день он где-нибудь служит. Были у него и постоянно заведенные богослужения. В Петропавловской церкви каждую среду он служил всенощную, в четверг – акафист Николаю Чудотворцу, в пятницу – акафист Божией Матери в Покровской церкви, в воскресенье – акафист Спасителю в Князь-Владимирском соборе. После служб архиепископ беседовал. В церкви тогда стояла глубокая тишина и ощущался необыкновенный покой. Проповеди он говорил за каждой литургией, даже и тогда, когда бывал нездоров. Всего в Астрахани архиепископ произнес более трехсот проповедей и поучений, исключая многочисленные беседы после акафистов, на которых он пояснял тексты Священного Писания.

В некоторых случаях, когда это диктовалось обширностью темы, проповедь разворачивалась в небольшое исследование, как например «Слово о смысле жизни», сказанное архиепископом в храме равноапостольного князя Владимира 19 марта 1925 года: «Большинство из людей, раз и навсегда решив для себя, что сокровенный смысл и высшая цель жизни недоступны для них, отказываются даже от попытки сколько-нибудь прояснить себе мрак жизни светом мысли или веры, а чтобы лучше освободиться от тяжелого впечатления мрака, закрывают глаза, стараются заглушить в себе высшие вопросы и стремления духа, удовлетворяя низшие потребности своей натуры. <...>

Говорят, что жизнь – наслаждение и пир, нечего искать каких-то других целей. Пользуйся жизнью, спешి захватить всё, что она дает.

Но откуда в человеке такая сильная любовь к жизни, если в ней нет величайшего блага? Отчего люди стремятся к счастью, если счастье не есть цель жизни? Тогда где эта цель? Есть ли, был ли за тысячи лет хоть один человек, который узнал сам и передал другим, что такое счастье?

Правда, сначала человек идет на жизнь с бодростью и надеждами, но сама жизнь разбивает и разрушает светлое представление о ней. Кто испытывал в жизни одни радости без горя?

Много препятствий к достижению счастья извне, в противодействующих силах природы, во враждебных обстоятельствах среды, в недостатке собственных сил, но еще больше препятствий к достижению счастья состоит в том, что человек не находит счастья даже в удовлетворении своих желаний, и источник такого недовольства кроется внутри самого человека. Если бы жизнь со всех сторон улыбалась человеку и у него не было бы предлогов к жалобам, человек стал бы их выдумывать.

Ведь жалуются все люди – большие и малые, бедные и богатые, здоровые и больные, трудящиеся и тунеядцы, невежды и мудрецы. Вечное недоразумение,

по-видимому, в том, что у человека нет определенного предмета для счастья, а силы ограничены. Тысячи людей борются за счастье, но, достигнув его, понимают, что казавшееся венцом счастья только дальнейшая ступень к новому идеалу.

И если бы жизнь была только сменой удовольствий, то разве одно уже представление о том, что через 30–40 лет всё это кончится, разве это не внесет горечь в жизнь и не наполнит чашу веселья отравой?

Если вспомнить, что такая жизнь иногда строится на обидах и лишениях другого человека, то разве жизнь может быть пиром, а не ареной, где собрались животные, чтобы растерзать друг друга?

Другие утверждают, что жизнь является осуществлением идеалов добра, истины и красоты. Очень хороший и правильный взгляд. Но это – стремление, в действительности же люди не могут найти средств к осуществлению этих идеалов. Покажите хоть одного человека (гения, мудреца), который был бы выражением этих идеалов без упрека и пятна, чтобы ему можно было поклониться! Покажите хоть одно общество, где бы безмятежно царствовали истина, любовь, справедливость и мир и чтобы оно было образцом для других!

Напротив, жизнь представляет поругание и искажение этих идеалов – в этом противоречие человеческой природы.

Истина? Но что это такое – никто не знает, а крупницы ее, добываемые трудом поколений, теряются во тьме невежества и предрассудков.

Добродетель? Но в чистую добродетель люди не верят, потому что рядом с ней мы видим зло. Против зла общество устроило тюрьмы – печальные свидетели против добродетели.

Красота? Но это чувство в нас огрубело, и в жизни человеческой, при ее пороках, она не занимает больше места.

Справедливость? Но кругом жалобы на несправедливость, разъедающую человеческое общество. Иногда несправедливость искореняют новыми несправедливостями.

Любовь? Но вместо нее – господство эгоизма, отравляющего и помрачающего самые высокие человеческие чувства, источника зависти, ненависти и злобы. И едва ли проходит в истории человечества хоть год, хоть месяц или день, чтобы не проливалась кровь человеческая. <...>

До истины не надо доходить кривым путем. Логический путь есть путь от истины к истине. Говорят, что все-таки добродетель торжествует, и что отрицательных явлений меньше, чем положительных, и что истина и добро имеют преимущество перед грубой силой. Однако в жизни мы наблюдаем обратные явления. Грубая сила повелевает и ругается над нравственной силой, ум преклоняется перед невежеством, тьма предрассудков гонит истину со света, унижает и преследует провозвестников истины. Всякий счастливый невежда и деспот готов уязвить мудреца, угнетенного поборника добродетели, с тем чтобы отнять у него веру в истину и добродетель. Честный мудрец должен утешать себя тем, что ему при жизни не видеть своей истины и что после смерти к нему придет слава. Правда, в истории это иногда бывает, но вообще-то благодарность и слава в потомстве – высокие и жалкие слова. Как будто мученику много пользы в том, что потомки его мучителей воздвигнут ему памятник на том месте, где его мучили, – свидетельство преступления и бесславия прежних поколений. Да и верно ли, что каждого мученика ждет слава? Суд потомства и суд истории такие же, как и суд современников. Да и откуда черпает история сведения – разве не от случайных пристрастных летописцев? <...>

Не кажется ли некоторым, что прогресс в человеческой жизни приведет человека к идеалу только тогда, когда человек поймет свое неидеальное состояние, зависящее от самой природы человека, и прежде всего займется внутренним совершенствованием? Достаточно ли для человека одних знаний и образования, чтобы прогресс человеческой жизни приближался к идеалу?

Нет спора, что частные знания человека увеличиваются, но весьма спорно, ближе ли человек к истине и не открывает ли горизонт неизвестности каждое новое открытие. Средств к удовлетворению потребностей больше, но счастливее ли человек?

Знаний больше, но лучше ли стал человек и можно ли нравы современного человека передать потомкам?

Пороки, зло остаются теми же, что и у дикарей, с той только разницей, что цивилизация дает этим порокам и злу более тонкую форму. Злоба развитого человека опаснее злобы дикаря. Умножаются орудия и средства к благосостоянию человека, но и сооружаются более сокрушительные средства, и изобретатели этих средств тоже ведь считают их человеческим прогрессом. Неужели и этот прогресс приведет к идеалу? <...>

Может быть, человеческому уму и не нужно доискиваться смысла жизни, может быть, жизнь – бессмыслица, призрак, сон и существование человека только мечта?

Такая мысль о жизни развивалась во взглядах целых философских систем. <...>

Жизнь, как они говорят, есть громадный сложный механический процесс, неизвестно когда, кем и для чего приведенный в действие и действующий по одним и тем же законам. Личность человеческая занимает маленькое место в этом процессе и увлечена общим движением, подчиняясь общим законам. Человек вне этого процесса ничего себе представить не может. Поэтому зачем же спрашивать, для чего пущена в ход эта машина, если человек знает о жизни только из изучения движения, отношения вещей между собой, не зная их внутренней сущности.

Однако вопросы о начале, сущности и цели бытия так глубоки в человеческой природе, что от этих вопросов нельзя отделаться ссылками на опыт. Позитивизм называет бытие сложной машиной, никогда не останавливающимся механическим процессом. Но кто устроил эту машину, откуда взялся материал, как материал сложился в правильные формы и как машина пришла в закономерное движение? Имеет ли смысл движение или это бессмысленный хаос и путаница?

Если жизнь есть механический процесс, тогда надо отречься от души, мысли, воли и свободы. Тогда нет прогресса, не существует идеального стремления человека и весь труд человека без смысла и цели.

Но христианство учит нас другому. Жизнь христианская есть путь для истины, добра и счастья. Именно поэтому в человеке заключено глубокое, неистребимое стремление к идеалам правды. Нет на земле человека, который сознательно предпочел бы истине – ложь, добру – зло, счастью – страданье. Зачем же тогда человек, любя правду, лжет, любит добро, а делает зло? Это потому, что жизнь человеческая уклонилась от своего идеала. Когда-то этот нравственный кризис произошел в природе человека. Догмат о грехопадении объясняет нам эту тайну человеческого бытия. Он объясняет нам и другое – догмат искупления, потому что душа человеческая хочет вернуться к прежнему идеальному состоянию, ищет

путей к нему – и в догмате искупления находит этот путь. Именно в этих догматах открывается глубочайшая тайна человеческого бытия. Вера и свобода воли – основные начала для развития в человеке стремления к уразумению тайны жизни.

Какой же ответ дадим апостолу, вопрошавшему нас сегодня о смысле жизни? <...>

„Жизнь – великое сокровище, – скажем мы. – Не будем унижать цену жизни, не будем легкомысленно требовать от нее многого, иначе нам будет казаться малым то, что она нам дает. Не будем требовать от жизни одних радостей, но благодарить Бога за всякий свой и чужой успех, за всякое добро, сделанное другому. Будем воспитывать в себе христианские добродетели и искоренять дурные помыслы, будем любить справедливость и беспрестанно молиться Богу, чтобы Он, создавший нас по Своему образу и подобию, вел нас по путям Своей премудрости и благодати“».

Денег архиепископ ни от кого не брал, и несколько приходов взяли на себя заботу об устройстве его быта. Квартиру, освещение и отопление оплачивал приход Покровской церкви, пользование пролеткой – приход храма святителя Иоанна Златоуста. Приход Петропавловской церкви оплачивал расходы на продовольствие, обувь и одежду – деньги в этом случае выдавались келейнице архиепископа Вере Васильевне. Приход церкви святого равноапостольного князя Владимира покупал ткани и оплачивал шитье иподиаконских стихарей и архиерейских облачений, хотя сам архиепископ Фаддей предпочитал служить в одном и том же ветхом желтом облачении, а летом в белом, полотняном.

Питался архиепископ Фаддей, как правило, грибным или овощным супом и овощными котлетами, в скоромные дни ему подавали рыбный суп с кусочком рыбы и немного каши. Утром он пил один стакан крепкого, только что заваренного чая с булочкой, а в скоромные дни булочку намазывал сливочным маслом⁴².

В относительно благополучное время до государственных потрясений архиепископ Фаддей часто предпринимал паломнические поездки с преподавателями, обучающимися на курсах. Он и во время гонений не оставил этого доброго обычая, совершая паломнические поездки вместе с астраханскими прихожанами. 13 сентября 1924 года архиепископ Фаддей отправился в паломничество в село Иванчуг в Астраханском уезде, расположенное в четырех часах ходу по Волге. Здесь в Троицком храме хранилась чтимая астраханцами чудотворная Феодоровская икона Божией Матери.

Духовенство Иванчуга арендовало для этой поездки пароход «Чугунов». Паломники загодя приходили на пристань, и к двум часам дня, когда пароход должен был отправляться, он уже был полностью заполнен. Пассажирских кают

⁴² В 1950-е годы Астраханский епископ Сергей (Ларин), человек совершенно иного духа, слушая рассказы верующих об архиепископе Фаддее, не только не верил, что так можно жить, но и раздражался на астраханского архипастыря-мученика за то, что тот и после кончины обличал его совесть. Он не хотел верить, что у того не было серебряной столовой посуды, и страстно допытывался у окружающих, бывали ли у архиепископа Фаддея приемы с гостями, как при этом сервировался стол, какая была посуда и какие подавались вина. И несмотря на то, что все его домыслы настоятельно опровергались очевидцами, хорошо знавшими жизнь архипастыря, он не желал верить правде, снова подтверждая слова Спасителя, что есть люди, которые, даже если кто и из мертвых воскреснет, не поверят.

на пароходе не было, лишь внизу была одна каюта, которую предполагалось предоставить архиерею. Туда принесли несколько кресел и разложили стол, который устали яствами и винами. Для обслуживания архиерея был приглашен повар из ресторана. Ждали архиепископа Фаддея. Когда он прибыл, его сразу же встретило духовенство, чтобы проводить в приготовленную для него каюту. Но архиепископ от трапа прошел к корме и, обойдя цепи и якоря, присел на канатную бухту. Народ окружил его, и он три с половиной часа беседовал о завтрашнем празднике, о преподобном Симеоне Столпнике. К вечеру подул ветер, стало прохладно, и архиепископа стали приглашать в каюту, но он продолжал беседовать, не обращая внимания на холодный ветер.

Пароход причалил к пристани. Архиепископа Фаддея и паломников встретило духовенство Иванчуга и окрестных сел. Вместе с духовенством на берегу стояли несколько тысяч людей. Сюда же была принесена Феодоровская икона Божией Матери. Сойдя с парохода, архиепископ приложился к иконе, а затем все направились в храм. И тут же началась всенощная с акафистом Феодоровской иконе Божией Матери. По ее окончании настоятель храма священник Феодор Лушпаев пригласил архиепископа Фаддея и некоторых из сопровождавших его в свой дом и предложил ужин. Архиепископ едва притронулся к пирогу и арбузу, и на этом его трапеза на этот день была окончена.

Зная, что архиепископ Фаддей мало ест, ключарь астраханского собора протоиерей Димитрий Стефановский обычно заранее предупреждал духовенство, приглашавшееся после богослужения разделить трапезу, чтобы за трапезой они не начинали разговор, а только поддерживали его, если заговорит архиепископ. На праздник Преображения Господня настоятель храма в селе Трусово Астраханского уезда после всенощной пригласил архиепископа Фаддея и духовенство на трапезу. При входе в дом отец Димитрий обратился к священникам с просьбой. «Отцы, умоляю вас не начинать разговор за чаем. Владыка увлекается беседой и плохо ест», – сказал он. Все сели за стол и принялись за еду, архиепископу Фаддею подали чай. Едва он притронулся к еде, как один из священников сказал: «Меня тронуло Ваше упоминание в проповеди, Владыка, когда Вы привели слова апостола Павла: „Аще не воста Христос, тщетна вера наша“». Архиепископ начал говорить, поясняя слова апостола Павла подробнее и забыв об ужине. Все ели и слушали архиепископа. Затем увидев, что все уже напилось и наелось и уже никто не прикасается к еде, архиепископ встал, была прочитана благодарственная молитва, и на этом его ужин закончился.

Архиепископ Фаддей был удивительно молчалив касательно всех вопросов, не имевших отношения к религиозным.

«Прихожу однажды к нему, – пишет в своих воспоминаниях Аркадий Кузнецов, – и говорю: „Какой ночью был ливень с громом, на улице лужи...“

Владыка смотрит на меня, о чем-то думает и говорит: „Да, да, ливень. Вот в сегодняшней Четье-Минее рассказывается о житии праведного, Христа ради юродивого. Однажды застал его ливень в лесу...“ – и владыка воодушевляется рассказом.

Воспользовавшись паузой, я говорю архиепископу: „У вас в доме крыша худая, на лестнице-то вода“.

Молчание».

Кузнецкая ссылка

Двадцать девятого октября 1926 года ОГПУ арестовало заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского). В права заместителя вступил митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых); 8 декабря он издал распоряжение, в котором на случай своего ареста назначил себе заместителей: архиепископов – Свердловского Корнилия (Соболева), Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича)⁴³. Архиепископ Корнилий был в ссылке и не мог исполнить возложенного на него поручения, и потому в середине декабря архиепископ Фаддей выехал из Астрахани в Москву, чтобы приступить к выполнению возлагаемых на него обязанностей. В Саратове по распоряжению начальника 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова архиепископ был задержан и отправлен в город Кузнецк Саратовской области, покидать который ему было запрещено. Только после марта 1927 года, когда митрополит Сергей был освобожден из заключения, в судьбе архиепископа Фаддея произошли некоторые изменения.

27 июня митрополит Сергей назначил архиепископа Фаддея на Пятигорскую кафедру. Однако власти не разрешили ему выехать из Кузнецка, и 27 октября митрополит Сергей назначил его на Саратовскую кафедру.

Из Кузнецка архиепископ Фаддей писал духовным детям в Астрахань: «Писать сейчас много не могу вследствие неопределенности положения, связанной с переменой положения дел. Богу ведомо, суждено ли мне несколько приблизиться к Астрахани, соответственно назначению в С[аратов]. Пока нужно выждать, что Бог даст. В Пятигорске оставлен прежний арх[иепископ] Димитрий⁴⁴. Назывался я по имени этого города, а видеть его не было суждено. Как-то теперь? Пока желаю вам от всей души хранить любовь к молитве, Святой Церкви, более и глубже внедрять в свои души слова Христовы со всем изобилием скрытой в них радости и жизни. Да хранит Христос от колебаний! Да даст легче избавляться от трудностей жизни!»

В Кузнецке архиепископ Фаддей часто служил и всегда проповедовал. Вновь и вновь он останавливался размышлениями на любви человеческой, столь ценимой и превозносимой обществом, и любви Божией, столь часто человеком пренебрегаемой, несмотря на очевидную истину: одна не могла спасти и исцелить человека, другая через покаяние могла исцелить и впадшего в тяжкий грех человека.

«Подавить себялюбие для грешника – значит умертвить то, чем живет его сердце, а на это никто не способен, – сказал архиепископ на проповеди 20 апреля 1927 года в Вознесенской церкви Кузнецка. – Способен иной умертвить тело свое, но и он умирает с самолюбием не умерщвленным, а часто доведенным до крайне болезненных пределов. <...>

Но подумает кто-либо, что ведь у падшего человека есть любовь, и притом самая пламенная? Не она ли лучшее средство и присвоиться к Богу? Не она ли сплавивает человечество в одну семью, и тем крепче, что не в душе только действует, а всаждена в самую кровь человека, единство же крови порождает самую крепкую любовь между членами семьи и вообще между себе подобными?

⁴³ Священномученик Серафим (Самойлович; 1881–1937), архиепископ Угличский; память 22 октября/4 ноября.

⁴⁴ Архиепископ Димитрий (Добросердов).

Без любви человечество давно распалось бы на отдельные личности, как мировое вещество на первозданные пылинки без держащей его силы. Конечно, что может быть сильнее любви? Но опять бедствие человечества в том, что любовь падшего человека незаметно превращается в себялюбие: он любит других и даже Бога ради себя самого, соединяется с другими любовью, пока те нужны ему, и тотчас охладевает, отталкивается (иногда с пламенной ненавистью) от тех, кого пламенно любил, когда почему-либо последние стали ему не нужны или он увлекся иной любовью. Грешникам свойственно любить лишь любящих их, скрывая в такой любви себялюбие (Лк. 6: 32). Себялюбие заставляет человека падшего жить по правилу: люби ближнего, ненавидь врага твоего, или: никому не верь, никому не отдавай всего своего сердца, потому что человек человеку волк. Может ли такая любовь соединить человека с Богом? Ведь Бог себялюбцу кажется прежде всего огнем посягающим (Евр. 12: 29), в сердце грешника кипит тайная, переходящая часто и в явную, вражда против Бога, Который как бы не дает человеку жить по своей воле, ограждает все пути жизни как бы запретной оградой, Своими заповедями, приставляет к каждому, к каждому самому сокровенному шагу, к затаенной мысли или желанию сердца человека Своего бдительного, всевидящего, неотступного стража – совесть, которая постоянно мучит, омрачает все радости жизни.

Насколько непрочна любовь человеческая видно уже из того, что один из учеников Христа сделался Его предателем: *человек... который ел хлеб мой, поднял на меня пяту* (Пс. 40: 10). Но что говорить про Иуду злочестивого? Петр, так пламенно любивший Христа, что бросился в волнуемое море, желая скорее быть со Христом, обещавший: *Господи! с Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти* (Лк. 22: 33), – трижды отвергся своего Учителя, не мог даже одного часа побыть с Ним, когда душа Его скорбела смертельно, когда ждал Он *сострадания* от друзей, но не было его <...>. Если любовь Петра сама по себе как человеческая оказалась ненадежной, то кого же из людей любовь могла бы почитаться надежной?

Однако Петр и отвергшись опять присвоился Господу. Как? Он *плакал горько* (Мф. 26: 75). Покаяние было единственным средством присвоения Господу и для Петра: оно очистило любовь Петра от остатков человеческого себялюбия, оно дало возможность беспрепятственно влиться в душу его любви Христовой, превосходящей пределы любви, свойственной человеку, тем более падшему, – любви Божественной. Воодушевляемый любовью Божественной, Петр действительно мог в темницу и на смерть идти за Христа, как показала то последующая жизнь великого апостола».

Поясняя в проповеди, почему необычайные знамения, бывшие в первые времена христианства, затем сменились как бы действиями обычными, а также природу ненасильственности действий Святого Духа, архиепископ Фаддей 13 июня в Вознесенской церкви сказал: «На самом деле Дух Святой не действует в душе человека принудительно, Он не насилует нашего естества, нашего свободного хотения. Он незримо склоняет наш ум, сердце, волю в сторону добра, не насилуя их. Он просветляет ум, умиляет сердце, дает крепость воле, новое направление всей жизни человека, однако не без свободного согласия на то самого человека, так что человеку, находящемуся под незримым воздействием Святого Духа, кажется, что он действует сам от себя. Например, просветит Дух Святой ум человека, а ему при невнимательности думается, что он поступил умно, благодаря напряжению собственного лишь ума; умилит Дух Святой сердце,

умягчит его, вызовет в нем спасительный порыв покаяния, а человеку кажется, что сердце само собой почему-то изменилось или изменилось по собственному желанию человека. Отклонит Дух Святой человека от злого желания, направит на путь спасительный, а человек мнит, будто сделался лучше, добродетельнее, благодаря усилиям своей воли. И не хочет знать человек, что Дух Святой воздействует на него, скрывая свои действия за собственными движениями души человека, потому что не хочет стеснять свободы человека, ищет он любви свободной, а не насильственной, мнимой, продажной.

Если бы человек сам поступал умно, то почему в порыве гнева, в увлечении страстью беззаконной любви, в приобретении честолюбия и т. д. действует часто столь глупо, что сам называет свои страсти безумными? Почему вслед за умилением нередко вскоре же наступает в душе полное бесчувствие, за порывом раскаяния – порыв злобы, искусительного соблазна? Почему ставший иногда под влияние какого-то бессознательного, непонятного порыва, возвращается опять на путь добра, на прежний путь? Если бы все движения в душе человека были его собственными, то почему вскоре же и против желания так скоро изменяются? Очевидно, многие из добрых движений – плод незримых воздействий Духа, и, если захочет человек, таковые движения могут удерживаться в душе, не захочет – возвращается к тому, чем был сам без Духа Святого.

Не замечает человек многих действий Духа и потому, что мало заглядывает в глубины совести, где действия Духа более всего происходят, между тем как совесть является естественным законом в духовной жизни человека. Как в природе видимой за действием естественных законов многие не хотят видеть действий силы Божественной, утверждая, что действует во всем сама природа с ее законами, так за действиями естественного закона совести не замечают действий Святого Духа. По определенным законам природы движется солнце, распространяет свет, живительную теплоту; течет вода, обращается в пар, проливается из облаков в виде дождя; дуют ветры, оставляя всюду громадные следы своего движения; произрастает земля растения и т. д. Но при внимательном наблюдении нельзя не видеть, что сама природа со своими законами исполняет лишь волю Творца, направляя действия сил и законов природы, как требуется Божественным промыслом о мире, потому что лишь существо премудрое, разумное, всеблагое, всемогущее, всеправедное может действовать с такой благодетельной, всеобъемлющей целесообразностью, а не слепые силы неразумной природы. Так действия Святого Духа нужно примечать не тогда лишь, когда они явно чудодейственны, превышают действие естественных сил, как в даре языков, пророчества, но и тогда, когда Дух Святой действует незримо в совести, производя в ней как бы естественные, но в то же время необъяснимые движения и направляя последние, куда *хочет* (Ин. 3: 8)».

Служение в Саратове

Выехать из Кузнецка архиепископу Фаддею разрешили лишь в конце 1927 года, и в декабре он прибыл в Саратов. Здесь он часто служил и за всеми службами проповедовал. В Саратове, как и ранее в Астрахани, он стал принимать участие в религиозных диспутах, которые устраивались властями в надежде посрамить христиан. Когда архиепископ входил в отведенный для диспутов зал, присутствовавшие встречали его аплодисментами, а когда начинал говорить, в зале наступала глубокая тишина – слушатели стремились уловить каждое

произносимое им слово. На одном из диспутов первым выступил с докладом атеист, который начал с пересказа небылиц об Иисусе Христе. Затем выступил архиепископ Фаддей. Он стал зачитывать тексты из Евангелия, касающиеся Спасителя, и затем пояснять их. Ему задавалось множество вопросов, и архиепископ терпеливо на них отвечал. Когда закончилась беседа, для всех было очевидно – докладчик-атеист посрамлен.

В период внешних гонений архиепископ Фаддей спешил преподавать своим слушателям через Священное Писание и собственный опыт главное – научить средствам борьбы со страстями, ибо не так важно, будешь ли ты беден или богат, на воле или в темнице, – страсти могут оказаться значительно худшими твоими поработителями и мучителями, нежели тюремщики, могущие мучить тело и даже отнять жизнь, но не могущие повредить душу.

«Покорить страсти, – говорил архиепископ Фаддей в Петропавловском храме 8 апреля 1928 года, – дело более трудное и дивное, чем покорять стихии природы и диких зверей: там нужна сила и умение, а для покорения страстей нужно человеку восстать на себя самого, себя самого как бы раздвоить, свою жизнь разделить как бы на две части и, отделив истинных друзей от врагов своего богоподобного естества, восстать со всей силой на врагов прежде всего „домашних“ (ср. Мф. 10: 36), которые и суть прежде всего собственные желания и страсти сердца, овладевающие под видом друзей духовным домом человека. Нет врага более льстивого и опасного, чем страсти, которые кажутся человеку желаниями самыми приятными, манят, влекут к себе неудержимо не только своей сладостью, но и как возникающие из потребности самой природы, следовательно, как бы самые естественные, законные. Увлечши человека согласно его воле, страсти потом опутывают человека по рукам и ногам, связывают его свободную волю оковами более цепкими, чем железные, – нерешимыми оковами греховных привычек, обращающихся как бы во вторую природу человека, так что от свободы его остается одно воспоминание.

Кто из людей имеет такую силу воли, такое мужество, чтобы восстать на страсти, на то, что обратилось в природу, сделалось как бы заветным средоточием жизни сердца? Трудность, даже невозможность такого восстания на самого себя сознавали и лучшие из язычников, свидетельствовавшие, что человек делает не то, что считает лучшим, что одобряет в уме, в совести, а то, что ему самому становится ненавистным как худое, исполняет, как раб, волю греха, с томлением, страшным разладом и муками в душе. Человек так часто бывает готов лишиться себя жизни, только бы не отказаться от желаний, внушаемых страстями, или от мучительного бессилия противостоять тиранству страсти, которая самому ему кажется постыдной.

Что же может быть главнее победы над страстями? Какое царствование более славно, чем владычество над постыдными желаниями, поработавшими душу? Сам человек не в силах совершить такой победы, осуществить такое владычество. Не может он призвать на помощь в данном случае и других людей, так как никто сам по себе от тех или других страстей не свободен, следовательно, бессилен и помочь кому-либо. Освободить может лишь Тот, Кто желаниям Своего сердца никогда не давал превратиться в страсти, выйти за пределы богоподобного естества, следовательно, за пределы воли Божией, в сердце Кого владычествовала над всеми движениями души любовь Божия и все они сей царственной любви покорялись. Среди обычных людей таковых не нашлось, только Христос Богочеловек явил в Себе такую всецелую любовь к Отцу Своему;

Он только мог и в сердца людей вселять силу покорять бессловесные страсти богоподобному владычественному уму. Он сделал нас царями и священниками Богу и Отцу Своему (Откр. 1: 6), или царственным священством (1 Пет. 2: 9): царями – как покоривших страсти владычественному богоподобному уму, священниками – как закаляющих на жертвеннике своего сердца вместо бессловесных животных похотения страстные и приносящих Богу в жертву чистую любовь сердца.

Любовь Божественная – единственная сила, побеждающая страсти, пленяющая сердце без насилия своей собственной сладостью, превосходящей сладость страстей. Усладившись любовью Божественной, и себялюбец делается способным отказаться от того, чем так услаждается его себялюбивое сердце. Покоряет себялюбца самая сладость любви, усиливающаяся особенно благодаря способности ее снизить ко всем немощам, кроткой уступчивости, беспредельной готовности к жертвам. Пока любовь проявляет себя в приятных лишь словах, она может оказаться бессильной (Иак. 2: 15–16; 1 Ин. 3: 18); даже пока она являет пример прекрасной деятельности, она всё еще может не победить сердце себялюбца вполне. Когда же она проявляет готовность к жертвам и страданиям ради чужого блага, то уже нет более силы, способной побеждать сердце себялюбца. Если великие победы совершает и любовь человеческая, которая не бывает вполне свободна от себялюбия, то бесконечны победы любви Божественной. Только эта любовь свободна от всякой примеси себялюбия, беспредельна, может объять всё человечество. Вот почему только Христос Богочеловек, как явивший беспредельное величие любви в Своем страдании, может быть истинным Царем всего человечества, Владыкой над душами людей всей вселенной, и против сладостного влечения Его любви (Ин. 6: 44–45) оказываются бессильными устоять сердца себялюбцев, разве только они сознательно и намеренно закрыли свои сердца для Христовой любви.

Христос покоряет мир одной сладостью любви Своей без всякого насилия над одаренными Им свободой душами».

Вновь и вновь останавливал архиепископ Фаддей внимание слушателей на путях и средствах к возрождению поработанной страстями души человеческой. «Жизнь рождается от жизни, муки же рождения являются средством к освобождению и очищению жизни от прежних недостатков, к ее обновлению, – говорил он в Митрофановской церкви 13 апреля. – Поэтому, чтобы явилась в мире новая, лучшая жизнь духовная, необходимо было почерпнуть ее из самого Источника – Бога, и ее принес действительно в мир Христос, воплотившийся Сын Божий; воспринять же эту новую жизнь люди могли, лишь терпя муки духовного возрождения, очистительные страдания.

Однако к этим мукам духовного возрождения нужно было человека расположить как существо, одаренное свободой, и помочь перенести их. Если муки телесного рождения неизбежны и произвольны, то муки рождения духовного человек может избежать; если он хочет новой духовной жизни, то должен приготовиться и к мукам духовного рождения, – если не захочет терпеть этих мук, останется духовно мертвым, невозрожденным. И ни от чего так не уклоняется человек, как от страдания: он ищет счастья безболезненного, не соединенного ни с какими страданиями, поэтому люди всегда оказывались неспособными перенести все те муки, которые требовались для их духовного возрождения.

Нужно, чтобы кто-либо воодушевил и помог перенести муки духовного возрождения своей сострадательной любовью. Иного пути к духовному возрождению свободного существа нет. Сам человек, хотя страдает от своего добровольного падения, бессилён встать и пройти болезненный путь возрождения; когда же снизойдет кто-либо к падшему и прикоснется к ранам души его своей сострадательной любовью, которая соединяет души, то падший чувствует в себе приток новых сил, ободряется, поднимается от падения, боль души его утихает, раны сердца его заживляются, он становится способным претерпеть то, что ранее казалось трудным, даже невозможным. Проявление сострадательной любви имеет чудную силу, и если бы такая любовь преисполняла сердца окружающих, то как улучшилась бы духовная жизнь мира!

Бедствие жизни человеческой в том, что она преисполнена себялюбием, – себялюбец же сострадать другим не может, от чужого горя и страданий бежит. И некуда пойти падшему человеку с ранами и стыдом своей души: вместо того чтобы помочь ему, его скорее оттолкнут с холодным безучастием, жестоким презрением, высокомерным издевательством, даже нарочно толкнут, чтобы пал. Как вспоминается этот бессердечный ответ себялюбцев отчаявшемуся Иуде, когда тот поведал им о тяжелых муках своей души: *что нам до того? смотри сам* (Мф. 27: 4). Истинных друзей среди мира найти трудно; в счастье много как будто друзей – в беде не найти их среди самых близких, а если и найдутся, то они обычно не могут понять всей скорби друга, пережить ее как свою, притом сами духовно немощны, падки на соблазн страстей, бессильны ободрить, подкрепить других: не падающему поднимать павшего. <...>

Только во Христе источник сострадания беспредельный, неистощимый. Знает каждый, что и его скорбью Христос скорбел, что если все люди оттолкнут, то Христос, вместивший в сердце Своем скорби всех, не отгонит, не отвергнет. Вот почему только сострадательная любовь Христова, явленная на Кресте во всей ее беспредельной силе, может содействовать духовному возрождению мира, совершающемуся среди страданий. Разделяя скорби и страдания всех, сострадательная любовь Христова врачует сердца самые больные, смягчает души самые озлобленные, привлекает к себе всеми отверженных».

На Тверской кафедре

Двадцать пятого июня 1928 года архиепископ Фаддей был назначен на Тверскую кафедру. В Твери он поселился на Борисоглебской улице в угловом деревянном доме с крошечным садом, огороженным высоким деревянным забором. В саду вдоль забора пролегал тропинка, по которой архиепископ подолгу ходил и молился, чаще всего по вечерам. После молитвы он благословлял на все стороны город и уходил в дом. Дом был небольшим, но двухэтажным; архиепископ жил на втором этаже, где было две комнаты, в одной он принимал посетителей, и здесь были стол и стулья, другая служила ему спальней – в ней стояла железная кровать. Никакого убранства, кроме икон, в комнатах не было. В доме напротив жил человек, относившийся к архиепископу Фаддею с крайней враждебностью, что, впрочем, в те годы встречалось нередко, и, когда архиепископ выходил из дома, он не упускал случая ругать и поносить его. Архиепископ Фаддей долго молча терпел оскорбления и однажды сказал: «Больше ты меня не увидишь». Утром неожиданно для всех поносивший архиепископа человек скорострительно скончался, и сбылись слова, сказанные

когда-то о подвижнике архиепископом Волынским Антонием: «Кто тебя пожелает оскорбить, будет иметь отмстителем Бога».

Неподалеку от города, в селе Пречистый Бор, архиепископ снимал дачу и ездил туда, когда хотел поработать. «Многие думают, что я уезжаю на дачу отдыхать, – говорил он, – а я уезжаю работать и ложусь здесь в три часа ночи. Нужно бы секретаря, но секретаря у меня нет, я всё делаю сам». Но и там верующие часто посещали его. Летом, рано утром, навестить архиепископа приехали пять девочек четырнадцати-шестнадцати лет из числа его прихожанок. Дом, где он жил, они знали, но без благословения в столь ранний час не решились его беспокоить; они расположились на опушке леса рядом с селом, намереваясь позавтракать. Одна из девочек залезла на сосну, чтобы наблюдать оттуда, когда архиепископ выйдет из дома и можно будет к нему подойти. Остальные занялись приготовлением завтрака и вдруг услышали его голос: «Девочки, что вы тут делаете?» Оказалось, что он давно уже ходил по лесу и молился и теперь возвращался домой. Девочки объяснили, что приехали проведать его. Архиепископ Фаддей велел им собраться и идти с ним в дом. Здесь их приветливо встретила Вера Васильевна, она накормила их и напоила чаем. Дети пробыли у архиепископа весь день.

Всех приходящих к нему архиепископ Фаддей принимал с большой любовью, не отказывая никому, зная, что наступило время скорбей, – и кому, как не пастырю, утешать отечески свою паству

Не стало педагогических курсов для преподавателей церковных и светских школ, призванных в свое время не только давать знания о христианской вере, но и учить благочестию; были уничтожены духовные образовательные учреждения, прекращено просвещение детей светом Христовым в средних учебных заведениях. Было запрещено издание религиозных книг. На страну опустился непроницаемый мрак. Во времена этих гонений Россия была отброшена в некое подобие II века по Рождестве Христовом, в эпоху язычества, но хуже него, потому что проводниками нового язычества стали бывшие христиане, называвшие себя материалистами. Для архипастыря лишь оставалось, как и во времена апостольские, учить в храме родителей, как следует воспитывать детей.

«Прежде всего, должны мы помнить, что вера в Бога не есть в нас какой-то случайный, безразличный для жизни придаток, которого могло бы и не быть, – проповедовал архиепископ Фаддей в одном из храмов Твери 20 сентября 1928 года. – Вера насаждена Богом в самую природу человека. Как растение по природе тянется к солнцу, в котором источник его жизни, так и душа чувствует в себе природное влечение к Солнцу духовного мира – Богу, источнику всякой жизни. Но как природные способности, если оставить их в небрежении, могут заглухнуть, так может заглухнуть в душе человека и вера в Бога. Так что нет ничего удивительного, если есть люди неверующие, и таких много. Ведь и ум природный, оставленный без развития, тупеет, так что от природы умный человек может поглупеть. Чувства сердца умирают, если человек не заботится об их развитии. Так природная мягкость сердца, которая замечалась в человеке с детства, может превратиться в себялюбивую черствость, сластолюбивую жестокость. Воля, от природы данная, смотря по тому, будет ли человек ее упражнять, воспитывать или не будет, становится то слабой, дряблой, то неутомимой, настойчивой. Так может ослабеть в человеке и в природу его заложенное влечение к Богу, хотя исчезнуть совершенно без глубоких последствий оно никогда не может.

Как же важно с самых первых проблесков жизни и сознания развивать в душе ребенка это прирожденное влечение к Богу! Если оставить душу ребенка в полном небрежении относительно веры в Бога, то легко могут со всей силой развиться в ней другие влечения природы, столь часто извращенные. И тогда оживить заглохшую веру становится трудно, иногда же и невозможно. Как нынешние матери-христианки должны подражать тем другим матерям-христианкам, которые, сами всегда нося в сердце и на устах имя Христово, столь легко передавали это сладчайшее имя, как бесценное сокровище, и детям своим, пока те еще не оставляли колен матери! Если Христос был постоянно на устах матери, если любовь к Нему постоянно светилась в ее взоре, если каждое ее движение носило на себе отпечаток преданности Христу, то неужели всё это могло не оставить глубокий, неизгладимый след в душах детей?

Но часто бывает так, что о раскрытии веры в душе ребенка вспоминают, когда душа его уже извращена всякими нездоровыми влечениями. Если кривизну деревца исправить в самом начале, она еще может быть устранена, а если дерево вырастет кривым, то как сделать его прямым? Оно легко может сломиться, а не выпрямиться.

Так часто дети вырастают лишь с остатками веры. Как сберечь хотя бы эти остатки в последующей жизни? Самая опасная пора для веры – юность, когда все потребности природы пробуждаются с особенной силой. Тогда ум, как бы усиленно продвигаясь вперед в своем развитии, волнуется от сомнений, сердце – от страстей, и в этом кипении жизни часто гибнет вера. Волнение на море неизбежно, неизбежно оно и на море житейском, но волны могут разбиваться о твердые скалы. Если в детстве вера во Христа утвердилась в душе, подобно непоколебимому камню, то об этот камень могут разбиться все волны сомнений. Если выросшая из веры любовь ко Христу приобрела крепость несокрушимого камня, то, ударяясь в него, безвредно для души улягутся все волны юношеских страстей.

Горе тем, у кого с детства вера была подобна слабой тростинке или соломинке, тогда она легко может потерпеть крушение. В душе, которая не приобрела опоры в самой себе, волны сомнений могут еще разбиться о камень непоколебимо убежденной веры родителей, близких, друзей. Точно так же, если любовью ко Христу дышит жизнь близких юноше людей, то об эту испытанную любовь разбиваются легче и бушующие волны страстей в душе его. Во время таких бурь юноше нужно успеть подать руку помощи. И так часто волнение в его душе успокаивается от проявления искреннего участия взрослых, от кроткого, убежденного слова много пережившей любви. Иногда бессильны бывают всякие слова, отвергаются всякие проявления любви, и тогда остается только незримая помощь молитвы, особенно материнской, которая спасает и из сетей погибели, как спасла погибавшего от заблуждений и страстей блаженного Августина слезная молитва матери его блаженной Моники, или особым, чудесным образом Бог снова даст зреть Себя потерявшему веру.

Часто охладевает в вере, теряет ее и человек в зрелом возрасте. Ходил он в церковь, молился и дома, был вообще верным сыном Церкви, а затем стал охладевать, жить так, как бы и Бога не было, говорить о Боге легкомысленно, кощунственно. Большею частью это бывает от развития каких-либо страстей, например от пьянства, распутства, вообще от затягивания души тиной каких-либо страстей, давно уже растлевавших душу и веру, после же какого-то особого толчка приведших к крушению ее.

Сначала увлеченный страстями человек о Боге реже начинает вспоминать, потом почти совсем забывает, постепенно охладевает. Желая оправдать происшедшее с ним изменение в глазах своих и чужих, начинает он говорить о Боге и всём высшем легкомысленно, проникается какой-то бесшабашностью, от неудач озлобляется, впадает в неразумное, дерзкое кощунство.

Таковому нужно прийти в себя, опомниться, вспомнить, кем он был и кем стал. Часто не действуют на него ни слова, ни слезные мольбы, ни самые молитвы близких, и вот Бог сильными ударами жизни побуждает его одуматься. Пробудится он от духовного сна – пробудится в нем и вера. Спящий, пьяный ничего не сознает – пробудившись, протрезвившись, приходит в сознание. В упоении страстей было всё забыто: и Бог, и душа, и вечность, и семья, и собственная честность. Но отрезвят человека удары жизни, и заговорит в нем совесть, и вспомнится оскорбленный Бог, тронут страдания и слёзы жены, заброшенных детей.

Конечно, бедами жизни Бог часто обращает человека на путь истины, но дожидаться этих ударов – пагубно. Человек и сам должен всячески стараться отогнать от себя угар страстей, мешающий сознать всё происходящее, рассеять туман, от которого он ничего кругом не видит. Если сам человек не хочет этого делать, то и помощь Божественная может оказаться бесполезной, как напрасно было бы поднимать больного с постели, если он сам не хочет вставать, бесполезно подавать помощь утопающему, если сам он отталкивал эту помощь, давая водам поглотить его. Молитва любящих и здесь, как везде, – последняя помощь гибнущему, незримая рука, протягиваемая тому, кто начал уже низвергаться в бездну адской гибели.

Как должны мы всячески беречь в себе веру, это самое дорогое сокровище жизни! Из веры, как из семени, как из плодоносного корня, вырастает всё доброе в жизни христианина. Где не брошено семени, там вырастет ли что-нибудь? Оторвавшись от корня, может ли жить растение? Вера – свет жизни. Она дает видеть всё в настоящем свете, познать самого себя, правильно судить обо всем окружающем, о прошлом и будущем. Вера – крепкая, непоколебимая скала среди бурь жизни, надежный маяк, тихая пристань для бедственно плавающих, единственный якорь спасения для погибающих. Вера – источник жизни. Теряя ее, человек теряет и смысл жизни. Вера живет в сердце, вливая в него новые и новые силы, давая вкусить еще неизведанные радости из своего неисчерпаемого Источника жизни. „Вера твоя спасла тебя“ – будет часто слышать от Христа всякий христианин, держащийся веры в Него. Услышит он эти слова и тогда, когда через смерть откроется перед ним бездна вечности, и в этой бездне верная душа услышит призыв Христа войти в жизнь вечную».

Созерцая окружающий мир, архиепископ Фаддей, как бесстрастный пророк-летописец, писал: «Блаженны очи апостолов были потому, что вместе с очами телесными открыты были у них и очи сердца, готового тотчас воспринять истину и последовать за Учителем. Блаженны были очи апостолов не потому только, что видели великие чудеса, а потому, что, увидев Христа и будучи чуткими к истине, апостолы по одному слову: „Идите за Мною“ – последовали за Христом безвозвратно, даже еще не увидев чудес, потому что первое чудо в Кане Галилейской совершил Христос уже тогда, когда несколько учеников последовали за Ним (Ин. 1 и 2 главы).

И не одни апостолы следовали за Христом, а толпы народа. Правда, из ходивших вслед за Ним многие отходили, однако общее устремление в Царствие

Христово было необыкновенно сильным в те дни (Мф. 11: 12). Христос потрудился, а апостолы вошли в труд Его (Ин. 4: 38). По одному слову их обращались ко Христу тысячи, так что уже на них исполнилось пророческое слово: *Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 18: 5).

И это было не внешнее лишь обращение ко Христу. Недаром всех первых христиан апостол Павел называет святыми.

То ли видим мы в нынешних христианах? Мы видим, что горестное отступление от Христа продолжается. Если прежде ко Христу обращались тысячами, шли за Ним, то теперь тысячами отступают. Если прежде святость христиан была явлением общим, а пороки – исключением, то теперь отступление от заповедей Христовых в жизни сделалось явлением общим, а истинно христианские добродетели – редким исключением, встретившись с которым с удивлением говорят: „Возможно ли это в наше время?“ Всё более сбывается древнее псаломское слово, сказанное о людях, живших до пришествия Христа на землю: *Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного* (Пс. 13: 2–3). Вера, из которой, как из корня, вырастает вся духовная жизнь христианина, оскудела чрезвычайно: число неверующих безмерно растёт, число верующих уменьшается, да и у оставшихся верующими вера какая-то „двоящаяся“, то есть колеблются они между Христом и миром. Где ныне такая восприимчивость веры, чтобы по ней совершил Господь воскрешение мертвых? Не скорее ли сбылось бы на большинстве нынешних христиан слово Господа, сказанное о братьях евангельского богача-себялюбца: *если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16: 31). Если словам Самого Христа и апостолов не веруют, то какое еще чудо может обратить их к вере? Удивительно ли, что чудеса воскрешения мертвых и подобные им остаются как бы лишь воспоминанием дней древних, когда вера была более живой, отзывчивость сердец сильнее. Хотя, впрочем, и в наши дни по вере продолжает иногда Господь восставлять от одра болезни людей, приговоренных врачами к смерти.

Более удивительно не это как бы оскудение чудесных милостей Божиих в наше время, а то, что, видя еще бóльшие милости Господа, мы продолжаем отходить от Него сердцами. Ведь Господь продолжает доселе воскрешать наши мертвые души, а мы не теснимся к Нему толпами, не прославляем Его, как то было прежде. Мертвые тела всех людей воскресит Христос в мгновение ока в день Своего Второго пришествия силой Божественного всемогущества. Но многие воскреснут тогда в смерть, потому с телами не оживут для вечной блаженной жизни их души.

Но будет Христос воскрешать и живить мертвые души до скончания века, давая возможность воскреснуть духовно всем. Потому и не наступает жатва Господня до времени, что среди густо разросшихся в мире плевел беззаконий мирских есть еще жизнеспособная пшеница, и как же не пощадить ее Тому, Кто *трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит* (Мф. 12: 20; Ис. 42: 3)! Оживление душ наших совершает Христос через Крещение, которое кладет на душу неизгладимую печать, как ни стараются многие ее в себе совсем изгладить. Но и для тех, в ком печать эта потускнела и сильно изгладилась, в ком почти угасли начатки новой жизни Христовой, заложенные через Крещение, даровал Христос чудное средство, помогающее обновить ему эту печать, воскреснуть духовно, – покаяние.

Разве не видим мы доселе, как через покаяние начинают новую жизнь некоторые люди, совсем опустившиеся, падшие.

Увяз человек в пороках, умер для добра, но Бог дал ему покаяние, он одумался, ожила в нем совесть – и чудесно изменились все дела его жизни. История блудного сына, который был *мертв и ожил, пропал и нашелся* (Лк. 15: 24), повторяется во все века. Только приди во врачевницу покаяния, и при желании всегда можешь ожить душой. Только давай душе, очищенной покаянием, прививаться, как ветви к лозе, ко Христу верой, любовью, вкушением Источника бессмертия, Плоти и Крови Христовой, и жива будет душа твоя в Нем вовек».

В одной из проповедей, произнесенных им в Твери в 1929 году, архиепископ Фаддей, делясь своим опытом прохождения пути духовной жизни, сказал: «Первый и главный труд должен состоять в том, чтобы сохранить и воспламенить ту искру Божественной жизни, какая зажглась при обращении. Для этого необходимо постоянно внимать себе, бодрствовать над своим сердцем, трезвиться, не допуская погружения в прежний духовный сон. Надо постоянно хранить память о Боге, в Котором наша жизнь, о том, к какой жизни и радости Он зовет нас, к какой гибели ведет отступление от Него. „Поминай последняя твоя (то есть смерть, суд, ад, рай), и во веки не согрешишь“, – говорили еще древние (Сир. 7: 39). Более всего искра Божественной жизни сохраняется и воспламеняется постоянным возбуждением и поддержанием в душе тех чувств, которые наполнили ее после пробуждения от духовного сна, отогнали духовное бесчувствие. Это чувства страха Божия, опасности своего положения, отвращения, ненависти ко греху, сокрушения сердечного, веры в Господа, надежды спасения.

Храня дух ревности о богоугождении, необходимо присоединить к нему подвиги, возгревающие дух ревности: пост, бдение, чистоту телесную, хранение зрения, слуха и прочих внешних чувств, хранение языка, чтение слова Божия с размышлением, молитву, повиновение заповедям Христовым, уставам Церкви, добрые дела, из которых важнейшее – дело любви, потому что она средоточие закона Христова. Необходимо также тщательно исполнять и дела земного своего звания, если они согласны с совестью и Евангелием, так как и эти дела – поприще спасения (1 Кор. 7: 20, 24; 1 Тим. 2: 15). И порядок внешней жизни должно устроить так, чтобы устранены были поводы ко греху. Особенно действенны подвиги говения с исповедью и причащением Святых Таин, совершаемые с должным вниманием, усердием, искренним желанием.

Благодаря духовным подвигам и упражнениям появляются навыки новой духовной жизни, худые навыки ослабевают, отпадают. Однако необходима еще и борьба с худыми навыками, страстями: враг сам собой не уйдет без упорной борьбы. Для успеха в борьбе необходимо сначала узнать силы врага, узнать все страсти, живущие в душе, похоти плоти, очей, гордости житейской (1 Ин. 2: 16), имеющие свое седалище в теле, внешних чувствах, языке, уме, воле, сердце, являющиеся для духов злобы средством уловления души человеческой, отторжения ее от Бога и духовной жизни. Лучше всячески предупреждать само появление страсти в душе: не смотреть туда, где можно соблазниться, не ходить туда, где легко поползнуться. Если борьба наступает, то легче начинать ее с помыслов, пока они не усладили сердце, не перешли в пожелание страсти. Если помыслы будут отогнаны усилием воли или отвлечением внимания к помышлениям богоугодным, то страсть может и не зародиться в душе. Если же помысел усладил, пленил сердце, возбудил пожелание, страсть, то борьба

становится гораздо более трудной. Как противоядие страстям нужно возбудить к ним отвращение, ненависть, сокрушение сердца, плач о содеянном. Искреннее болезнование сердца более всего побуждает отвращаться от того, что причиняет ему болезнь. Кроме мысленной брани, или борьбы с помыслами, пожеланиями, страданиями, необходима и деятельная брань, борьба со скверной страстей посредством противоположных им дел и возбуждение таковых же настроений в душе.

При борьбе никак не следует допускать самонадеянности. Нужно надеяться отнюдь не на себя, а на Бога, потому что сам человек духовно немощен и не может восстать на себя самого без помощи Божией. Чем более человек смиряется, тем скорее получает помощь от Бога. Самонадеянность заграждает вход благодати в душу, а смирение открывает, и в душе смиренного незримо для него самого возрастает духовная жизнь силой Божией (Мк. 4: 26–28). Что не очищено борьбой, то Господь очищает посылаемыми страданиями. Ими душа очищается, как золото в горниле. Терпя страдания, человек как бы восходит на крест, и рукописания грехов его раздираются по мере того, как страданиями отторгается сердце от разных пристрастий.

Среди подвигов и борений постепенно зреет в человеке духовная жизнь, но вершины ее долго не видно, как невосшедшему на гору видны бывают только очертания ее. Недостигший совершенства в духовной жизни не может иметь и точного понятия об этом совершенстве. Проходящий духовную жизнь долго трудится, борется, болезнует, а настоящая духовная жизнь с ее радостями бывает от него сокрыта, разве проблески ее по временам открываются. Но после долгих подвигов и борений человек начинает чувствовать усиленное тяготение к Богу, особенную теплоту сердца, неизъяснимую сладость жизни в Боге, неудержимо к себе влекущую. Конечно, и прежде эта теплота ощущалась, но ощущалась частично, проблесками, теперь же ощущается как бы полосами, всё чаще и чаще.

В воде, содержащей лед, теплота действует только тогда, когда растает лед. Так, пока лед страстей остается в душе, нет охватывающей всю душу теплоты в ней, нет горения ее. Когда сердце после долгой борьбы со страстями достигает бесстрастия, всецело предает себя Богу, тогда и огонь любви Божественной охватывает душу всецело, сам потребляя остатки страстей. Тогда Бог вселяется в душу всецело, живет в ней и действует, делает человека храмом Бога Живого (Флп. 2: 13; 1 Кор. 3: 16). Это и есть вершина духовной жизни: человек непосредственно соединяется с источником жизни, Богом, пребывает в Нем и может сказать о себе вместе с апостолом: *уже не я живу, а живет во мне Христос* (Гал. 2: 20). Жизнь же Божества исполнена света, неизреченной радости и сладости любви, блаженства, которого око не видело и ухо не слышало, которое и на сердце человеку не приходило, которое уготовано любящим Бога (1 Кор. 2: 9). Здесь вершина духовной жизни, которой достигли святые апостолы, Христовы мученики, не чувствовавшие от переживаемой ими сладости любви Христовой самых жестоких мук, преподобные, которые ради этой сладости претерпевали всякие озлобления и лишения пустынного жития выше меры человеческого естества».

Живя в Твери, архиепископ Фаддей не забывал и своих саратовских прихожан. 7 июня 1929 года он писал духовной дочери: «Милая Валя! Спаси, Господи, за поздравление, молитвы, добрую память, приношение, пасхальное яйцо. <...> Моя долгая болезнь не давала мне больше полгода писать письма. Теперь понемногу занимаюсь, хотя еще не совсем окреп силами. Живу пока в

селе, чтобы поправиться более. По временам ездю в город служить. Часто вспоминаю Саратов и его молитвенные собрания, более усердных к ним. Дай Бог не ослабевать, а расти в вере, в которой одной залог вечной радости».

Осенью того же года он ей писал: «Милая Валя! Спаси, Господи, за письмо поздравительное с днем Ангела и то, в котором сообщала ты, что письмо мое получила в праздник Рождества Предтечи Господня. Пишешь, что пришлось пережить много тяжелых обстоятельств, – дай Бог, чтобы печали миновались, облегчились, чтобы радость о Господе не оскудевала в твоей душе! Я летом ездил в деревню, чтобы подышать ради поддержания здоровья лесным воздухом. Но было очень много служб летом, и постоянно приходилось ездить в город, так что в деревне прожил немного. А сейчас погода уже осенняя: листья пожелтели, пооблетели, только ели и сосны зеленеют, некоторые грибы еще попадаются. Людей в церкви летом было иногда порядочно, а теперь становится меньше, с наступлением холодов, вероятно, и совсем мало будет, разве в большие праздники».

Чуть позже, отмечая изменения, происходящие во внешней жизни, архиепископ Фаддей писал: «Милая Валя! Письмо и посылку получил, спаси, Господи. Господь да поможет тебе сохранить неизменно любовь к Нему и Святой Его Церкви. Без Господа жить нельзя, как без дыхания; молитва в душе должна быть постоянным ее дыханием. У нас на Крещение и на воду не ходили, и даже с крестом не ходили. Только в церкви святили воду. Пока служим, а как далее, Богу ведомо. Слава Богу, пока молимся в церквях оставшихся».

Летом 1931 года архиепископ писал своей духовной дочери в Саратов: «Милая Валя! Ты поздравляла меня с праздником Святой Пасхи, а я отвечаю только теперь, потому что собралось очень много дел, и я целый месяц не мог написать ни одного письма. Пасха прошла, слава Богу, благополучно; людей было много, более и прежних лет; крестного хода не было, только по алтарям ходили. Пение у нас, слава Богу, наладилось пока; поют и полно, и не по-театральному. Прислуживающих иногда недостает, но кое-как обходимся. Все-таки службы бывают иногда хорошие, одушевленные. Усердствуют к церкви и некоторые девочки, охотятся подавать жезл, класть орлецы, когда некому это сделать. Как бы хорошо было, если бы эта любовь к церкви вложилась в душу на всю жизнь, чтобы никакие обстоятельства жизни не отнимали любви ко Христу! Но прощай, милая Валя; еще напиши. Да хранит Бог!»

Как бы обзревая картину приближающегося к своему концу мира, архиепископ Фаддей сказал 16 апреля 1930 года в проповеди: «Не говорит Святая Церковь о прямом предательстве Христа в конце времен большей частью человечества, хотя оно, по словам Самого Христа, будет, ибо из-за Него произойдут между людьми распри и люди мира, движимые страстями, которые Он пришел изгнать из мира, будут предавать друг друга: *Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их* (Мф. 10: 21). Есть предательство более тонкое и в разной степени встречающееся у большинства людей, даже именем христиан именующихся. Ведь не без причины перед самым причащением Святых Таин Церковь внушает каждому молиться: *Вечери Твоя тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя прими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзание Ти дам, яко Иуда*. Значит, каждый может так или иначе сделаться подражателем предателя. Иуду ослепило сребролюбие, побудило отречься от Господа, продать Его за сребреники. И многие люди, ослепляемые разнообразными страстями житейскими, отрекаются

от своего христианства, предают его не за тридцать сребреников, а иногда за ничтожное удовольствие, за самые ничтожные блага мира! Многие торгуют совестью своей, вступают с ней в самые постыдные сделки, продают ее, продают врагам Христа и Его Евангелия».

Многие, видя праведную жизнь архиепископа и веря в силу его молитвенного предстательства перед Богом, прежде чем что-либо предпринять, шли к нему за советом и благословением. И он всегда, когда его спрашивали, благословлял определенно, говоря или «да», или «нет».

По свидетельству прихожан, архиепископ Фаддей обладал дарами прозорливости и исцеления.

Однажды пришла девица Зинаида к своей подруге, дочери Марии Семеновны, чтобы позвать ее погулять на улицу, а время приближалось ко всеобщей. Мария Семеновна сказала ей:

– Нет, Зина, гулять она не пойдет. Мы идем ко всеобщей. Идем с нами.

– Я не пойду, я неверующая, – ответила та.

– Ну и что ж. Постоишь, там никого не выгоняют. Постоишь, посмотришь, как люди молятся, как наш владыка служит.

Девушка согласилась пойти с ними в храм. Подошло время елеопомазания, народ стал подходить к архиепископу Фаддею, и Зинаида сказала:

– Мария Семеновна, я не пойду, я заражусь, он одной кисточкой всех мажет.

– Тогда оставайся здесь, мы подойдем к елеопомазанию и вернемся к тебе, а закончится служба, вместе пойдем домой.

Был большой праздник, и собор был полон народа. Зинаида сказала:

– Я потеряюсь.

И пошла вслед за ними, не собираясь, однако, подходить к елеопомазанию. Мария Семеновна дочерей пропустила вперед, хотела подойти сама, и тут архиепископ спустился с кафедры и, опустив рукоятку кисточки с крестиком в освященный елей, протянул руку с кисточкой к Зинаиде, стоявшей в стороне, и сказал:

– Никто еще не заразился от елеопомазания, и ты не заразишься, но на всякий случай я тебя крестиком помажу.

Это было действие благодати Божией, перевернувшей всю жизнь Зинаиды, – с этого часа она стала глубоко верующим человеком и в дальнейшем старалась не пропускать ни одного праздничного и воскресного богослужения.

Как-то пришла к архиепископу Фаддею женщина и сказала:

– К дочке ходит богатый жених и приносит подарки. У нас завтра свадьба. Благословите.

– Подождите немного. Подождите две недели, – задумавшись, ответил архиепископ.

– Ну как же подождать, у нас всё приготовлено: и колбасы куплены, и вино, и студень наварен.

– Нужно подождать немного, – повторил архиепископ.

Через две недели приехала жена «жениха» с двумя маленькими детьми и увезла его домой.

Неверующий сын Веры Ефимовны Максимовой, Михаил, сошел с ума и, как буйный, был помещен в психиатрическую больницу. Вера Ефимовна отправилась навестить его. Михаил встал перед ней на колени, умоляя взять его домой. Вернувшись в Тверь, она пошла посоветоваться об этом к архиепископу Фаддею. Выслушав ее, архиепископ сказал: «Возьми немедленно, он никому из вас не

принесет зла, и терпите его до самой смерти». Они так и сделали. Больной умер во время войны; перед смертью он пришел к Богу, исповедался, пособоровался и причастился.

Вера Ефимовна с мужем имели в Твери два дома и, когда жить стало невмогуту, они решили один из них продать, но прежде пришли посоветоваться к архиепископу Фаддею. Он выслушал их, помолчал и сказал: «Нет моего благословения продавать этот дом, так как он вам всем еще очень пригодится. Здесь в городе многое будет разрушено, и дом вам понадобится».

Поскорбели супруги, но решили поступить так, как благословил архиепископ. Чтобы как-то прожить, они завели в городе корову и огород. С Божьей помощью из крайней нужды они выкарабкались. Во время войны в 1941 году один из домов сгорел, выгорела и вся улица вокруг другого дома, который архиепископ Фаддей не благословил продавать, но их дом уцелел и стал пристанищем для всей семьи.

Как-то Вера Ефимовна поранила палец, и он у нее очень долго не заживал; видя, что ничего не помогает, врачи предложили отнять палец, но она не согласилась. Однажды, благословляя ее, архиепископ Фаддей спросил, почему она ходит с завязанным пальцем. Вера Ефимовна ответила, что он давно у нее болит и врачи предлагают операцию. Архиепископ взял ее за больной палец, три раза сжал, и вскоре палец зажил.

Некоторых соблазняло, что Вера Васильевна в течение многих лет исполняет послушание келейницы архиепископа. Один из прихожан был сильно смущаем этими помыслами. Однажды, во время всенощной, когда помыслы особенно настойчиво донимали несчастного, архиепископ Фаддей подошел к нему и спросил:

- Ты этого греха боишься?
- Да, – ответил тот, сразу поняв, о чем идет речь.
- И я боюсь, – сказал архиепископ.

Александр Куликов⁴⁵, когда ему было три года, упал и сильно расшибся. В боку образовалась опухоль. Его мать, Анна Васильевна, обратилась к хирургу, и тот предложил сделать операцию, хотя и сомневался сам в положительном ее исходе. Сильно скорбя, мать понесла мальчика в храм к литургии. Служил архиепископ Фаддей. Со слезами Анна Васильевна поднесла сына ко святой чаше. Архиепископ спросил, о чем она плачет. Выслушав ее, он сказал, что операцию делать не нужно, а нужно помазать больное место маслом от Тихвинской чудотворной иконы Божией Матери. Она так и сделала, и мальчик вскоре поправился.

Вглядываясь в незримое иногда для глаз вмешательство Богоматери в жизнь человека, архиепископ Фаддей 10 августа 1928 года сказал в проповеди: «Невидимо небесное заступление и путеводительство Богоматери для многих, но оно не мечта, потому что оставляет видимые следы. Ведь и невидимые глазом вещества (хотя бы воздух) производят самые ощутительные действия. Нитью же, связующей небо с землей, как бы привлекающей небесное путеводительство, является более всего молитва, исполненная веры и любви. Через молитву веры человек вступает не в мечтательное только общение с Богом, а живое, действительное. Не только он говорит с Богом и невидимым миром в молитве, но

⁴⁵ Впоследствии – протоиерей Александр Куликов (1933–2009), в последние годы жизни настоятель храма святителя Николая в Кленниках в Москве.

и его слышат, ему отвечают если не словами, то делами. Человек, получивший по письменной просьбе помощь от других людей, которых никогда не видел, с которыми лицом к лицу никогда не говорил, не сомневается в том, что просьба его услышана. Так точно, если после молитвы получает человек совершенно неожиданную, явно чудесную помощь, то не несомненное ли для него удостоверение в этом, что молитва услышана? <...>

Люди так часто окружены бывают невидимыми силами, влияниями, внушениями, воздействиями, но их не замечают, потому что духовное зрение их притупилось или они погрузились в духовный сон, мешающий видеть что-либо окружающее. Ангел влагает в душу человека благую мысль, предостерегает, отводит от погибельного шага, ополчается окрест боящихся Господа (Пс. 33: 8), а люди говорят: „Счастливым случаем избавил меня от неминуемой беды, что-то как бы внезапно осенило, пришла откуда-то счастливая мысль“. Спящий может не заметить, как его перенесут на другое место, – так невидимые небесные силы изменяют иногда незаметно для духовно спящего всё положение жизни, а он говорит: „обстоятельства жизни неожиданно и непонятным образом изменились, и гибель миновала“. Не замечает человек небесной помощи и водительства еще и потому, что Сам Бог и Ангелы Его являют часто заступление незаметно для человека: человек вообще своеволен, любит *ходить своими путями* (Деян. 14: 16), и приметное влияние или воздействие возбуждают в нем противодействие.

Часто отец или мать стараются повлиять на своевольного сына или дочь незаметно, помочь им тайно. Также нередко влияют муж на жену, жена на мужа, друзья одни на других, и эти незаметные влияния достигают большего, чем прямые уговоры или воздействия, потому что своевольный скорее сделает что-либо, когда кажется ему, что он делает всё сам, без сторонних влияний. Так вообще действует незаметно для человека, таинственно благодать Божия, таково вообще небесное путеводительство живущих на земле.

В праздник в честь иконы Богоматери Одигитрии будем стараться оживить свою веру в Ее небесное путеводительство. Ведь мы так много блуждаем в жизни, заблуждаемся, относимся волнами страстей моря житейского совсем не туда, где берег и спасительная пристань, а туда, где подводные мели и утесы. Так часто, подобно буре, налетает на душу нашу страсть житейская, не давая направить жизнь, куда должно, бросая душу во все стороны, разбивая всю жизнь, не оставляя ни одного уютного уголка для сердца. Как нуждаемся мы постоянно в небесной помощи и путеводительстве, в руке спасения крепкой, надежной, мудрой, опытной! Люди же, от которых мы ищем помощи, обычно сами так немудры, неверны, слабы и, будучи вообще себялюбивы, склонны заботиться только о себе, к чужому горю и бедам бесчувственны.

Один Господь и святые Его на небесах неизменно верны, в любви никогда не оскудевают, помочь всегда готовы, никогда не оттолкнут ищущего их помощи, не посмеются над его горем, не толкнут на путь погибели, заботливо выведут, поведут за руку, пока не пойдет безошибочно сам человек по пути жизни, Богом в его собственное благо предуказанному».

Как-то девица Татьяна⁴⁶ пришла из любопытства в Вознесенский собор, чтобы посмотреть на архиепископа Фаддея, и его внешность ей не понравилась, он показался ей маленьким и некрасивым. Сама она ходила на службы в собор к

⁴⁶ Татьяна Ивановна Былинкина (1905–1999); впоследствии она приняла монашеский постриг с именем Фаддея.

обновленцам ради находившейся там святыни – мощей святого благоверного князя Михаила Тверского – и библиотеки при храме. Однажды иподиакон архиепископа спросил ее:

– Почему вы не ходите в православный Вознесенский собор?

– Мне не нравится ваш владыка.

– Да ведь он прозорливый.

– Прозорливый он или нет, я не знаю, но только мне больше нравится в соборе, у мощей святого Михаила Тверского.

Как-то вечером, в воскресенье, Татьяна всё же пришла в Вознесенский собор. Служил архиепископ Фаддей. Она долго рассматривала его, и он всё равно ей не нравился. Между тем архиепископ пошел кадить храм, и у него в руке погасла свеча, он подошел к Татьяне и мягко и кротко сказал: «Зажигайте мне свечу».

– Неужели он знает мои мысли? – подумала она и решила пойти к нему домой поговорить.

На следующий день Татьяна подошла к дому, где жил архиепископ, и постучала в дверь.

– Кто там? – спросила Вера Васильевна.

– Мне хочется к владыке.

– Сейчас я спрошу, – ответила Вера Васильевна.

И затем, пройдя к архиепископу, сказала:

– Владыка, тут пришла девочка, которая около вашей кафедры стояла. В черной шапочке с розочками.

– Пусть войдет, – ответил архиепископ.

Татьяна вошла, взяла благословение, он показал ей, куда сесть, и спросил:

– Ну, что скажешь?

Что она могла сказать? И она спросила в общем:

– А как спастись?

– Ну, как спастись... Иисусову молитву надо читать. Псалтирь. Есть у тебя? Нет? – и он подал ей Псалтирь. – Это тебе.

Впоследствии архиепископ сказал Вере Васильевне: «Когда бы Таня ни пришла, ей не отказывайте. Она бедная. Кто бы у меня в это время ни был, ей не отказывайте».

У нее в то время были большие скорби. Как-то рано утром, до начала рабочего дня, Татьяна пришла к архиепископу поведать о переживаемых ею несчастьях. Он выслушал, поговорил с нею, и вдруг она явственно почувствовала, что все скорбные переживания исчезли и она ощутила такую любовь ко всем и такое дружество, каких в жизни никогда не испытывала. Вскоре молитвами архиепископа Фаддея исчезла и сама причина скорбей. Вспоминая спустя некоторое время тогдашнее свое состояние, Татьяна задумалась – не искушение ли это? Не прелесть ли это вражия? И пошла посоветоваться к Вере Васильевне. Та сказала: «А вы владыке скажите». И открыла дверь к нему в комнату. Татьяна вошла и всё рассказала архиепископу. Внимательно выслушав ее, он сказал: «Это сила действия Христова».

В Твери народ искренне и глубоко полюбил архипастыря. Для народа и духовенства он был подлинным святым. Еще издали завидев архиепископа, люди останавливались и кланялись ему, и он тогда просил остановить повозку, чтобы всех благословить. Возил архиепископа один и тот же извозчик, Василий. Бывало, когда он подъезжал к дому архиепископа, к нему подходил сотрудник НКВД и

говорил: «Не вози больше владыку, а то мы тебя убьем». Узнав об этом, архиепископ Фаддей сказал: «Не бойся, Василий. Смерти не надо бояться...» Угроза сотрудников НКВД не сбылась: не прошло и недели после этого разговора, как Василий тихо и мирно скончался. Теперь архиепископ ходил в храм почти через весь город пешком, сопровождаемый Верой Васильевной.

Проповеди архиепископ говорил за каждой литургией; из глубины души он износил тот святоотеческий дух святителей, подвижников и молитвенников, которым жил сам, им напоялось каждое его слово. К проповедям он готовился заранее и очень тщательно. Обычно он писал их на маленьком листочке, и, поскольку почерк у него был бисерно-мелким, на таком листочке зачастую умещался весь текст. Во время проповеди архиепископ изредка в него заглядывал, в основном для того, чтобы точнее процитировать текст Священного Писания. Каждую среду архиепископ читал акафист святому благоверному князю Михаилу Тверскому и проводил беседы.

Размышляя над словами Евангелия и в его свете рассматривая современные ему события и как бы уходя за границу времени, архиепископ Фаддей сказал в одной из своих проповедей 24 января 1932 года: «Так и некоторые христиане склонны считать себя знающими Бога истинного, знающими Христа, понимающими Его Евангелие, готовыми учить других, и не признают себя требующими поучения. Потому-то столь многие христиане не считают нужным читать Евангелие, слушать проповеди, изъясняющие его или извлекающие из него духовные уроки, говоря, что они всё это знают. И удивительно, что слова: „это всё нам давно с детства известно“, повторяют и те, которые, быть может, ни разу в жизни не прочитали всего Евангелия или совсем забыли. Так что из читанного когда-то у них остались в памяти лишь какие-то неясные обрывки, а понятия христианские перемешались с понятиями мира сего, языческими, незаметно подменились последними, лишив многих из таких христиан способности различать, что Христовым законом дозволено и что не дозволено. Для них считается дозволенным то, что, согласно с понятиями и обычаями мира сего, столь во многом враждебно Христу.

Не это ли первое препятствие к восприятию света Христова, если люди считают себя уже просвещенными им и более в нем не нуждающимися, оставаясь на самом деле духовно слепыми, притом еще желающими быть вождями других слепых (Мф. 15: 14)? Как часто христианин простой лучше чувствует истину, чем почитающий себя хорошо знающим Евангелие. Первый в простоте сердца признает себя темным и грешным, через это приближаясь к свету истины. Второй так часто склонен прибегать к ложным самооправданиям таких дел своих, с которыми никак не хочет примириться христианская совесть, и тем отдалается от света истины. <...> Есть, конечно, и такие христиане, которые осознают себя требующими поучения, ищут света Христова, готовы назвать себя, подобно галилеянам, сидящими во тьме и сени смертной, близкими к смерти духовной из-за суеты и греховности жизни, в какую они погрузились. <...>

Ныне многие христиане и сознавая себя нуждающимися в свете Христовом, о Христе совсем почти не вспоминают. Дом Отца Его посещают крайне редко, даже не во все великие праздники. Слово Его, придя сюда, услышать не стараются. „Мы люди духовно темные, слабые христиане, живем во грехах“, – говорят они, а озариться светом Христовым желая у них совсем мало, так как подавляется оно житейской суетой, заботами, страстями. Не о них ли сказал Христос: *люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были*

злы, и не идут к свету (Ин. 3: 19–20)? Сами люди чувствуют, как холодно в себялюбивом мире, отчужденном от Христа и Его любви, а согреться в дом Его не идут, не стремятся подойти к живительным источникам Его света и духовного тепла. Сознают и чувствуют, что христианская жизнь в них иссякла, а от Источника бессмертного вкусить не хотят целыми годами. Ощущают как бы веяние приближающейся к ним духовной смерти в отчуждении от Христа, замечают как бы призраки и тени ее, витающие над ними в стране далече (Лк. 15: 13, 24), а возвратиться ко Христу Жизнодавцу через покаяние не спешат и не чувствуют в том живой потребности. <...>

Никогда не будем считать себя вполне просвещенными, достаточно знающими Христа и Его Евангелие, так как учение Христово усваивается не столько холодным умом, сколько согретым любовью сердцем, движущим и волю на соответствующие дела жизни. Святые подвижники Христовы, взошедшие на высоту совершенства евангельского, обыкновенно говорили: „Я не прошел еще и первых ступеней к совершенству, не положил и надлежащего начала жизни духовной“».

«Не бойтесь убивающих тело...»

Власти в Твери продолжали гонения на православных. Отобрали Вознесенскую церковь, архиепископ перешел служить в Покровскую; после того как и ее отобрали, ездил служить в храм в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» за Волгу; когда закрыли и этот храм, стал служить в Успенском единоверческом храме на Волынском кладбище.

21 апреля 1935 года, совершая богослужение на праздник Входа Господня в Иерусалим и проповедуя о глубочайшей вневременной и спасительной истине миссии пришествия Христова на землю, архиепископ Фаддей с некоторой грустью оглядел собравшуюся в храме в этот великий день паству. Грустно было не только из-за ее малочисленности, когда множество считавших себя христианами неведомо куда разошлись, но и потому, что и оставшиеся сердцем и разумом иной раз были столь же далеки от понимания учения Христа, как и ушедшие, хотя его содержание даже при безгласности пастырей в значительной степени раскрывалось в церковных песнопениях, которые они слыша, не слышали.

«Эта скорбь Господа во время торжественного сретения Его народом побуждает нас поразмыслить о том, лучше ли нынешнее празднование Христу Нового Израиля, чем древнего? – проповедовал архиепископ. – Собралось прославить Христа немало народа, так что вчера не вмещал и храм всех собравшихся. Но ведь для того, чтобы сравняться в количестве с народом, встречавшим Христа в Иерусалиме, нужно было бы не одному небольшому храму, а и множеству храмов переполниться. В толпе встречавших Христа был почти весь город с множеством пришедших на праздник издалека. Мы же, начав считать присутствующих, не гораздо более ли насчитаем отсутствующих? В толпе народа еврейского во Иерусалиме были люди всякого звания и состояния, отцы, матери вместе с юными и детьми. То же ли мы увидели бы, всмотревшись в толпу собравшихся в храме сегодня? Там было всеобщее народное воодушевление, ликование, как бы до небес достигавшее. Здесь же видим ли мы лишь на лицах немногих отпечаток радости, к какой призывает ныне апостол: *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Флп. 4: 4)? У большинства же ныне не подавлена ли эта радость житейскими помышлениями и заботами, от которых не

могут столь многие освободиться и в храме, в день торжественного праздника, чтобы хотя на малое время отдать всё сердце Христу, радости о том, что Он для нас сделал?

Но, быть может, мы гораздо лучше, чем ветхозаветный Израиль, вникаем в смысл нынешнего торжества и не заставляем Господа скорбеть, как об Израиле древнем, не узнавшем времени посещения своего? Правда, пришли в храм люди с вербами, знаменами нынешнего торжества. И даже многие присоединяются к пению тропаря: *...тем же и мы, яко отроцы, победы знамения носяще, Тебе, Победителю смерти, вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне*. Но не многие вникают в глубокий, возвышенный смысл этой песни праздника! Не многие приникают слухом к стихирам и иным песням церковным, в которых изъясняется смысл нынешнего праздника, подобно жаждущему, припадающему к источнику воды! Не остаются ли вне внимания многие слова дивного возвышенного канона, из которых одна песнь была уже приведена выше? Не остаются ли у многих недвижимыми ум и сердце даже при величественных звуках этой более часто слышимой в каноне песни: *Бог Господь, и явися нам. Составите праздник, и веселящися приидите, возвеличим Христа, с ваиами и ветвymi, песньми зовуще: благословен Грядый во имя Господа, Спаса нашего*⁴⁷. Без надлежащего разумения смысла празднества как могут чада Церкви войти в нынешнюю радость?»

В 1935 году у архиепископа Фаддея наконец-то появился секретарь – Владимир Иванович Соколов, сын священника, служившего до 1921 года в селе Трусово Тверской губернии; скорби от властей и неизлечимая болезнь рано унесли его жизнь. С 1920-го по 1929 год Владимир Иванович служил псаломщиком в храме, где ранее служил его отец. После того как всё имущество у семьи в 1929 году было отнято, он переехал в Тверь и устроился завхозом в Вознесенскую церковь, и работал здесь до того времени, пока в 1935 году ее не захватили обновленцы. Тогда он стал секретарем у архиепископа Фаддея, одновременно с этим – регентом в Успенской единоверческой церкви, где часто служил архиепископ.

Власти в 1936 году отбирали у православных последние храмы. Обновленцы ездили по Тверской епархии, требуя от настоятелей, чтобы те передавали им храмы. Но бóльшая часть духовенства, зная своего архипастыря-подвижника и его церковную позицию относительно обновленцев, не поддавалась ни на уговоры, ни на угрозы. 29 сентября 1936 года гражданские власти лишили архиепископа Фаддея регистрации и запретили ему служить, но он по-прежнему ездил служить в последний ещё незакрытый храм за Волгой.

В декабре 1936 года заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) назначил на Тверскую кафедру архиепископа Никифора (Никольского)⁴⁸, но признание архиепископа Фаддея своим

⁴⁷ Ирмос 9-й песни канона на утрени. Рус.: *Бог – Господь, и Он явился нам! Устройте праздник и давайте, ликуя, возвеличим Христа, с побегами пальм и ветвями в песнях восклицая: «Благословен Грядущий во имя Господа, Спасителя нашего!*

⁴⁸ Архиепископ Никифор (Никольский; 1861–1942). В 1931 году был хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии, и в том же году назначен епископом Кимрским, викарием Калининской епархии, в 1936 году – правящим архиереем Калининской епархии с возведением в сан архиепископа, причем без смещения с кафедры архиепископа Фаддея. После смерти архиепископа Никифора, при составлении в 1942 году справки о нем, этот «канонический казус» – одновременное

архипастырем-исповедником было столь безусловно, что духовенство епархии по-прежнему сноилось с ним, как со своим правящим архиереем.

Летом 1937 года в соответствии с приказом НКВД СССР № 00447, где первые два нуля означали особую его секретность, в стране начались массовые аресты. Множество духовенства и мирян, проживавших на территории Калининской области, были арестованы и расстреляны, как например живший на покое в городе Кашине епископ Григорий (Лебедев), а вместе с ним и всё духовенство города. Было арестовано тогда и почти всё духовенство в Твери. Следователи спрашивали арестованных об архиепископе Фаддее. Священник села Ерзовка Митрофан Орлов 5 октября 1937 года согласился подписать составленные следователем протоколы допросов, хотя в них возводилась клевета и не только на архиепископа Фаддея, но и на многих священнослужителей и мирян области, которых обвиняли в участии в «контрреволюционной фашистско-монархической группе».

21 ноября временно состоявший на должности оперуполномоченного 4-го отдела УГБ НКВД сержант Пликин допросил Василия Садовникова, бывшего некоторое время иподиаконом архиепископа Фаддея. На вопросы сотрудника госбезопасности тот отвечал уклончиво, но всё же признал, что священнослужители церковей Неопалимой Купины и единоверческой Успенской были близко знакомы с архиепископом Фаддеем, что в глазах следователя и означало, что те состояли в одной «контрреволюционной организации». На вопрос, о чем архиепископ Фаддей разговаривал с ним, Василий ответил: «разговоров помимо службы он со мной не допускал».

В качестве свидетелей были допрошены давние сотрудники госбезопасности – обновленцы, многие из которых в 1920-х годах были «назначены» ОГПУ священниками и рукоположены архиереями-обновленцами. Относительно «бытовых» подробностей они, как агенты, давали показания, близкие к действительности, но интерпретировали их с учетом интересов своих руководителей из НКВД.

20 декабря 1937 года около восьми часов вечера сотрудники НКВД пришли арестовать архиепископа Фаддея. Они обыскивали небольшой дом до пяти часов утра, перерыли всё, но ни денег, ни чего-либо материально ценного, как ожидали, не нашли. Во время обыска забрали панагии, кресты, потир, дароносицу, облачение, четыре митры и два клобука, два архиерейских жезла, кисточку для елеопомазания, тридцать чашечек, двадцать семь свечей, тридцать четок, сто три духовные печатные книги, тринадцать тетрадей с записями и дневниками архиепископа, документы – циркуляры и распоряжения Московской Патриархии, три свертка ставленнических грамот, папки с фотографиями и перепиской, альбомы с фотографиями, часы, в частности и принадлежавшие Вере Васильевне⁴⁹.

нахождение на одной кафедре двух архиереев – был «успешно» разрешен, и в справке назначение на кафедру архиепископа Никифора было перенесено на декабрь 1937 года – Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию было в это время уже доподлинно известно, что архиепископ Фаддей в декабре 1937 года был арестован и 2 января 1938 года погребен на одном из кладбищ в Твери.

⁴⁹ Часть этих вещей 8 января 1938 года была передана по описи в финансовый отдел УГБ НКВД по Калининской области и затем исчезла, часть исчезла еще до передачи, а тетради с дневниками, папки с перепиской и альбомы с фотографиями были, по-видимому, сожжены.

– На что же вы живете? – спросил архиепископа сотрудник НКВД, не обнаружив денег.

– Мы живем подаянием, – ответил тот.

Начались допросы. Оперуполномоченный 6-го отделения 4-го отдела УГБ НКВД сержант Выгодчиков спросил архиепископа, как и кто помогал ему материально.

– Материальная помощь передавалась мне лично в церкви в виде доброхотных подношений. Фамилии этих лиц я назвать не имею возможности, так как их не знаю, – ответил архиепископ.

– Ваши показания ложны. Средства вам передавались не в церкви. Следствие располагает данными об использовании по сбору средств среди ваших знакомых малолетних детей, школьников, – заявил Выгодчиков.

– Я отрицаю указанные факты и категорически заявляю, что я не использовал для сбора средств малолетних детей. Средства мною получались, как я указал, в церкви. Кроме того, мне приносили деньги из единоверческой церкви как архиепископу, управляющему епархией, но я от этих денег отказывался.

– Вы часто посещали единоверческую церковь? – спросил Выгодчиков.

– Единоверческую церковь я посещал все праздники и воскресные дни, – ответил архиепископ.

– Кто вами был назначен благочинным в Ново-Карельский район Карельского национального округа?

– В 1935 году мною был назначен священником в церковь села Ерзовка Ново-Карельского района Митрофан Орлов, который впоследствии при организации Карельского округа был назначен благочинным. Точно, когда это назначение имело место, я за отсутствием записей сказать не могу.

– Изложите подробно, какой разговор на политические темы у вас был с Митрофаном Орловым перед его отъездом в село Ерзовка?

– Вёл ли я какой-либо разговор на политические темы с Митрофаном Орловым, я не помню.

– Какие задания антисоветского характера вы давали Митрофану Орлову перед его отъездом в село Ерзовку?

– Антисоветских заданий я Митрофану Орлову не давал, а наоборот, мною ему давались указания о том, чтобы он действовал в соответствии с существующими законами, не допускал политических проявлений в своих проповедях и не допускал никаких разговоров о колхозном строительстве, поскольку район, в который он назначен, в основном сельский.

– Показание ваше ложно. Следствием установлено, что вы давали Митрофану Орлову задание об организации контрреволюционной деятельности. Ваше лживое показание рассматривается как попытка скрыть свою контрреволюционную деятельность. Требую правдивых показаний.

– Показания, данные следствию, являются правдивыми. Мною никогда никаких контрреволюционных заданий не давалось, даже более, я предупреждал избегать политических вопросов в процессе церковной службы.

– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Дайте правдивые показания и признаете ли себя виновным в этом? – повторил свой вопрос Выгодчиков.

– В контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю, – ответил архиепископ Фаддей.

В тюрьме архиепископа Фаддея поместили в камеру, где находились уголовники, которые всячески издевались над ним и унижали его. Они подводили архиепископа к стене и забирались к нему на плечи, чтобы достать до окна, заталкивали его под нары, и затем один из них наполнял консервную банку нечистотами и совал под нары, изображая диакона, подающего архиерею кадило.

Архиепископ Фаддей всё переносил с кротостью и смирением. Лежа под нарами и непрестанно молясь, он в последние дни своей жизни смиренно нес крест поношений, памятуя, каким поношениям подвергся Спаситель.

И Матерь Божия Сама вступилась за праведника, как когда-то за преподобного Иоанна Дамаскина. Ночью Она явилась главарю уголовников и грозно сказала: «Не трогайте святого мужа, иначе вы все лютой смертью погибнете».

Наутро он рассказал об этом товарищам, и они бросились под нары – глянуть, жив ли еще святой старец. И из-под нар их осиял ослепительный свет. Поставив архиепископа на ноги, они просили у него прощения, и с этого дня все насмешки над ним прекратились. Администрация тюрьмы, увидев перемену в отношении к архиепископу Фаддею заключенных, перевела его в другую камеру.

30 декабря 1937 года оперуполномоченный Выгодчиков составил по делу архиепископа Фаддея обвинительное заключение, написав, что тот, «как руководитель контрреволюционной организации, давал задания участникам на организацию контрреволюционных церковно-монархических групп и повстанческих ячеек во вновь организованном Карельском национальном округе через своего посланца Митрофана Орлова, арестованного и осужденного к высшей мере наказания – расстрелу». Выгодчиков рекомендовал передать следственное дело на рассмотрение тройки НКВД. С этим согласились начальник 4-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Калининской области Рождественский и помощник начальника 4-го отделения 4-го отдела лейтенант госбезопасности Афанасьев.

Само же заседание тройки состоялось еще в предыдущий день. 29 декабря тройка УНКВД по Калининской области в составе ее председателя начальника УНКВД по Калининской области А. В. Гуминского, 1-го секретаря обкома П. Г. Рабова и заместителя прокурора области И. П. Бобкова приговорила архиепископа Фаддея к расстрелу.

Верующие не знали о состоявшемся уже приговоре и установили у ворот тюрьмы дежурство, чтобы знать, куда перевезут архиепископа.

Архиепископа Фаддея казнили в последний день уходящего кровавого года, 31 декабря, утопив в яме с нечистотами. На следующий день одна из прихожанок принесла в тюрьму передачу, но передачу не приняли, а вместо этого сотрудник НКВД выдал ей в бумажном свертке вещи архиепископа – подрясник, сукфью и белье, а на вопрос, жив ли владыка, ответил: «Нет».

Тюремный врач, поддерживавшая связь с близкими к архиепископу людям, сообщила, что его повезут хоронить на кладбище, расположенное напротив тюрьмы у храма в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», там недалеко от дороги уже вырыта неглубокая яма.

2 января 1938 года около четырех часов дня, когда начинало смеркаться, от тюрьмы через замерзшую Волгу в сопровождении двух сотрудников НКВД по направлению к кладбищу двинулись сани. В это время на кладбище находились женщины – монахиня Мария, Евдокия Васильевна Ромашова и одна из тех, кто

часто тогда дежурил у тюрьмы. Сани остановились рядом с ямой. Увидев женщин, сотрудники НКВД стали их гнать: «А ну идите отсюда!» Монахиня Мария не растерялась и стала допытываться, кого они привезли.

– Фаддея вашего привезли! – ответил один из них.

Тело архиепископа было завернуто в брезент; когда его развернули, женщины увидели, что одет архиепископ в нижнее белье и руки связаны проволокой. Сбросив тело в яму, сотрудники НКВД сравняли ее с землей и уехали.

22 декабря 1937 года был арестован секретарь архиепископа Фаддея Владимир Иванович Соколов. На допросах он с удивительной теплотой отозвался об архиепископе и, отвечая на вопросы следователя, о чем они говорили, ограничился лишь сообщением, что с архиепископом они говорили о прошлой жизни и о природе, которую архиепископ Фаддей очень любил. Не стал он скрывать, что поддерживал с архиепископом близкие отношения и посещал его до самого последнего времени, но сообщать о том, о чем бы хотел услышать следователь, не стал. Владимира Ивановича обвинили в проведении контрреволюционной агитации, в чем виновным он себя не признал. 6 марта 1938 года тройка УНКВД по Калининской области приговорила его к расстрелу. Владимир Иванович Соколов был расстрелян через день, 8 марта, о чем засвидетельствовали начальник 8-го отдела УГБ УНКВД Калининской области лейтенант госбезопасности Станкевич, начальник АХО лейтенант Курзин, начальник внутренней тюрьмы сержант Иржевский и сержант Александров, один из них, по-видимому, и привел приговор в исполнение.

23 декабря 1937 года была арестована Вера Васильевна Трукс, 26 декабря оперуполномоченный НКВД сержант Выгодчиков допросил ее. Он настойчиво интересовался тем, что ей, как человеку близкому к архиепископу, известно о его враждебной деятельности по отношению к советской власти.

– Мною с его стороны никогда не замечалось какого-либо проявления враждебного отношения к советской власти, – ответила Вера Васильевна.

– Как часто и кто конкретно посещал архиепископа и какие велись разговоры? – спросил ее следователь.

– Принимал на квартире священников, приезжавших к нему по различным надобностям.

– Кто из священников бывал у вас из Кашинского района?

– Бывали не только священники, но и прихожане из Кашинского района, но их фамилий я не знала, так как всех физически я упомянуть не могла.

– В вашем присутствии к архиепископу приходил священник Митрофан Орлов, которого он послал в село Ерзовку Ново-Карельского района. Помните вы это? – спросил ее следователь.

– Отказываюсь отвечать, так как я Митрофана Орлова не знаю.

– Следствием установлено, что вы с благословения архиепископа проявили инициативу по сбору средств на постройку нелегального монастыря, для чего вели переговоры о покупке дома и подыскивали участок земли.

– О покупке дома я никаких разговоров не вела и инициативы по постройке монастыря не проявляла, – ответила Вера Васильевна.

31 января 1938 года сержант госбезопасности Пликин зачитал исповеднице обвинение в контрреволюционной агитации и спросил, признает ли она себя в этом виновной.

– Контрреволюционную агитацию я нигде не проводила, – категорично ответила Вера Васильевна.

– Вы говорите неправду, – заявил следователь, – следствие располагает неопровержимыми данными о том, что вы в кругу своих знакомых систематически вели контрреволюционную агитацию.

– Я никогда и нигде контрреволюционную агитацию не вела и виновной себя в этом не признаю, – ответила Вера Васильевна.

7 февраля следователь Пликин вызвал свидетелем обновленческого священника Тимофея Колесникова, ранее уже дававшего показания против архиепископа Фаддея. Он показал, что приходил к архиепископу домой, чтобы с ним поговорить; келейница Вера Васильевна заявила ему, что архиепископ Фаддей отказал ему в приеме, что красных попов он не принимает, как пособников советской власти, уничтожающих религию в России. После этого он ушел и с Верой Васильевной больше не встречался, и о ее активной агитации ничего не слышал.

14 февраля следователь устроил очную ставку Веры Васильевны с Тимофеем Колесниковым и спросил его:

– Что вам известно о контрреволюционной деятельности Веры Васильевны Трукс?

– О контрреволюционной деятельности с ее стороны мне ничего неизвестно, – ответил тот, – но ее враждебное настроение к существующему строю всегда было заметно.

И он вновь пересказал о своем визите к архиепископу Фаддею, имевшем, по существу, провокационный характер, так как он собирался ему сказать, что православные священники по благословению архиепископа предадут обновленцев анафеме; он надеялся получить от него ответ, который можно было бы затем использовать для обвинения архиепископа.

– Обвиняемая Трукс, вы подтверждаете показания свидетеля Колесникова? – спросил Веру Васильевну следователь.

– Посещение священником Колесниковым архиепископа Фаддея возможно что и было, я этого не помню, но слов его я не подтверждаю, так как я, если кому и отвечала, то только так, что архиепископ не принимает, и обругать я его не могла.

14 сентября 1938 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Веру Васильевну к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и она была отправлена в один из Сибирских лагерей. Глубоко верующий человек и мужественная исповедница, Вера скончалась в 1942 году в заключении, за несколько месяцев до окончания срока⁵⁰.

Весной 1938 года, вскоре после празднования Пасхи, близкие к архиепископу люди, придя на могилу, открыли ее и переложили тело архиепископа Фаддея в сколоченный из тонких досок ящик. Одна из женщин, как бы желая похристосоваться с архиепископом, вложила пасхальное яйцо в его столь часто и еще столь недавно благословлявшую руку. На могиле был поставлен небольшой крест и сделана надпись, что сразу же было замечено сотрудниками НКВД, и крест был уничтожен.

⁵⁰ День празднования памяти мученицы Веры совершается в тот же день, что и священномученика Фаддея, – 18/31 декабря.

Прошло много лет. Храм в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» был снесен, были уничтожены почти все надгробные памятники и кресты, и точное место погребения архиепископа Фаддея было утрачено.

В середине 1980-х годов было начато исследование жизни архиепископа Фаддея и произведены поиски места его захоронения, и в конце концов, возникла уверенность, что оно будет найдено. 23 октября 1993 года иеромонах Дамаскин (Орловский) указал место погребения священномученика Юлии Ефимовне Топорковой⁵¹. 26 октября, в день праздника Иверской иконы Божией Матери, были обретены мощи священномученика⁵². Дополнительными исследованиями, проведенными в Москве заведующим отделом судебно-медицинской экспертизы Научно-исследовательского института судебной медицины Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктором медицинских наук, профессором Виктором Николаевичем Звягиным было подтверждено, что найденные в тюремном захоронении останки принадлежат архиепископу Тверскому Фаддею. В день празднования памяти священномученика, 31 декабря 1994 года, мощи были перенесены в Вознесенский собор города Твери.

Состоявшийся 18–23 февраля 1997 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил архиепископа Фаддея к лику святых. Как при его жизни, так и после его мученической кончины многие обращающиеся к священномученику получают по его молитвам исцеление и благодатную помощь.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Архимандрит Дамаскин (Орловский). «Хвала Богу и жертва живая...». Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. Москва, 2022 г.

Источники и литература

Успенский Иван Васильевич (архиепископ Фаддей). Дневник (1894–1896). Рукопись.

Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской. Творения. Кн. 1. Проповеди. Тверь, 2002.

⁵¹ Юлия Ефимовна Топоркова (1938–2009), впоследствии приняла монашеский постриг с именем Анна в честь преподобной Анны Кашинской и была назначена игуменией Николаевского Клобуковского монастыря в городе Кашине Тверской епархии, который она с помощью Божией успешно восстановила. Незадолго до кончины она приняла схиму с именем Стефанида.

⁵² В 2020 году попечением директора «Института русско-славянских исследований имени Н. Я. Данилевского» А. В. Буренкова на этом месте был выстроен храм в честь священномученика Фаддея, архиепископа Тверского.

Священномученик архиепископ Фаддей (Успенский). Радуйтесь! М., 1998.
Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. СПб., 1994.
Фудель С. И. Собрание сочинений в трех томах. М., 2001. Том 1.
Кузнецов А. И. Фаддей, архиепископ Астраханский. 1965. Машинопись.
Теплов В. В. О владыке Фаддее / Информационно-аналитический портал
Саратовской митрополии «Православное Поволжье» [https://eparhia-saratov.ru/
Articles/pust-serdce-stremitsya-k-gospodu](https://eparhia-saratov.ru/Articles/pust-serdce-stremitsya-k-gospodu)